ISSN 1998-5053

Министерство образования и науки
Российской Федерации

Научный журнал

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

(продолжение журнала 1947–1975 гг.)

№ 3 (132). Май, 2013

Серия: Общественные и гуманитарные науки

Главный редактор
А. В. Воронин, доктор технических наук, профессор

Зам. главного редактора
В. Б. Акулов, доктор экономических наук, профессор
Э. К. Зильбер, доктор медицинских наук, профессор
Э. В. Ивантер, доктор биологических наук, профессор, член-корреспондент РАН
И. Р. Шегельман, доктор технических наук, профессор

Ответственный секретарь журнала
Н. В. Ровенко, кандидат филологических наук

Перепечатка материалов, опубликованных в журнале, без разрешения редакции запрещена.
Статьи журнала рецензируются.

Адрес редакции журнала
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33. Каб. 272.
Тел. (8142) 76-97-11
E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrsu.ru

© ФГБОУ ВПО «Петрозаводский государственный университет (ПетрГУ)», 2013

Редакционный совет

В. Н. БОЛЬШАКОВ
доктор биологических наук,
профессор, академик РАН (Екатеринбург)

И. П. ДУДАНОВ
доктор медицинских наук, профессор,
член-корреспондент РАМН (Петрозаводск)

В. Н. ЗАХАРОВ
доктор филологических наук,
профессор (Москва)

А. С. ИСАЕВ
доктор биологических наук,
профессор, академик РАН (Москва)

МАРЕК ВОХОЗКА
доктор экономических наук
(Чешские Будейовицы, Чешская Республика)

Н. Н. МЕЛЬНИКОВ
доктор технических наук,
профессор, академик РАН (Апатиты)

И. И. МУЛЛОНЕН
доктор филологических наук,
профессор (Петрозаводск)

В. П. ОРФИНСКИЙ
доктор архитектуры, профессор,
действительный член Российской академии
архитектуры и строительных наук (Петрозаводск)

ПААВО ПЕЛКОНЕН
доктор технических наук,
профессор (Йоенсуу, Финляндия)

И. В. РОМАНОВСКИЙ
доктор физико-математических наук,
профессор (Санкт-Петербург)

Е. С. СЕНЯВСКАЯ
доктор исторических наук, профессор (Москва)

СУЛКАЛА ВУОККО ХЕЛЕНА
доктор философии, профессор
(Оулу, Финляндия)

Л. Н. ТИМОФЕЕВА
доктор политических наук, профессор (Москва)

А. Ф. ТИТОВ
доктор биологических наук, профессор,
член-корреспондент РАН (Петрозаводск)

МИЛОСАВ Ж. ЧАРКИЧ
ведущий профессор Сербской
Академии наук и искусств (Белград, Сербия)

Р. М. ЮСУПОВ
доктор технических наук, профессор,
член-корреспондент РАН (Санкт-Петербург)

Редакционная коллегия серии
«Общественные и гуманитарные науки»

В. А. АЧКАСОВ
доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург)

Т. А. БАБАКОВА
доктор педагогических наук, профессор (Петрозаводск)

С. Г. ВЕРИГИН
кандидат исторических наук (Петрозаводск)

А. В. ВОЛКОВ
кандидат философских наук (Петрозаводск)

РИХО ГРЮНТХАЛ
доктор философии,
профессор (Хельсинки, Финляндия)

П. М. ЗАЙКОВ
доктор филологических наук, профессор (Петрозаводск)

С. И. КОЧКУРКИНА
доктор исторических наук (Петрозаводск)

А. Е. КУНИЛЬСКИЙ
доктор филологических наук, профессор,
ответственный секретарь серии (Петрозаводск)

Т. Г. МАЛЬЧУКОВА
доктор филологических наук,
профессор (Петрозаводск)

В. С. МАКСИМОВА
доктор исторических наук,
профессор (Петрозаводск)

Н. В. ПАТРОЕВА
доктор филологических наук,
профессор (Петрозаводск)

А. М. ПАШКОВ
доктор исторических наук (Петрозаводск)

В. М. ПИВОЕВ
доктор философских наук,
профессор (Петрозаводск)

С. Н. ЧЕРНОВ
доктор юридических наук,
профессор (Петрозаводск)

М. И. ШУМИЛОВ
доктор исторических наук, профессор (Петрозаводск)

ISSN 1998-5053

Ministry of Education and Science
of the Russian Federation

Scientific Journal

PROCEEDINGS
OF PETROZAVODSK STATE UNIVERSITY

(following up 1947–1975)

№ 3 (132). May, 2013

Social Sciences & Humanities

Chief Editor
Anatoly V. Voronin, Doctor of Technical Sciences, Professor

Chief Deputy Editor
Vladimir B. Akulov, Doctor of Economic Sciences, Professor
Elmira K. Zilber, Doctor of Medical Sciences, Professor
Ernest V. Ivanter, Doctor of Biological Sciences, Professor,
The RAS Corresponding Member
Il'ya R. Shegelman, Doctor of Technical Sciences, Professor

Executive Secretary
Nadezhda V. Rovenko, Candidate of Philological Sciences

All rights reserved. No part of this journal may be used
or reproduced in any manner whatsoever without written permission.
The articles are reviewed.

The Editor's Office Address
185910, Lenin Avenue, 33. Tel. +7 (8142) 769711
Petrozavodsk, Republic of Karelia
E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrsu.ru

© FBSEI «Petrozavodsk State University (PetrSU)», 2013

Editorial Council

V. BOLSHAKOV
Doctor of Biological Sciences,
Professor, the RAS Member (Ekaterinburg)

I. DUDANOV
Doctor of Medical Sciences, Professor,
the RAMS Corresponding Member (Petrozavodsk)

V. ZAKHAROV
Doctor of Philological Sciences,
Professor (Moscow)

A. ISAYEV
Doctor of Biological Sciences,
Professor, the RAS Member (Moscow)

MAREK VOCHOZKA
Doctor of Economic Sciences
(Ceske Budejovice, Czech Republic)

N. MEL'NIKOV
Doctor of Technical Sciences,
Professor, the RAS Member (Apatiti)

I. MULLONEN
Doctor of Philological Sciences,
Professor (Petrozavodsk)

V. ORPHINSKY
Doctor of Archtecture, Professor,
Full Member of Russian Academy
of Architectural Sciences (Petrozavodsk)

PAAVO PELKONEN
Doctor of Technical Sciences,
Professor (Joensuu, Finland)

I. ROMANOVSKY
Doctor of Physical-Mathematical Sciences,
Professor (St. Petersburg)

E. SENYAVSKAYA
Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow)

HELENA SULKALA
Doctor of Philosophy,
Professor (Oulu, Finland)

L. TIMOFEEVA
Doctor of Political Sciences, Professor (Moscow)

A. TITOV
Doctor of Biological Sciences, Professor,
the RAS Corresponding Member (Petrozavodsk)

M. CHARKICH
the Leading Professor of Serbian Academy
of Sciences and Arts (Belgrade, Serbia)

R. YUSUPOV
Doctor of Technical Sciences, Professor,
the RAS Corresponding Member (St. Petersburg)

Editorial Board of the Series "Social Sciences & Humanities"

V. ACHKASOV
Doctor of Political Sciences,
Professor (St. Petersburg)

T. BABAKOVA
Doctor of Pedagogical Sciences,
Professor (Petrozavodsk)

S. VERIGIN
Candidate of Historical Sciences (Petrozavodsk)

A. VOLKOV
Candidate of Philosophic Sciences (Petrozavodsk)

R. GRYÜNTHAL
Doctor of Philosophic Sciences,
Professor (Helsinki, Finland)

P. ZAIKOV
Doctor of Philological Sciences,
Professor (Petrozavodsk)

S. KOCHKURKINA
Doctor of Historical Sciences (Petrozavodsk)

A. KUNIL'SKIY
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Executive Secretary of the series (Petrozavodsk)

T. MAL'CHUKOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor (Petrozavodsk)

V. MAXIMOVA
Doctor of Historical Sciences, Professor (Petrozavodsk)

N. PATROEVA
Doctor of Philological Sciences, Professor (Petrozavodsk)

A. PASHKOV
Doctor of Historical Sciences (Petrozavodsk)

V. PIVOEV
Doctor of Philosophic Sciences, Professor (Petrozavodsk)

S. CHERNOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Petrozavodsk)

M. SHUMILOV
Doctor of Historical Sciences, Professor (Petrozavodsk)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Веригин С. Г.
Подвиг советского разведчика С. Д. Гуменюка на Карельском фронте в годы Великой Отечественной войны **7**

Суни Л. В.
«Historiallinen Aikakauskirja» (к 110-летию старейшего исторического журнала Финляндии). **12**

Смирнова Н. В.
Чудеса Ляо Чжая в переводах В. М. Алексеева и даосские традиции в эпоху Цин **17**

Суворов Ю. В.
Ф. Лассаль и лассальянство в отечественной историографии **20**

Морозова С. П.
Материально-техническая база школ Карелии в хрущевский период. **25**

ПЕДАГОГИКА

Туркина В. М.
Развитие метакогнитивных способностей в условиях перехода на новые образовательные стандарты. **29**

Игнатенко М. В.
История развития дополнительного образования детей и подростков в России **33**

ПОЛИТОЛОГИЯ

Кузьмин А. Г.
Политический радикализм представителей современного российского католицизма («Русская Фаланга») **38**

Шлапеко Е. А.
Международная проектная деятельность Республики Карелия как ресурс регионального развития. **42**

СОЦИОЛОГИЯ

Кадникова Т. Г., Исаков В. А.
Опыт социологического исследования доходов домашних хозяйств в Республике Карелия **45**

Фадеева Н. Л.
Брачно-семейная структура в контексте демографической ситуации **50**

ФИЛОЛОГИЯ

Ахметова М. В.
Неофициальная топонимика Российского Севера (Карелия и Ленинградская область) в электронных источниках. **54**

Снигирева Т. А., Подчиненов А. В.
Система национальных зеркал в творчестве Б. Акунина. **60**

Оболеньска Д.
Между спагирией и алхимией. «Inferno» А. Стриндберга и «Роза и Крест» А. Блока **67**

Трубицина Н. А.
Водная стихия как доминанта «карельского текста» в книге Михаила Пришвина «В краю непуганых птиц». **74**

Заваркина М. В.
Повесть-хроника А. Платонова «Впрок» в литературно-политическом контексте времени **78**

Таврина А. М.
Образ байронического героя в русской романтической повести 30-х годов XIX века. **82**

ФИЛОСОФИЯ

Лебедев С. А.
Проблема оправдания индукции (метафизический и прагматический подходы) **86**

Шиповалова Л. В.
Объективность как предмет конфликтов **91**

ЭКОНОМИКА

Бородин А. И.
Модель контроля финансовых результатов предприятия **96**

Ревайкин А. С.
Воспроизводство населения в регионах СЗФО: состояние, проблемы. **101**

Мироненко Н. В.
Институциональные изменения на рынках сетевого информационного посредничества на основе кластерообразования **106**

Тужикова О. Г.
Инновационная культура в предпринимательстве . . **111**

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Петровский Ю. А.
Критерии малозначительности административных правонарушений **115**

Щербухин П. В.
О некоторых аспектах правового регулирования инкассации **119**

Юбилей

К 65-летию Т. А. Бабаковой. **123**

Contents. **124**

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2008 года

Сведения о журнале публикуются в электронной базе данных Central and Eastern European Online Library (C.E.E.O.L.)

Требования к оформлению статей см.:
http://uchzap.petrsu.ru/files/reg.pdf

Учредитель: ФГБОУ ВПО «Петрозаводский государственный университет»

Редактор Г. А. Мехралиева. Корректор С. Л. Смирнова. Переводчик Н. К. Дмитриева. Верстка Е. В. Ивановой.

Подписано в печать 20.05.2013. Формат 60x90 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
10 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. (1-й завод – 125 экз.) Изд. № .

Индекс 66094. Цена свободная.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77–37987
от 2 ноября 2009 г. выд. Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.

Отпечатано в типографии Издательства
Петрозаводского государственного университета
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

Май, № 3 **История** **2013**

УДК 947(470.22)

СЕРГЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ ВЕРИГИН
доктор исторических наук, доцент кафедры истории дореволюционной России, декан исторического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
verigin@psu.karelia.ru

ПОДВИГ СОВЕТСКОГО РАЗВЕДЧИКА С. Д. ГУМЕНЮКА НА КАРЕЛЬСКОМ ФРОНТЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ*

Рассматривается один из эпизодов «тайной войны» между советскими и финскими спецслужбами на Карельском фронте в 1941–1944 годах на примере внедрения в Петрозаводскую школу финской разведки советского разведчика С. Д. Гуменюка. Показываются формы и методы подготовки советской военной контрразведкой С. Д. Гуменюка, его заброска за линию фронта, внедрение в Петрозаводскую школу финской разведки, которая являлась крупнейшей на Карельском фронте. Особое внимание уделяется эффективности деятельности советского разведчика, выразившейся в срыве целого ряда операций данной разведшколы в советском тылу.

Ключевые слова: С. Д. Гуменюк, советская контрразведка, финская разведка, Великая Отечественная война, Карельский фронт

История борьбы советской контрразведки против деятельности разведывательных служб Финляндии в годы Великой Отечественной войны представляет значительный интерес для исследователей, так как дает возможность более объективно и всесторонне показать военное противоборство между СССР и союзницей Германии на северо-западном участке фронта – Финляндией. Эта проблема не получила еще достаточного освещения в российской историографии. Вместе с тем следует отметить, что за последнее десятилетие было опубликовано несколько статей Э. П. Лайдинена, С. Г. Веригина, О. М. Хлобустова, С. С. Авдеева и других исследователей [1; 9–23], [2; 95–99], [3; 81–88], [4; 95–106], [5; 50–53], [6; 42–45], [8; 18–19], [9], посвященных отдельным направлениям деятельности советских спецслужб против финской разведки. Они заложили основу для осуществления дальнейших комплексных исследований по данной теме.

В данной статье на основе анализа большого комплекса архивных документов из фондов российских и финляндских архивов, многие из которых до последнего времени были секретными и только недавно стали доступны исследователям, предпринята попытка рассмотреть один из аспектов проблемы – внедрение советских разведчиков в финские разведывательные школы в период боевых действий на Карельском фронте в 1941–1944 годах на примере деятельности разведчика Особого отдела (с 1943 года – Управление «Смерш») Карельского фронта Степана Дмитриевича Гуменюка.

Наряду с ожесточенной борьбой на северо-западном участке Советско-германско-финляндского фронта в 1941–1944 годах между противоборствующими сторонами развернулась небывалая по масштабам «тайная война». К началу вступления Финляндии в войну с СССР на стороне нацистской Германии страна располагала развитыми разведывательными и контрразведывательными органами. Разведку против СССР вело Управление военной разведки (разведывательный, иностранный и контрразведывательный отделы) и ее периферийные органы – разведывательные отделения в городах Лаппеенранта (Ленинградское направление), Йоэнсуу (Петрозаводское направление), Каяни (Беломорское направление) и Рованиеми (Мурманское направление). В годы войны Управление возглавляли полковники Ларс Меландер (1937–1942 годы) и Аладар Паасонен (1942–1944 годы).

Рассчитывая на быструю победу, финская военная разведка к началу войны против Советского Союза не создавала разведывательных школ для широкомасштабной подготовки агентуры. Столкнувшись с нехваткой информации о противнике в условиях позиционной войны, она начала испытывать острый недостаток агентурных кадров, что и стало одной из основных причин создания разведывательных школ по подготовке разведчиков, радистов и диверсантов. Уже к концу 1941 – началу 1942 года на территории Финляндии и оккупированной Карелии финская разведка создала 5 разведывательных школ: в Петрозаводске (2 школы), Рованиеми, Суомуссалми и Медвежьегорске.

Петрозаводская школа финской разведки была самой крупной разведшколой. Ее создали в Петрозаводске в конце 1941 года. Опасаясь нападения подразделений советских спецслужб, в марте 1943 года разведшкола из Петрозаводска переехала в Пряжинский район Карелии и располагалась в деревнях Минола, Улялега и Каменный Наволок на берегу оз. Шотозера, а в но-

© Веригин С. Г., 2013

ябре 1943 года – в Финляндии, где действовала с перерывами в м. Роуколахти, Савитайпале до июля 1944 года[1] [10; 182–183], [11; 250].

В школе работало более 10 преподавателей. Основу руководящего и преподавательского состава составили бывшие сотрудники так называемого «Отдела Раски» – временного отдела допросов военнопленных Управления военной разведки, который был создан в первые дни войны: Борис Карппела (Карпов), Владимир Мармо (Форсблом), Игорь Семенович Вахрос (Вахромеев), позже к ним присоединился белоэмигрант П. Соколов. Руководили школой Рейно Раски и Юрьё Палко (Юрий Поляков)[2] [10; 171, 181]. Все были выходцами из России, покинувшими страну после 1917 года. Начиная с 1943 года в Петрозаводской разведшколе преподавателями назначались советские военнопленные из числа бывших офицеров РККА[3].

Подготовка разведчиков в Петрозаводской разведшколе началась в мае – июне 1942 года, на курсах готовили одновременно до 20 агентов [10; 18], [11, 250]. Первый курс в начале августа 1942 года закончили 12 агентов, их разбили на пары и направили в советский тыл: 1-я группа разведчиков Петрозаводской разведшколы была направлена с разведзаданием водным путем в Ленинградскую область; все остальные направлены воздушным путем: 2-я группа – в Беломорский район, 3-я группа – на Московское направление, 4-я группа направлена 20 августа 1942 года в советский тыл (направление неизвестно), 5-я группа 22 августа – на Мурманское направление, 6-я группа 3 сентября 1942 года – в Каргопольский район Архангельской области[4].

Из 12 заброшенных агентов 11 разведчиков были сразу же задержаны (большинство явилось в органы советской власти добровольно, некоторые были арестованы органами безопасности). И только один агент «Палилов» (М. Ф. Полубейцев), сброшенный 20 августа 1942 года на парашюте в район г. Беломорска, пойти с повинной в НКВД не решился, но он был арестован 8 января 1943 года в Москве при призыве в РККА. Никаких заданий финской разведки он не выполнял[5].

С сентября 1942 года по январь 1943 года на курсах Петрозаводской разведшколы обучался 31 человек, все они в январе 1943 года были заброшены в советский тыл. Известны места заброски девяти агентурных групп (по 2 человека в каждой): в Карелию – район Беломорска и Сегежи, а также в Архангельскую и Вологодскую области[6]. Практически все были задержаны.

Всего, по разным данным, в школе было подготовлено от 80 [10; 183] до 300 агентов[7]. Однако точное число подготовленных курсантов очень сложно определить, так как многие курсанты (например, Рованиемской разведшколы) проходили обучение в Петрозаводской разведшколе, а их фамилии указываются в обеих школах. Кроме того, в конце мая 1943 года по окончании Петрозаводской разведшколы 15 курсантов (7 радистов и 8 разведчиков) были направлены в Рованиеми, где в местной разведшколе занимались еще один месяц, а затем были заброшены самолетом в Архангельскую и Вологодскую области. Всего в мае 1943 года в Рованиемской разведывательной школе находилось до 20 агентов, в основном прибывших из Петрозаводской разведшколы[8].

Активно, хотя и с меньшими масштабами, чем Петрозаводская разведшкола, работали и другие финские разведшколы: Суомуссалминская, Рованиемская и Медвежьегорская.

Деятельность немецкой и финской разведок вызывала беспокойство у военно-политического руководства СССР. Поэтому советские органы безопасности принимали меры по локализации их деятельности. Одним из главных направлений их работы стало внедрение своих разведчиков и агентов в разведывательные школы противника

В марте 1942 года Особый отдел Карельского фронта внедрил в Косалмский разведывательный пункт Петрозаводской школы финской разведки своего разведчика – Степана Дмитриевича Гуменюка. При отработке его биографии сотрудники Особого отдела пришли к решению оставить ее без изменения, полагая, что противник может сам все узнать. Дело в том, что Гуменюк родился и вырос на Украине, территория которой к этому времени была оккупирована немецкими войсками. «Плюсом» было и то, что Гуменюк перед войной отбывал наказание в исправительно-трудовом лагере за растрату и был освобожден незадолго до начала военных действий. В Особом отделе определили объем информации о советской воинской части, которую передаст Гуменюк на допросах у противника, одновременно в задание ввели элементы дезинформации о советских войсках. На заключительном этапе отработали технику перехода разведчика на сторону противника, уточнили линию его поведения на допросах, при общении с военнопленными, и особенно с администрацией и курсантами разведывательной школы, если он будет в нее зачислен, методы сбора сведений и способы связи. К концу февраля 1942 года подготовка агента была завершена, все вопросы по заброске и заданию Ленинградца (такой псевдоним получил Гуменюк) утвердили у руководства Особого отдела Карельского фронта.

В одну из ночей начала марта 1942 года Д. С. Гуменюк через Повенецкую губу Онежского озера был переброшен в тыл финнов под видом изменника Родины. Заметив противников, Гуменюк поднял руки, держа в одной из них белый платок, и зашагал им навстречу. После допросов его направили в лагерь для военнопленных, где он работал на каменоломнях. В конце марта 1942

года Гуменюка вызвали в канцелярию лагеря на допрос к финскому майору: его интересовали места рождения, работы, родственники, служба в Красной армии, судимость и пребывание в заключении, обстоятельства перехода на сторону противника. Особый интерес майор проявил к Беломорскому гарнизону, в одной из частей которого Гуменюк служил. Разведчик на все вопросы отвечал в соответствии с отработанной линией легенды. Судя по всему, финская сторона осталась довольна ответами Гуменюка, и в начале апреля 1942 года его поселили в небольшом домике на окраине Петрозаводска. Далее с ним беседовали капитан Мармо и майор Раски, которые завербовали его в качестве агента финской разведки под псевдонимом Александр Морозов. Гуменюк подписал обязательство на русском языке о добровольном сотрудничестве с финской разведкой, неукоснительном выполнении разведывательных заданий, о наградах за геройство и суровом наказании, вплоть до расстрела, за невыполнение задания, за обман, дезертирство и предательство. Поставил дату, а также оставил под обязательством отпечатки пальцев, после чего был зачислен в состав курсантов Петрозаводской разведывательной школы.

Трехмесячная подготовка пролетела быстро, и начальник разведывательной школы майор Раски поставил Гуменюку задачу, состоящую из двух частей: во-первых, проникнуть в Беломорск, установить местонахождение штаба Карельского фронта и воинских частей, а также собрать сведения об установленном в гарнизоне режиме; во-вторых, войти в здание штаба Карельского фронта и подложить в удобном месте взрывчатое вещество с часовым механизмом. В июне 1942 года Гуменюк был заброшен на самолете в советский тыл в район Беломорска. Благополучно приземлившись, Гуменюк забрал взрывное устройство и парашют и пришел в Особый отдел фронта, где встретился с начальником отделения зафронтовой агентуры С. И. Холево. Разведчик около двух часов рассказывал о пребывании в финской разведывательной школе, о ее деятельности и о данном ему разведывательно-диверсионном задании, сообщил о том, что противнику известно, в каком здании располагается штаб фронта. Гуменюк представил подробный письменный отчет о Петрозаводской школе финской разведки. С разведчиком встретились командующий Карельским фронтом генерал В. А. Фролов и начальник Особого отдела фронта А. М. Сиднев.

На основании информации, полученной от разведчика Особого отдела, командование приняло ряд важных решений. Было решено в двухнедельный срок осуществить передислокацию штаба фронта. В связи с данными о передвижении вражеских войск в северном направлении предполагалось провести серию мероприятий по усилению наблюдения за противником на Ухтинском направлении. Для укрепления положения разведчика в стане противника решили имитировать совершение Гуменюком «по собственной инициативе» диверсии на военных складах, расположенных на окраине Беломорска. Идею этой инсценировки выдвинул командующий Карельским фронтом В. А. Фролов.

Для этого в двух-трех десятках мест освобожденных складов заложили дымовые шашки и подожгли их. На третий день пребывания Гуменюка в Беломорске начался пожар, вызвавший серию взрывов в помещении складов, где раньше лежали снаряды. Как только начался пожар, бойцы батальона охраны Особого отдела оцепили «опасный» район, закрыв доступ к складским помещениям. К месту пожара прибыло много военных и гражданских лиц. Возникли слухи, что «это дело диверсантов». Эти широко распространившиеся в прифронтовом городе слухи создали весьма правдоподобную легенду для получения советским разведчиком еще большего доверия со стороны майора Раски и его коллег.

После «совершения диверсии» в Беломорске 29 июня 1942 года Гуменюк был переправлен через линию фронта из района г. Сегежи под видом агента разведки противника, возвращающегося на свою сторону после успешного выполнения задания в тылу советских войск. Перед ним была поставлена задача – еще глубже внедриться в разведку противника, продолжать сбор сведений о замыслах противника, об агентах, подготовленных к заброске в расположение и на коммуникации Карельского, Ленинградского и Волховского фронтов со шпионско-диверсионными заданиями. По возможности после тщательного и всестороннего изучения вести работу по склонению заслуживающих доверия агентов из числа советских военнопленных к явке с повинной. Однако оставался очень важный вопрос: не были отработаны способы связи Гуменюка с Особым отделом Карельского фронта в случае новой заброски на советскую территорию.

После перехода нейтральной полосы Гуменюк вышел к переднему краю вражеской обороны. Был задержан противником и доставлен в г. Медвежьегорск. Здесь Гуменюк сообщил о своей принадлежности к агентурному аппарату майора Раски, назвал свой псевдоним – Морозов. Прошло немного времени, и агент Морозов на автомашине Раски был доставлен в м. Косалму. Майор Раски остался доволен докладом, а Гуменюк вместе с капитаном Мармо составил подробную схему того района Беломорска, где стоял «уничтоженный» Морозовым склад. Началась проверка достоверности успешно проведенной агентом диверсии, которая поначалу вызывала у Раски сомнения. Повторная аэрофотосъемка подтвердила данные Гуменюка об

уничтожении военного склада. Раски объявил Гуменюку, что положительно оценивает работу, проделанную им в Беломорске. За проявленное мужество, инициативу и находчивость командование наградило Гуменюка медалью «За заслуги» второй степени [7; 180–203].

После возвращения из советского тыла и дальнейшей проверки Гуменюк был зачислен в штат Косалмского разведотряда Петрозаводской школы финской разведки на правах финского солдата. В сентябре 1943 года в составе группы из трех человек был заброшен в район Сегежи, но связаться с Управлением контрразведки «Смерш» Карельского фронта не смог, так как группа отсиделась в лесу. Больше в советский тыл его не направляли. В конце июня 1944 года в составе 12 выпускников разведшколы – наиболее ценных агентов оказался в районе Йоэнсуу [7; 203].

В начале мирных переговоров с СССР Гуменюка направили в Оулу, где он в сентябре –октябре 1944 года вел разведку передвижения немецких войск. В связи с перемирием советские власти потребовали выдачи всех военнопленных, ему и другим разведчикам вручили финские документы. В декабре 1944 года Косалмское разведотделение расформировывается. Гуменюку выдали финскую медаль, и он самостоятельно устроился (по финскому паспорту) на службу в пограничную охрану в районе Петсамо. В мае 1945 года после учебы в пограншколе в Хельсинки он встретился с бывшими сослуживцами. Оставшись неразоблаченным, Гуменюк инициативно вышел на советскую резидентуру в Хельсинки, нашел возможность посетить Союзную контрольную комиссию, и 16 мая 1945 года его тайно на самолете вывозят в Ленинград. По финским данным, С. Д. Гуменюк, он же Терро, уже 11 ноября 1944 года был передан в СССР[9].

Возвратившись в Ленинград, С. Д. Гуменюк представил в военную контрразведку ценные сведения о деятельности разведывательных органов противника, об известных ему официальных сотрудниках, и особенно агентах финской разведки, заброшенных или подготовленных к заброске на территорию нашей страны с подрывными заданиями. Сообщил также сведения о возможных местах нахождения вывезенных в Финляндию агентов [7; 210]. В своем отчете указал около 100 человек: 21 кадровый сотрудник финской разведки, 22 человека из числа обслуживающего персонала, 27 агентов, 21 член диверсионно-разведывательных групп[10].

Советские разведчики внедрялись и в другие финские разведывательные школы. Они передавали информацию, которая позволяла проводить задержание агентуры финских разведшкол в советском тылу в течение всей войны. В целом органы безопасности Северо-Западного региона СССР успешно противодействовали разведкам противника. НКГБ КФССР в своем отчете о результатах контрразведывательной и следственной работы за период 1941–1945 годов, направленном во 2-е (контрразведывательное) Управление НКГБ СССР 29 августа 1945 года, отмечал, что за период Великой Отечественной войны в тылу частей Красной армии на Карельском фронте были задержаны 129 агентов финской разведки, окончивших разведывательные школы[11]. Их розыск продолжался и после окончания Великой Отечественной войны как в СССР, так и за рубежом, в результате разыскных мероприятий практически все агенты были арестованы.

Анализ имеющегося материала позволяет сделать вывод о том, что благодаря активности советской контрразведки большинство мероприятий финской и германской разведок на Северо-Западе СССР в период Великой Отечественной войны были сорваны: разведкам противника не удалось осуществить ни одной серьезной диверсии в тылу РККА, заброшенная в советский тыл агентура ограничивалась сбором информации визуальным путем и «втемную».

Изучение проблемы «тайной войны» советских и финских специальных служб в военный период, которое сейчас становится возможным на основе рассекреченных документов российских ведомственных архивов, позволит лучше понять и осмыслить характер войны СССР с союзницей Германии Финляндией в 1941–1944 годах.

* Работа выполнена при поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Республике Карелия (Архив УФСБ РФ по РК). ФЛД. Д. 25. Т. 1–4.
[2] Архив УФСБ РФ по РК. ФТДМ. Д. 8277.
[3] Национальный архив Республики Карелия. Ф. 287. Оп. 2. Ед. хр. 10.
[4] Архив УФСБ РФ по РК. ФЛД. Д. 25. Т. 2. Л. 82.
[5] Архив УФСБ РФ по РК. ФЛД. Д. 25. Т. 2. Л. 4, 239–243.
[6] Архив УФСБ РФ по РК. ФЛД. Д. 25. Т. 2. Л. 121, 126–128.
[7] Архив УФСБ РФ по РК. ФЛД. Д. 25. Т. 1–4.
[8] Архив УФСБ РФ по РК. ФЛД. Д. 25. Т. 2. Л. 279, 353.
[9] Архив УФСБ РФ по РК. ФЛД. Д. 25. Т. 4. Л. 9–10; Архив УФСБ РФ по РК. ФТДМ. Д. 8277. Л. 20.
[10] Архив УФСБ РФ по РК. ФЛД. Д. 25. Т. 4. Л. 10.
[11] Архив УФСБ РФ по РК. ФЛД. Д. 25. Т. 4. Л. 10.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. А в д е е в С. С. Деятельность карельских спецгрупп на Карельском фронте в тылу противника // Карелия в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. Петрозаводск, 2001. С. 9–23.
2. В е р и г и н С. Г., Л а й д и н е н Э. П. Финская разведка // Север. 1997. № 4. С. 95–99.
3. В е р и г и н С. Г., Л а й д и н е н Э. П. Агентурная разведка армий фашистской Германии и Финляндии на Северо-Западе Советского Союза в 1941–1944 гг. // Подвигу жить в веках: Материалы военно-исторической конференции, посвященной 60-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Петрозаводск: Verso, 2005. С. 81–88.
4. Л а й д и н е н Э. П. Радиоразведка Финляндии // Север. 2000. № 10. С. 95–106.
5. Л а й д и н е н Э. П. Финская разведка в Советско-финляндской войне 1939–1940 // Материалы научно-практической конференции «Военная история России: проблемы, поиски, решения»: Сб. ст. Вып. I. СПб., 2001. С. 50–53.
6. Л а й д и н е н Э. П. Сортавала – финский разведывательный центр в Северном Приладожье в 1918–1944-е гг. // Сортавала: страницы истории (к 370-летию основания города): Тез. докл. I междунар. науч.-просветительской краеведческой конф. (20–21 июня 2002 года, г. Сортавала). Петрозаводск, 2002. С. 42–45.
7. Л е о н о в И. Я., С м и р н о в Н. Т. В стане врага // Документы свидетельствуют. Армейская контрразведка в годы войны. М., 1994.
8. Х л о б у с т о в О. М. Разведывательно-диверсионная деятельность финляндских спецслужб на северо-западном театре военных действий // Карелия. Заполярье и Финляндия в годы Второй мировой войны: Тез. докл. междунар. науч. конф. (6–10 июня 1994 г.). Петрозаводск, 1994. С. 18–19.
9. Х л о б у с т о в О. М. Финские коммандос в советском тылу // Новости разведки и контрразведки. 2000. № 13–14. С. 10–15.
10. H e i s k a n e n R. Saadun tiedon mukaan... Päämajan johtama tiedustelu 1939–1945. Helsinki: Otava OY, 1989. P. 182–183.
11. R i s l a k k i J. Erittäin salainen. Vakoilu Suomessa. Helsinki: Love Kirjat, 1982. P. 250.

Verigin S. G., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

HEROISM DISPLAYED BY SOVIET INTELLIGENT AGENT S.D. GUMENYK ON KARELIAN FRONTS OF GREAT PATRIOTIC WAR

The article deals with a remarkable episode of the "secret war" between Soviet and Finnish intelligence services that took place on Karelian fronts during 1941–1944. A case of infiltration of the Soviet intelligence agent S. D. Gumenyuk into Petrozavodsk school of Finnish intelligence is considered. The forms and methods of the Soviet military counterintelligence training, the agent's infiltration across the front line into the largest Petrozavodsk school of Finnish intelligence are revealed. Special attention is paid to the effective activity of the Soviet intelligence agent resulting in the frustration of a number of operations planned by the Finnish intelligence school on the Soviet home front.

Key words: S. D. Gumenyuk, Soviet counterintelligence, Finnish intelligence, Great Patriotic war, Karelian front

REFERENCES

1. A v d e e v S. S. Activities of Karelian special groups on Karelian fronts in the home front of the enemy [*Deyatel'nost Karelskikh spetsgrupp na Karel'skom fronte v tylu protivnika*]. *Karelia v gody Velikoy Otechestvennoy voiny 1941–1945* [Karelia during the Great Patriotic War 1941–1945]. Petrozavodsk, 2001. P. 9–23.
2. V e r i g i n S. G., L a i d i n e n E. P. Finnish Intelligence Service [*Finskaya razvedka*]. *Sever* [North]. 1997. № 4. P. 95–99.
3. V e r i g i n S. G., L a i d i n e n E. P. Clandestine Intelligence of the Army of Nazi Germany and Finland on the North-West of the USSR during 1941–1944 [*Agenturnaya razvedka armii fashistskoy Germanii i Finlyandii na Severo-Zapade Sovetskogo Soyuza v 1941–1944 gg.*]. *Podvigu zhit' v vekakh* [Act of bravery will live through centuries]. Petrozavodsk, Verso Publ., 2005. P. 81–88.
4. L a i d i n e n E. P. Radio Intelligence of Finland [*Radiorazvedka Finlyandii*]. *Sever* [North]. 2000. № 10. P. 95–106.
5. L a i d i n e n E. P. Finnish Intelligence in the Soviet-Finnish War of 1939–1940 [Finskaya razvedka v sovetsko-finlyandskoy voine 1939–1940] *Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii "Voennaya istoria Rossii: problemy, poiski, resheniya"* [Materials of the Scientific Practical Conference "The War History of Russia: Problems, Search, Solutions"]. Collection of articles. Is. I. St. Petersburg, 2001. P. 50–53.
6. L a i d i n e n E. P. Sortavala – Finnish Intelligence Centre in the North Priladozhye during 1918–1944. [*Sortavala – finskiy razvedyvatel'ny tsentr v Severnom Priladozh'ye v 1918–1944 gg.*]. *Sortavala: stranitsy istorii (k 370-letiyu osnovaniya goroda)* [Sortavala: pages of history (to the 370 anniversary of the foundation of the town)]. Petrozavodsk, 2002. P. 42–45.
7. L e o n o v I. Ya., S m i r n o v N. T. Among the enemy [*V stane vraga*]. *Dokumenty svidetel'stvuyut. Armeyskaya kontrrazvedka v gody voyny* [The documents' evidence. Army counterintelligence during the war]. Moscow, 1994.
8. K h l o b u s t o v O. M. Intelligence and Subversive activities of the Finnish Special Services on the North-West Battle [*Razvedivatel'no-diversionnaya deyatel'nost' finlyandskikh spetssluzhb na severo-zapadnom teatre voennykh deystviy*]. *Karelia, Zapolyar'e i Finlandiya v gody Vtoroi Mirovoy voyny* [Karelia, Arctic Circle and Finland during the Second World War]. Petrozavodsk, 1994. P. 18–19.
9. K h l o b u s t o v O. M. Finnish Commandos in the Soviet Home Front [*Finskie kommandos v sovetskom tylu*]. *Novosti razvedki i kontrrazvedki* [News of intelligence and counterintelligence]. 2000. № 13–14. P. 10–15.
10. H e i s k a n e n R. Saadun tiedon mukaan... Päämajan johtama tiedustelu 1939–1945. Helsinki, Otava OY, 1989.
11. R i s l a k k i J. Erittäin salainen. Vakoilu Suomessa. Helsinki, Love Kirjat, 1982. P. 250.

Поступила в редакцию 05.03.2013

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Май, № 3 **История** **2013**

УДК 94

ЛЕВ ВАЛЬТЕРОВИЧ СУНИ
доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института Североевропейских исследований, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
suni@karelia.ru

«HISTORIALLINEN AIKAKAUSKIRJA» (к 110-летию старейшего исторического журнала Финляндии)*

В обзоре в контексте общей эволюции финской исторической науки прослеживаются основные этапы развития журнала «Historiallinen Aikakauskirja» («Исторический журнал») – старейшего периодического издания историков Финляндии.

Ключевые слова: история Финляндии, исторический журнал, историческая наука

7 мая 1903 года в Хельсинки увидел свет первый номер «Исторического журнала», который был основан группой молодых исследователей (Г. Паландер, К. Бротерус, К. Бломстедт), разделявших популярные в то время взгляды К. Лампрехта о влиянии культуры на развитие общества и роли нации в этом процессе. Его идеи были созвучны умонастроению финских историков и финской творческой интеллигенции, которые в начале XX века боролись за сохранение национальной государственности и культуры в условиях начавшегося наступления царизма на автономию Финляндии. Свою задачу учредители журнала видели в том, чтобы знакомство с результатами отечественных и зарубежных исследований содействовало бы рождению дискуссий о методологии и содержании исторической науки, а ее достижения становились известными все большему кругу читателей.

Журнал рождался в обстановке резкого обострения общественно-политической ситуации в Финляндии, вызванного политикой генерал-губернатора Н. И. Бобрикова, который, преследуя оппозиционную прессу, сразу же конфисковал пробный номер «Исторического журнала». Разрешение на его издание последовало лишь через полгода благодаря вмешательству известного историка и одного из лидеров старофинской партии И. Р. Даниэльсона, бывшего в то время также вице-канцлером Александровского университета в Хельсинки.

Учреждение профессионально ориентированного журнала было важным событием в научной жизни Финляндии, поскольку до сих пор историки вынуждены были публиковать популярные версии своих работ в общественно-культурных изданиях, отдававших все же предпочтение статьям по литературе и искусству.

В разные годы пост главного редактора журнала занимали: Гуннар Паландер (Суолахти) (1903–1911), Уно Людвиг Лехтонен (1911–1927), Карл Роберт Бротерус (1928–1934), Ялмари Якола (1935–1959), Пентти Ренвалл (1960–1969).

Первый главный редактор нового издания Гуннар Паландер (Суолахти[1]) [20], [21], следуя идеям Карла Лампрехта, заложил в финской исторической науке основы нового направления, ориентированного на изучение массовых явлений в истории. Первые годы существования были отмечены оживленной методологической дискуссией, в которой журнал выступал против сторонников школы Леопольда Ранке. Поддержка со стороны авторитетных деятелей фенноманского движения – И. Р. Даниэльсона, Э. Палмена и других – определила политическую ориентацию нового издания.

В годы Первой мировой войны (главный редактор – Уно Лехтонен) журнал испытывает серьезные финансовые проблемы: сокращается штат редакции и число подписчиков, значительную часть которых составляла учащаяся молодежь. Главного редактора, вынужденного спасать издание от разорения печатанием рекламы и работой во всех редакционных ипостасях, призывают снизить научную планку издания и тем самым расширить круг читателей [16]. В итоге редакционная политика меняется кардинально: акценты переносятся с публикации оригинальных исследований на ознакомление читателей с новыми книгами по истории и их критическим изложением. В этом списке рецензий работы немецких историков, отражавшие научные предпочтения финских исследователей, занимают бесспорное первое место[2]. Значительно расширяется информация о деятельности научных обществ. Стали систематически печататься списки новой литературы по истории. И наконец, меняется тематика публикуемых статей: общественно-культурная история (наследие К. Лампрехта) уступает место политической истории.

Первые годы независимости Финляндии положили начало новому этапу в биографии «Исторического журнала». Проведенные организационные мероприятия позволили упрочить его финансовое положение и реорганизовать работу редакции. В 1928 году Союз друзей истории

© Суни Л. В., 2013

(основан в 1926 году) и Историческое общество Финляндии (1875) взяли ответственность за издание журнала. Редакционная коллегия стала формироваться названными организациями на паритетных началах. Но это двойное представительство лишь усугубило трения и дискуссии о характере журнала, которые, кстати, продолжаются и по сей день. Историческое общество, представленное университетской профессурой и наиболее крупными историками страны, стремилось придать ему строго научный, академический характер. Союз друзей истории, отражавший интересы любителей истории и широкой читающей публики, напротив, выступал против элитарного академизма и ратовал за то, чтобы журнал исполнял также просветительскую функцию.

В период между мировыми войнами «академики» брали верх и журнал стал зеркалом перемен, происходивших в финской исторической науке. Исследовательская тематика все более замыкалась в национальных рамках, причем поиск истоков национального самосознания финнов уходил в глубокую древность, а их стремление к обособленности и консолидации авторы «обнаруживали» уже в XIV веке. Всемирная история отодвигается на периферию: в 1930-е годы на страницах журнала практически не было публикаций по зарубежной истории (исключение – история Швеции до XIX века, что объяснимо, поскольку Финляндия входила в состав шведской монархии). Проблемы российско-финских отношений стали рассматриваться сквозь призму взаимного противостояния, которое проецировалось и на события внутренней истории Финляндии (концепция «Освободительной войны 1918 года»). Господствующие позиции национально-государственной школы в исторической науке Финляндии не предполагали дискуссий по методологическим проблемам. Еще более сократилось знакомство с англоязычной и французской исследовательской литературой при повышенном внимании к германским изданиям.

Эти перемены стали доминирующими с приходом на должность главного редактора журнала профессора Ялмари Яккола (1935–1959), автора многочисленных работ по средневековой истории Финляндии. В середине 1930-х годов редакционная коллегия выросла до 15 человек, которых, по характеристике Пиркко Лейно-Каукиайнен, объединял общий культурный мир, финский язык и единое мировоззрение [10][3].

В годы Второй мировой войны выпуск Исторического журнала не прекращался. Наряду с публикацией традиционных для него сюжетов по средневековой истории Финляндии расширяется германская тематика (немецкий торговый капитал в городах Финляндии XVII века, российская политика Бисмарка в критической оценке немецких историков и т. д.). Стали печататься несвойственные для прежней редакционной политики материалы по новейшей истории, в частности, о советской Карелии 1930-х годов.

Безоговорочное господство национально-государственной школы в исторической науке Финляндии продолжалось до 1960-х годов. Но первое сомнение в непогрешимости ее философских и методологических постулатов было высказано на страницах «Исторического журнала» еще в 1945 году, когда Пентти Ренвалл опубликовал свою знаменитую статью «Путь нашей исторической науки». Отмечая, что кризис, вызванный поражением в войне, сказался и на духовной жизни общества, автор пытался определить, в какой мере к нему были причастны финские историки, призванные формировать у нации историческую память, которую, по мнению П. Ренвалла, общество не знает или не признает таковой [13]. «В чем-то был изъян», – отмечает он, и видит его в узкокорпоративном характере исторического сообщества, в профессиональной деятельности которого научная форма с ее безукоризненными методическими приемами взяла верх над научным содержанием, не представлявшим интереса для широкой общественности. Выход виделся в преодолении мелкотемья, во встраивании финской истории в мировой исторический процесс, в том, чтобы историки в своих исследованиях не ограничивались изложением событий (“was es gewesen”), а искали их причинную связь и значение (“was es bedeutet”).

Начавшийся критический пересмотр устоявшихся концепций исторического развития Финляндии продолжается и в настоящее время. Но сейчас он развивается не под флагом преодоления «мифологизированной» истории Финляндии, что было характерно для 1960–80-х годов, а как результат поступательного развития исторической науки – с одной стороны, и несомненного влияния общественно-политических процессов современности на нее – с другой.

Журнал, естественно, отражал перемены, происходившие в исторической науке Финляндии. Профессор Пентти Ренвалл (главный редактор в 1960–1969 годах), известный своими работами по философии и методологии истории, публикует статью «О ценности истории и ценностях в истории» (1964), которую можно рассматривать и как своеобразную программу деятельности редколлегии. На страницах журнала стали обсуждаться проблемы соотношения истории и социологии (Пекка Суванто, 1968), публиковаться обзоры о состоянии зарубежной историографии по методологическим вопросам исторической науки (Антеро Хейккинен, 1967, 1970). Журнал печатает рецензии на фундаментальные исследования, в которых впервые за многие десятилетия Туомо Полвинен и Кейо Корхонен на основе российских архивных материалов предлагают

новый взгляд на некоторые сюжеты финляндской автономии в составе Российской империи [9], [12]. Появляются первые рецензии на книги советских историков (А. С. Кан, В. М. Холодковский, В. В. Похлебкин, И. И. Кяйвяряйнен), печатаются обзоры о состоянии исторической науки в СССР и о советско-финских семинарах историков (Осмо Юссила). Новые исследования (Пиркко Ромми, Тайми Торвинен) [15], [27] о наиболее видных пророссийски настроенных деятелях периода автономии получают благоприятную оценку рецензентов, отмечавших, что до сих пор на щит поднимались лишь герои активного сопротивления царизму. Покинувший пост главного редактора Пентти Ренвалл (в 1968 году он стал канцлером Хельсинкского университета) призывал к омоложению редколлегии, еще большему многообразию материалов журнала, уровень которого должен соответствовать требованиям времени.

Настоящий прорыв в обсуждении проблем, связанных с состоянием финской исторической науки, пришелся на 1970–80-е годы прошлого столетия. Пожалуй, впервые на страницах журнала и в иных изданиях публикуется столь много статей о значении и роли исторического знания в современном обществе, о зависимости историков от политических обстоятельств (и не только), о перестройке исторического образования и научных исследований в области истории.

Открыла этот марафон дискуссия 1971 года о так называемой «другой истории», инициаторами которой выступили молодые доктора наук (ныне – известные профессора) Антеро Хейккинен и Хейкки Юликангас [3]. Констатируя падение авторитета исторической науки Финляндии в послевоенные годы, они видели основную причину в том, что ее исследования посвящены разрозненным, не связанным между собою проблемам, в них не ведется поиск закономерностей исторического развития и в силу этого данные исследования не имеют общественной значимости. Работы авторов старой школы локальны, привязаны к конкретному месту и времени, они не дают возможности проследить динамику политических и социальных процессов в обществе. Выход из кризиса виделся в изучении массовых явлений, которые по природе своей однотипны для большинства европейских стран. Сравнительный анализ этих явлений позволил бы, по мысли авторов, выйти на уровень обобщений и закономерностей общественных процессов, что, в свою очередь, способствовало бы интеграции исторического прошлого Финляндии в европейский контекст.

Этот призыв к кардинальной смене исследовательских и методологических ориентиров был фактически отвергнут участниками продолжавшейся целый год дискуссии. В «другой истории» увидели вторжение в историческую науку чуждых для нее социологических методов исследования. Они, по мнению П. Ренвалла, являясь лишь рабочим инструментом, не могут заменить собою аналитическую работу историка, творческая свобода которого к тому же не должна ограничиваться методологическими параметрами «другой истории» [5], [14].

Но дискуссия не прошла бесследно. Она стимулировала усилия Исторического общества Финляндии и университетов страны по картографированию текущего состояния исторических исследований и определению первоочередных задач в этой области. «Исторический журнал» отозвался публикацией профессора Пяйвиё Томмила, в которой он представил детализированную программу по изучению истории Финляндии на ближайшую перспективу [23][4]. Ее проблематика, охватывавшая огромный хронологический диапазон от заселения страны до современности, включала в себя восемь крупных блоков, в том числе и раздел «Финляндия в соседстве с Россией и в ее составе (до 1917 года)». Статья П. Томмила тем не менее не вызвала полемики: она отражала взгляды финских историков, сформулированные в ходе научного семинара 1975 года, посвященного столетию Исторического общества Финляндии, и совещания 1976 года, на котором представители исторических факультетов страны обсуждали эти же вопросы. Исключение составила критическая рецензия Пера Шюбергсона «Пяйвиё Томмила – стратег исследовательского процесса» [19], в которой основной упрек автора сводился к тому, что опубликованная программа отражает концепции только «финской» исторической науки, не во всем совпадающие со взглядами и трактовками шведоязычных исследователей Финляндии[5].

Конец 1970-х годов отмечен ожесточенной полемикой финских историков в связи с выходом книги Хейкки Юликангаса о крупнейшем в истории Финляндии крестьянском восстании конца XVI века. В своем исследовании автор, выявляя причины этой «дубинной войны», ниспровергает устоявшиеся мнения о ее национально-патриотическом характере. В это же время Осмо Юссила в своих работах призывает к освобождению от груза научных авторитетов во имя исторической правды [4], а Пяйвиё Томмила приступает к критическому анализу финской исторической науки, выявляя ее зависимость на разных этапах развития от политических и иных обстоятельств [24].

«Исторический журнал», отвечая на вызовы времени, которые заключались прежде всего в отходе от сложившихся традиций в изучении финской истории, публикует целую серию статей о роли национальной идеи в истории Финляндии [7], [8], [22]. Рассматривая ее значение на разных этапах истории страны, М. Керкконен подчеркивает актуальность подобного подхода

к изучению прошлого Финляндии и в настоящее время. Статьи И. Бломстедта и П. Ромми об И.-С. Ирьё-Коскинене, заложившем основы финской национальной школы в исторической науке Финляндии [2], [17], П. Томмила, М. Рууту и Э. Пихкала о И. Снельмане [11], [18], [25] – идеологе фенноманского движения, обзорная статья Э. Ютиккалы [6] о финской исторической науке первой половины XX века (1983) лежали в этой же плоскости.

Возросший интерес общества к собственной истории побудил главного редактора Пяйвиё Томмила (1983–1990) отказаться от ориентации журнала только на узкий круг профессионалов. Один из номеров 1984 года, вышедший под общей шапкой «История и широкая общественность», содержавший обзорные статьи П. Томмилы, С. Ахто и С. Цеттерберга о состоянии финской историографии по отечественной и всеобщей истории [1], [26], [28], символизировал новый курс редакционной политики. П. Томмилой помимо прочего была заложена сохранившаяся до сих пор традиция открывать каждый номер статьей главного редактора «на злобу дня» и выпускать тематические номера журнала.

За свое более чем столетнее существование главное периодическое издание финских историков (кстати, практически не ставшее предметом исследовательского интереса) шло в ногу с исторической наукой Финляндии, отражая основные этапы ее развития.

Ныне журнал стал более разнообразным по тематике публикуемых материалов: появляется больше статей по зарубежной и новейшей истории, в частности по советско-финляндским отношениям послевоенного периода. Печатаются новые работы о болезненных проблемах финского прошлого (национальная трагедия 1918 года, период Второй мировой войны). На страницах журнала стала сильнее звучать тревога об угрозах, возникающих перед серьезной исторической наукой в связи с проникновением в науку рыночных отношений, которые предъявляют свои требования к характеру и даже тематике исторических изданий. Вновь поднимаются темы о возвращении к концепции национальной истории страны в связи с процессами всеобщей глобализации, об этике исторических исследований, использовании истории в политических целях. Но эти без сомнения злободневные темы все же не перерастают в дискуссии, которые были характерны для журнала предыдущих десятилетий.

Журнал по-прежнему остается важным источником по знакомству с научной жизнью Финляндии: в каждом последнем номере публикуется список защищенных докторских диссертаций в университетах Финляндии (ежегодно около 30 защит). Представителен раздел рецензий (около 20 % печатной площади каждого номера). При журнале имеется постоянный интернет-форум, предоставляющий всем заинтересованным лицам возможность делового обсуждения различных проблем исторической науки.

Для зарубежного читателя журнал «Historiallinen Aikakauskirja», имеющий за плечами богатую вековую историю, которая была неразрывно связана с катаклизмами XX столетия, ценен прежде всего как источник научной информации об основных процессах в исторической науке Финляндии на разных этапах ее развития.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Сменил фамилию в 1906 году во время кампании по замене шведских фамилий на финские.
[2] Немецкая литература – 29 %, скандинавская – 8,5 %, французская – 7,5 %, русская – 5,7 %, англоязычная – 1,9 %. См. подробную статистику за 1903–1925 годы: [12; 118].
[3] Акцентирование роли финского языка объясняется ожесточенной языковой полемикой, которая имела место в общественной жизни Финляндии в середине 1930-х годов. Особо острые формы она приняла в стенах Хельсинкского университета.
[4] Сейчас, по прошествии многих лет, можно говорить о том, что многие сформулированные проблемы уже реализованы в виде крупных исследовательских проектов, в рамках которых публиковались монографии финских историков.
[5] Эти расхождения в оценках некоторых узловых моментов истории страны уходят корнями еще во вторую половину XIX века, когда финская историческая наука делала свои первые шаги.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. A h t o S. Suomalainen sotakirjallisuus 1900-luvulla // Historiallinen Aikakauskirja (HAIK). № 4. S. 302–308.
2. B l o m s t e d t Y. Yrjö-Koskinen historioitsijana // HAIK. 1980. № 3. S. 299–306.
3. H e i k k i n e n A., Y l i k a n g a s H. “Kaksi historiaa” // HAIK. 1971a. S. 53–59.
4. J u s s i l a O. Historian arvovapaus ja – sidonnaisuus // HAIK. 1978. № 71. SHS. S. 320–328.
5. J u t i k k a l a E. Historiantutkijatko valtionsamaaneiksi? // HAIK. 1971. № 2. S. 164–166.
6. J u t i k k a l a E. Katsaus Suomen historiantutkimukseen ja – kirjoitukseen 1900-luvun ensi puoliskolla // HAIK. 1983. № 1. S. 84–88.
7. K e m i l l ä i n e n A. Kansallisen tehtävän ajatus historiassa // HAIK. 1980. № 1. S. 3–14.
8. K e r k k o n e n M. Historian tutkimus kansallisena tieteenä ennen ja nyt // HAIK. 1977. № 2. S. 138–147.
9. K o r h o n e n K. Suomen asiain komitea. Helsinki, 1963. 460 s.
10. L e i n o - K a u k i a i n e n P. Historiallinen Aikakauskirja 100 vuotta // HAIK. 2003. № 1. S. 91.

11. P i h k a l a J. V. Snellman ja vuoden 1865 rahareformi // HAIK. 1981. № 4. S. 302–311.
12. P o l v i n e n T. Die finnischen Eisenbahnen in den militärischen und politischen Plänen Russlands vor dem ersten Weltkrieg. Helsinki, 1962. 295 s.
13. R e n v a l l P. Historiantutkimuksemme tie // HAIK. 1945. № 3. S. 329.
14. R e n v a l l P. Ns. toinen historia // HAIK. 1971. № 2. S. 158–163.
15. R o m m i P. Myöntäväisyyssuuntauksen hahmottuminen Yrjö-Koskisen ja Suomalaisen puolueen toimintalinjaksi. Helsinki, 1964. 372 s.
16. R o m m i P. Pro historia rerum gestarum. Historiallisen Aikakauskirjan ensimmäinen neljännesvuosisata // HAIK. 1978. № 3. S. 119–120.
17. R o m m i P. Yrjö-Koskinen fennomanisena politiikkona // HAIK. 1980. S. 307–314.
18. R u u t u M. Litteraturblad Snellmanin valtiomiestyön välineenä // HAIK. 1981. № 4. S. 291–301.
19. S c h y b e r g s o n P. Päiviö Tommila tutkimusstrategina // HAIK. 1977. № 1. S. 36–39.
20. S u o l a h t i G. Kun Historiallinen Aikakauskirja alkoi. 25-vuotismuisto // HAIK. 1928. № 1. S. 1.
21. S u o l a h t i E. Kulttuurihistoriallisen tutkimuksen alkuajoilta Suomessa // HAIK. 1944. № 1. S. 1–14.
22. S u v a n t o P. Historian tutkimus ja traditio // HAIK. 1982. S. 124–128 etc.
23. T o m m i l a P. Suomen historian runko-ohjelma // HAIK. 1976. № 2. S. 253–255.
24. T o m m i l a P. Historiantutkimuksen aikasidonnaisuus 1875–1975 // HAIK. 1978. № 71. SHS. S. 10–20.
25. T o m m i l a P. “Jota enemmän opit, sitä paremmin ymmärrät mitä luet”. Snellman lehdistöpoliitikkona // HAIK. 1981. № 4. S. 283–290.
26. T o m m i l a P. Suomen historian yleisesitykset // HAIK. № 4. S. 277–284.
27. T o r v i n e n T. J. R. Danielson-Kalmari Suomen autonomian puolustajana. Helsinki: WSOY, 1965. 473 s.
28. Z e t t e r b e r g S. Yleisen historian yleisesitykset // HAIK. № 4. S. 285–291.

Suni L. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

“HISTORIALLINEN AIKAKAUSKIRJA” (to the 110th anniversary of the oldest historical journal of Finland)

The article studies the main stages of the journal “Historiallinen Aikakauskirja” development. The journal belongs to the oldest periodicals of Finish historians. The review is conducted in the context of general evolution of Finnish historical studies.

Key words: history of Finland, historical journal, historical studies

REFERENCES

1. A h t o S. Suomalainen sotakirjallisuus 1900-luvulla // Historiallinen Aikakauskirja (HAIK). № 4. S. 302–308.
2. B l o m s t e d t Y. Yrjö-Koskinen historioitsijana // HAIK. 1980. № 3. S. 299–306.
3. H e i k k i n e n A., Y l i k a n g a s H. “Kaksi historiaa” // HAIK. 1971a. S. 53–59.
4. J u s s i l a O. Historian arvovapaus ja – sidonnaisuus // HAIK. 1978. № 71. SHS. S. 320–328.
5. J u t i k k a l a E. Historiantutkijatko valtionsamaaneiksi? // HAIK. 1971. № 2. S. 164–166.
6. J u t i k k a l a E. Katsaus Suomen historiantutkimukseen ja – kirjoitukseen 1900-luvun ensi puoliskolla // HAIK. 1983. № 1. S. 84–88.
7. K e m i l l ä i n e n A. Kansallisen tehtävän ajatus historiassa // HAIK. 1980. № 1. S. 3–14.
8. K e r k k o n e n M. Historian tutkimus kansallisena tieteenä ennen ja nyt // HAIK. 1977. № 2. S. 138–147.
9. K o r h o n e n K. Suomen asiain komitea. Helsinki, 1963. 460 s.
10. L e i n o - K a u k i a i n e n P. Historiallinen Aikakauskirja 100 vuotta // HAIK. 2003. № 1. S. 91.
11. P i h k a l a J. V. Snellman ja vuoden 1865 rahareformi // HAIK. 1981. № 4. S. 302–311.
12. P o l v i n e n T. Die finnischen Eisenbahnen in den militärischen und politischen Plänen Russlands vor dem ersten Weltkrieg. Helsinki, 1962. 295 s.
13. R e n v a l l P. Historiantutkimuksemme tie // HAIK. 1945. № 3. S. 329.
14. R e n v a l l P. Ns. toinen historia // HAIK. 1971. № 2. S. 158–163.
15. R o m m i P. Myöntäväisyyssuuntauksen hahmottuminen Yrjö-Koskisen ja Suomalaisen puolueen toimintalinjaksi. Helsinki, 1964. 372 s.
16. R o m m i P. Pro historia rerum gestarum. Historiallisen Aikakauskirjan ensimmäinen neljännesvuosisata // HAIK. 1978. № 3. S. 119–120.
17. R o m m i P. Yrjö-Koskinen fennomanisena politiikkona // HAIK. 1980. S. 307–314.
18. R u u t u M. Litteraturblad Snellmanin valtiomiestyön välineenä // HAIK. 1981. № 4. S. 291–301.
19. S c h y b e r g s o n P. Päiviö Tommila tutkimusstrategina // HAIK. 1977. № 1. S. 36–39.
20. S u o l a h t i G. Kun Historiallinen Aikakauskirja alkoi. 25-vuotismuisto // HAIK. 1928. № 1. S. 1.
21. S u o l a h t i E. Kulttuurihistoriallisen tutkimuksen alkuajoilta Suomessa // HAIK. 1944. № 1. S. 1–14.
22. S u v a n t o P. Historian tutkimus ja traditio // HAIK. 1982. S. 124–128 etc.
23. T o m m i l a P. Suomen historian runko-ohjelma // HAIK. 1976. № 2. S. 253–255.
24. T o m m i l a P. Historiantutkimuksen aikasidonnaisuus 1875–1975 // HAIK. 1978. № 71. SHS. S. 10–20.
25. T o m m i l a P. “Jota enemmän opit, sitä paremmin ymmärrät mitä luet”. Snellman lehdistöpoliitikkona // HAIK. 1981. № 4. S. 283–290.
26. T o m m i l a P. Suomen historian yleisesitykset // HAIK. № 4. S. 277–284.
27. T o r v i n e n T. J. R. Danielson-Kalmari Suomen autonomian puolustajana. Helsinki: WSOY, 1965. 473 s.
28. Z e t t e r b e r g S. Yleisen historian yleisesitykset // HAIK. № 4. S. 285–291.

Поступила в редакцию 08.04.2013

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Май, № 3 **История** **2013**

УДК 94(5)

НАТАЛИЯ ВЛАДИМИРОВНА СМИРНОВА
кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории исторического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
burlana@mail.ru

ЧУДЕСА ЛЯО ЧЖАЯ В ПЕРЕВОДАХ В. М. АЛЕКСЕЕВА И ДАОССКИЕ ТРАДИЦИИ В ЭПОХУ ЦИН*

На основе изучения рассказов Пу Сунлина рассматриваются даосские традиции в эпоху Цин (1644–1911). Основное внимание уделяется даосизму и его миропониманию, а также деятельности замечательного переводчика и ученого. Переводы на русский язык, комментарии и предисловия рассказов Пу Сунлина выполнены выдающимся российским китаеведом – академиком В. М. Алексеевым. Чудеса и волшебство раскрывают важнейшие культурные ценности не только эпохи Пу Сунлина, но и раннесредневекового Китая. Высококвалифицированные переводы рассказов Ляо Чжая и комментарии В. М. Алексеева создают образ даосского монаха – это «пернатый» гость; человек Дао – объятый Дао человек; бессмертный волшебник; алхимик; «мыслитель, объявший истину»; лис, обладающий сверхземным Дао-путем.

Ключевые слова: рассказы Пу Сунлина, переводчик-востоковед В. М. Алексеев, история Китая, империя Цин, даосизм

Переводы на русский язык рассказов Пу Сунлина [5], комментарии и предисловия выполнены выдающимся российским китаеведом – академиком Василием Михайловичем Алексеевым (1881–1951) [6]. Рассказы вошли в четыре сборника: «Лисьи чары», «Монахи-волшебники», «Странные истории», «Рассказы о людях необычайных». Переводы В. М. Алексеева открыли китайскую литературу русскому читателю. Именно он заложил основы национальной переводческой школы и явился основоположником теории художественного перевода с китайского [3]. О жизни и творчестве ученого-востоковеда писал его ученик – китаист, переводчик Лев Залманович Эйдлин [8], [9], [10].

Пу Сунлин (1640–1715) – китайский писатель, который жил в эпоху маньчжурского завоевания Китая. Пу Сунлин (по фамилии Пу, по имени Сунлин), взявший псевдоним Ляо Чжай, родился в провинции Шаньдун (Восточный Китай). «Я скромный Сун, заброшен, одинок; мерцаю, как светляк осенний…» [5; 418]. «Далее скажу: с детства я был тощ и много хворал. На долгую жизнь много рассчитывать было нечего. И в доме, тоскливо-безлюдном, я был в безотрадности, словно буддийский монах; а кистью и тушью как вол и соха, поработав, я видел, что в чашке монаха – угрюмо-пустые гроши. Все, что я могу делать, это вот: в эту полночь, звездами мерцающую; при свече… кабинет неуютный мой, (где) воет и свищет и стынет мой стол… Всю сдержанность презрев, я буду продолжать ту “Книгу о таинственных созданьях”» [5; 419].

Ляо из иероглифа в слово, кажется, лучше всего перевести как «пусть хоть так». В предисловии 1937 года к «Рассказам о людях необычайных» В. М. Алексеев пишет: «…оригинальное предисловие Ляо Чжая… дает мне право расшифровать самый псевдоним Ляо Чжай как “Кабинет неизбежного” (для человека, которому не везет, но который хотел бы не подчиняться року)» [1; 422].

Рассказы Пу Сунлина о чудесах помогают увидеть многообразие и различные стороны культуры цинского Китая, а также позволяют познакомиться с даосским мировоззрением. В XIV–XVI веках даосизм играл чрезвычайно важную роль в формировании религиозного синкретизма и синкретических религиозных направлений и сект, провозглашая принцип «Три религии – одна сущность» (имеются в виду конфуцианство, даосизм и буддизм). В эпоху Цин секты активно преследовались правительством [7]. Однако даосская склонность к чудесному традиционно жила в миропонимании китайцев.

Чудеса и волшебство раскрывают важнейшие культурные ценности не только эпохи Пу Сунлина, но и раннесредневекового Китая. В VII–X веках даосизму оказывал покровительство императорский двор. Династия Тан (618–907) официально объявила о своем происхождении от Лао-цзы. Особенно расцвело увлечение даосской алхимией [7]. Период правления династии Тан был временем расцвета даосизма, как и китайской культуры в целом. Говоря об истории даосизма в этот период, следует выделить несколько основных тем, наиболее существенных для раскрытия специфики функционирования даосизма в данную эпоху: распространение даосизма за пределами Китая; формирование института монашества; поддержка даосизма со стороны императорского двора; новый расцвет философского аспекта даосизма; становление традиции «внутренней алхимии» [7]. Даосы в

© Смирнова Н. В., 2013

раннесредневековом Китае сумели стать необходимой и незаменимой частью духовной культуры страны и народа.

Содержание рассказов Ляо Чжая все время вращается в кругу «причудливого, сверхъестественного, странного». Кудесники, волхвы, прорицатели, фокусники являются в мир, чтобы, устроив мираж, показать новые стороны нашей жизни [4; 24]. Монахи вмешиваются в человеческую судьбу на правах волшебников.

В. М. Алексеев в предисловии к сборнику «Монахи-волшебники» рассказывает о монахах буддийской религии и даосской веры. «Монах – это святитель, знающий магические приемы и поэтому опасный, заслуживающий всякого почитания и не подлежащий оскорблениям. <…> Идеальная личность монаха этого толка также предполагает постижение им тайн сверхбожества, отвлеченного и непостижимого простым людям Дао, а потому и вооруженного против зол жизни, которая для него проста, как для фокусника фокус. Этот монах главным образом и есть фокусник» [5; 108].

Рассказы Ляо Чжая – «Превращения святого Чэна», «Шантаж», «Сумасшедший даос», «Хуань-нян у лютни», «Жизнь Ло Цзу», «Грызет камни», «Укрощение Цуй Мэна», «Бесовка Сяосе», «Чжэнь и его чудесный камень», «Чан Тин и ее коварный отец», «Священный правитель», а также прекрасные комментарии переводчика создают образы, которые помогают понять даосские традиции.

Даосский наряд – это желтая шапка и шуба из перьев. «Пернатые» гости – это поэтическое название даосских монахов, уподобляющее их порхающим в небе бессмертным, в которых они веруют и блаженства которых добиваются. «…Вдруг как-то неожиданно Чэн сам появился, одетый в желтую шапку и шубу из перьев, с возвышенно устремленным выражением лица – настоящий даос!..» [5; 115].

Одно из литературных названий даосского монаха – Человек Дао, то есть служитель Дао, объятый Дао человек. «…Войдя в храм, он увидел какого-то человека Дао, одетого в холщовую хламиду и сидящего в пристройке, с поджатыми ногами» [5; 168].

Даосский монах – прежде всего волшебник. «Помешанный даос – не знаю ни фамилии его, ни имени – пребывал в Мэншаньском храме. Он то пел, то плакал, не проявляя постоянства, и никто не мог его разгадать. Однажды кто-то видел, как он варил себе на обед камень» [5; 166]. «…Впоследствии дровосеки из лагеря в Шися, забираясь в горы, увидели даоса, сидящего в гроте. Даос никогда не просил пищи. Это всем казалось необыкновенным и странным» [6; 177]. «…У достопочтимого Ван Цинь-вэня из Синьчэна жил в доме слуга, которого тоже звали Ван. Он еще в молодых годах ушел в горы Лао, чтобы изучать там Дао. Прожив там долгое время, он не ел ничего, приготовленного на огне, а питался только сосновыми шишками и белыми каменьями. По всему телу у него стала расти шерсть» [5; 183].

В эпоху Тан (VII–X века) даосы широко расселились по всей стране. В качестве опорных пунктов даосизма повсюду были созданы крупные монастыри, где ученые даосские маги и проповедники готовили своих последователей, знакомя их с основами теории бессмертия. Получавшие средства от императоров даосы-алхимики упорно работали над трансмутацией металлов, над обработкой минералов и продуктов органического мира, выдумывая все новые способы приготовления волшебных препаратов [2].

В рассказах Ляо Чжая даосский монах – алхимик. Баочжэнь-цзы – это прозвание даоса-алхимика, означающее «мыслитель, объявший истину». «…В те давние дни, когда я дружил и странствовал с Баочжэнь-цзы, он полюбил меня за твердость и стойкость…» [5; 228]. «Я, видишь ли, лис, обладающий сверхземным Даопутем…» [5; 230]. «Знаешь что – наш даос – бессмертный волшебник…» [5].

«…Затем ему сказали, что там жил некий даос Чэн, большой мастер играть на лютне. Про него говорили также, будто он обладает секретом творить золото…» [5; 129]. «…Даос оставил его у себя на несколько дней и передал ему полностью все свои тайные приемы и заговоры» [5; 331]. «…Вот если у вас есть эта готовность, хотя бы в одной части на десять тысяч, то я сообщу вам один из способов устраниться от смерти!» «…Я отлично знаю, что вы не веруете. Но, видите ли, то, о чем я говорю, не имеет ничего общего со знахарством и колдовством…» [5; 185–186]. «Некий даос из храма “Обращенного к небу” любил предаваться искусству вдыханий и выдыханий» [5; 417].

Высококвалифицированные переводы рассказов Ляо Чжая и комментарии В. М. Алексеева создают образ даосского монаха – это «пернатый» гость; человек Дао – объятый Дао человек; бессмертный волшебник; алхимик; «мыслитель, объявший истину»; лис, обладающий сверхземным Дао-путем. Рассказы Пу Сунлина в переводах В. М. Алексеева расширяют наши представления о даосизме, сам ученый считал, что изучение религий Китая «является фундаментом для понимания и объяснения цивилизации и культуры этой страны» [8; 5].

* Работа выполнена при поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев В. М. Китайская фантастическая повесть // Алексеев В. М. Труды по китайской литературе: В 2 кн. Кн. 1. М.: Восточная литература, 2002. С. 415–458.
2. Васильев Л. С. История религий Востока. М.: Книжный дом «Университет», 2000. 426 с.
3. Голыгина К. И. Китайская классическая литература // Изучение литератур Востока: Россия, XX в. / Под ред. А. А. Суворовой. М.: Восточная литература, 2002. С. 214–244.
4. Предисловие переводчика к сборнику «Лисьи Чары» // Пу Сун-лин. Рассказы Ляо Чжая о чудесах / Пер. с кит. В. М. Алексеева. М.: Художественная литература, 1973. С. 13–27.
5. Пу Сун-лин. Рассказы Ляо Чжая о чудесах / Пер. с кит. В. М. Алексеева. М.: Худож. лит., 1973. 576 с.
6. Рифтин Б. Л. Новеллы Пу Сун-лина (Ляо Чжая) в переводах В. М. Алексеева // Восточная классика в русских переводах: обзоры, анализ, критика / Под ред. Б. Л. Рифтина. М.: Восточная литература, 2008. С. 113–203.
7. Торчинов Е. А. Даосизм. «Дао-Дэ цзин». СПб.: Азбука-классика, 2004. 256 с.
8. Эйдлин Л. З. Василий Михайлович Алексеев и его Ляо Чжай // Пу Сун-лин. Рассказы Ляо Чжая о чудесах / Пер. с кит. В. М. Алексеева. М.: Худож. лит., 1973. С. 3–9.
9. Эйдлин Л. З. История китайской литературы в трудах академика В. М. Алексеева // Алексеев В. М. Труды по китайской литературе: В 2 кн. Кн. 1. М.: Восточная литература, 2002. С. 7–38.
10. Ejdlin L. Z. The Academician V. M. Alexseev as a Historian of Chinese Literature // Harvard Journal of Asian Studies. 1947. Vol. X. № 1. P. 48–59.

Smirnova N. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

LIAO ZHAI STORIES ABOUT MIRACLES IN TRANSLATION BY ACADEMICIAN VASILI MIKHAILOVICH ALEXSEEV AND TAOISM DEVELOPMENT IN CHINA

The article focuses on the values of Taosizm traditions. It studies translations carried out by an outstanding translator and scholar. Translations and interpretations of Pu SungLin stories about miracles are estimated as the most important intellectual investment of the scientist-orientalist V. M. Alekseev. We now turn our attention to Pu SungLin (1640–1715). It's a Chinese writer who lived in the era of the Manchus conquest of China. Stories about miracles help to understand the history of Chinese Qing dynasty (1644–1911) and acquaint us with Taoism tradition development during the Pu SungLin era. The author came to a conclusion that miracles and performed magic reveal pivotal cultural values not only of the Pu Sung-lin era, but also of the early Middle Ages of China. During the reign of the Tang Dynasty (618–907) when Chinese emperors protected Taoism, it was officially announced that the dynasty originated from Lao Tzu. Fascination by Taoist alchemy blossomed at the time. The pivotal moments of the stories are grounded on "bizarre, supernatural, strange" things. The monks interfere into the lives of the humans on the rights of the wizards. Pu Sung-lin stories in translations of V. M. Alexseev expand our idea of Taoism. To understand what Taoism is, it might be useful to read Liao Zhai stories about miracles.

Key words: Pu Sung-lin (Liao Zhai) short stories, translator and orientalist V. M. Alekseev, China History, Tang Dynasty (618–907), Taoism

REFERENCES

1. Alekseev V. M. Chinese fantastic story [Kitayskaya fantasticheskaya povest']. *Alekseev V. M. Trudy po kitayskoy literature: V 2 kn. Kn. 1.* Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2002. P. 415–458.
2. Vasil'ev L. S. *Istoriya religiy Vostoka* [History of the East religions]. Moscow, Knizhnyy dom "Universitet" Publ., 2000. 426 p.
3. Golygina K. I. Chinese classical literature [Kitayskaya klassicheskaya literatura]. *Izuchenie literatur Vostoka: Rossiya, XX v.* Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2002. P. 214–244.
4. Preface of the translator to the collection "Fox Chara" [Predislovie perevodchika k sborniku "Lis'i Chary"]. *Pu Sun-lin. Rasskazy Lyao Chzhaya o chudesakh.* Moscow, Khudozhestvennay literatura Publ., 1973. P. 13–27.
5. Pu Sun-lin. *Rasskazy Lyao Chzhaya o chudesakh* [The Liao Zhai stories of the miracles translated by the Chinese V. M. Alekseev]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1973. 576 p.
6. Riftin B. L. Pu Sung-lin (Liao Zhai) short stories in V. M. Alekseev's transfers. [Novelly Pu Sun-lina (Lyao Chzhaya) v perevodakh V. M. Alekseeva]. *Vostochnaya klassika v russkikh perevodakh: obzory, analiz, kritika.* Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2008. P. 113–203.
7. Torchinov E. A. *Daosizm. Dao-De tszin* [Taoism. Tao Te Jing]. St.-Petersburg, Azbuka-Klassika Publ., 2004. 256 p.
8. Eydlin L. Z. Vasiliy Mikhaylovich Alekseev and his Lyao Zhai [Vasiliy Mikhaylovich Alekseev i ego Lyao Chzhay]. *Pu Sun-lin. Rasskazy Lyao Chzhaya o chudesakh.* Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1973. P. 3–9.
9. Eydlin L. Z. History of the Chinese literature in works of academician V. M. Alekseev. [Istoriya kitayskoy literatury v trudakh akademika V. M. Alekseeva]. *Alekseev V. M. Trudy po kitayskoy literature: V 2 kn. Kn. 1.* Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2002. P. 7–38.
10. Ejdlin L. Z. The Academician V. M. Alexseev as a Historian of Chinese Literature // Harvard Journal of Asian Studies. 1947. Vol. X. № 1. P. 48–59.

Поступила в редакцию 20.03.2013

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Май, № 3 **История** **2013**

УДК 930.1 (091)

ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ СУВОРОВ
кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории исторического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
Suvorov@psu.karelia.ru

Ф. ЛАССАЛЬ И ЛАССАЛЬЯНСТВО В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ*

Представлен обзор научной и научно-популярной литературы, изданной в России в период с середины XIX века до настоящего времени. Характеризуются основные направления в литературе о Фердинанде Лассале дореволюционного периода: либеральное, народническое, социал-демократическое. В советской историографии выделяются работы первых послереволюционных лет, где Лассаль изображался пламенным революционером и основателем германской социал-демократии, и публикации 1920–50-х годов, в которых Лассаль изображен оппортунистом и предателем интересов пролетариата. В 1960–80-х годах работ по данной теме не появлялось. В 1990–2000-х годах творчеством Лассаля занимался автор статьи, который пытался с позиций историзма исследовать творчество и политическую деятельность первого президента Всеобщего германского рабочего союза.

Ключевые слова: историография, социал-демократия, лассальянство, Всеобщий германский рабочий союз, оппортунизм

2013 год – юбилейный для Социал-демократической партии Германии (СДПГ). 150 лет назад возникла первая массовая политическая организация немецких рабочих – Всеобщий германский рабочий союз (ВГРС). Создание самостоятельной политической партии рабочих, выработка ею своей стратегии и тактики являлось исторической задачей огромной сложности. Значительная роль в решении обозначенной задачи принадлежит Ф. Лассалю (1825–1864).

Фигура Ф. Лассаля была сложной и во многом противоречивой. Его заслуги по возрождению рабочего движения после многолетнего затишья признавались практически всеми. Его теория общественного переустройства вызывала множество споров. Одни видели в нем родоначальника социал-демократии и вождя немецких рабочих, пламенного агитатора и революционера, другие – предателя интересов пролетариата и оппортуниста в рабочем движении, третьи – реформатора и сторонника постепенного врастания Германии в социализм.

В России интерес к творчеству Ф. Лассаля появился уже в 60-х годах XIX века. Первое издание работ Лассаля на русском языке было предпринято в 1870 году издателем Н. П. Поляковым [14]. Тогда им был выпущен первый том сочинений из планируемого двухтомника, второй том был запрещен цензурой. Наиболее полное собрание трудов Лассаля, состоящее из трех томов, включающее все основные произведения, увидело свет в 1906 году [15]. Тот же трехтомник был переиздан в 1925 году в издательстве «Круг» [16]. Это издание является последней публикацией трудов Лассаля.

Первым писавшим о Лассале в России был Э. К. Ватсон. В статье «Об улучшении быта рабочих в Германии», впервые опубликованной в 1863 году, он рассматривал две системы содействия рабочему классу. Одна основана на идее самопомощи (Г. Шульце-Делич), вторая – на идее государственного вмешательства (Лассаль). По мнению Ватсона, в лице Лассаля последняя «пока терпит фиаско» [5].

В русской литературе о Лассале конца XIX – начала XX века можно выделить три основных направления.

Первое направление – либеральное, представителями которого являлись П. Б. Струве, Н. А. Бердяев, С. Л. Франк, горячо поддерживающие лозунг Э. Бернштейна «Назад к Лассалю!». Это воспринималось как возврат «к строгому и несгибаемому идеалистическому существу» [31]. В статье «Еще о Лассале» П. Б. Струве горячо защищает Лассаля: «Лассаль всегда оставался замечательно цельным и чарующим – живым воплощением в одной могучей индивидуальности самого трезвого социального идеализма. У него были почти все сильные стороны реалиста Маркса и в то же время он, действительно, унаследовал дух философского идеализма Канта, Фихте и Гегеля, а не отказался от него, как Маркс, в пользу материализма и эволюционизма» [31; 273]. П. Б. Струве положительно отзывался и о политической платформе Лассаля, а лассальянство рассматривал как интегральную часть современной социал-демократии [31; 273]. Подобную точку зрения разделяли Н. А. Бердяев [3] и С. Л. Франк [37].

Второе направление – народническое. Идеологов позднего народничества П. Л. Лаврова и Н. К. Михайловского в Лассале привлекало в первую очередь его идеалистическое объяснение истории. П. Л. Лавров считал, что дости-

© Суворов Ю. В., 2013

жение общенародного, а не классового государства – то, чему надо учиться у Лассаля [13].

Третье направление – социал-демократическое. Родоначальник русской социал-демократии Г. В. Плеханов находился под сильным влиянием Лассаля, что нашло свое отражение в программе «Группы освобождения труда» [26]. В незаконченной работе о Лассале Г. В. Плеханов считает его сторонником демократической республики, соглашается с лассалевским решением национальных проблем, критикуя при этом заигрывание организатора ВГРС с реакционным правительством О. Бисмарка [25].

В. И. Ленин хорошо знал произведения Лассаля, а его книга «Философия Гераклита Темного из Эфеса» была даже им законспектирована [21]. Ленин в ряде своих статей, таких как «Принципиальные вопросы избирательной кампании» [17], «Развитие рабочих хоров в Германии» [18], «Август Бебель» [19], «Карл Маркс» [20], обращается к теории и практике Лассаля, как и Маркс, критикует ошибки Лассаля, при этом указывает на его огромные исторические заслуги в организации рабочего движения в Германии.

В первые послереволюционные годы было издано несколько популярных брошюр (например, В. Майского [22], В. Святловского [29]), где Лассаль изображался пламенным оратором, агитатором и вождем германского пролетариата, чьи заветы впервые воплощаются в ходе Октябрьской революции.

В 1920-е годы началось более углубленное изучение лассальянства, появляются первые критические исследования. Особое внимание привлекают полемические статьи, направленные против социал-демократических апологетов Лассаля (свыше 10 названий, авторы: И. В. Герчиков [10], А. Сабуров [28], А. Мартынов [23] и др. [12]), и монография П. С. Виноградской «Ф. Лассаль» [7]. Книга П. С. Виноградской являлась первой серьезной попыткой исследовать теорию и практическую деятельность Лассаля. В названной работе подробно рассматриваются участие Лассаля в революционных событиях 1848–1849 годов, его юридическая деятельность, отдельные главы посвящены литературному творчеству, философским, экономическим взглядам, теории государства. Меньше внимания автор уделяет деятельности Лассаля по организации ВГРС. Вся монография построена на принципе сопоставления Лассаля и Маркса, причем ведущая роль отводится тем противоречиям, которые разделяли двух политических деятелей. Основная ошибка Лассаля, по мнению исследователя, заключается в том, что он не такой, как Маркс, что не идет по его стопам, что имеет свой взгляд на процессы, происходящие в обществе, предлагает свои рецепты для разрешения проблем, стоящих перед рабочим классом. Чрезмерная идеологизация и политическая заостренность книги П. С. Виноградской снижает ее научную значимость, приводит к необъективности и антиисторизму в оценке Лассаля.

Авторы статей и книги единодушны в оценках экономической теории Лассаля, его теории государства, буржуазного национализма и оппортунистической тактики, которая привела Лассаля к измене рабочему движению в пользу прусской монархии. В это же время на страницах журнала «Под знаменем марксизма» развернулась дискуссия о Лассале между П. С. Виноградской и А. Бернштейном [6]. Автор монографии считала Лассаля последователем французских утопистов, фихтеанцем в области философии, плохим учеником Маркса, обвиняла А. Бернштейна в незнании сочинений Лассаля, а заодно и немецкого языка, в недооценке сил немецкого пролетариата 60-х годов XIX века [6]. В свою очередь, А. Бернштейн, соглашаясь с тем, что Лассаль идеалист, считал его гегельянцем и идеалистическую позицию объяснял классовым соотношением сил в Германии [4]. Взгляды А. Бернштейна поддерживали И. Разумовский [27] и отчасти А. Деборин [11], опубликовавшие свои статьи о философско-правовых воззрениях Лассаля в том же журнале.

Научные статьи 1930-х годов демонстрируют постепенное снижение интереса к данной теме. Они в основном посвящены положениям теории Лассаля, его «реальной политике», взаимоотношениям с Марксом. Авторы статей, в первую очередь Е. Степанова [30], М. Аржанов [2], Г. Адамян [1], А. Гагарин [9], выступали с резкой критикой не только западноевропейских исследователей всех направлений, но и обвиняли в ревизионизме и меньшевизме А. Бернштейна, И. Разумовского, А. Деборина, неверно, по их мнению, трактующих влияние Маркса на Лассаля и находивших у последнего «революционное воззрение на историческое развитие, преломлявшееся сквозь призму юридической идеологии» [4; 165].

Определенный интерес представляет статья А. Гагарина, опубликованная в сборнике «Из истории философии XIX века», где автор определяет стратегический план Лассаля – организовать рабочий класс в особую партию, затем подчинить ее интересам буржуазно-националистических кругов Пруссии, добившись за это от прусского абсолютизма уступки в виде всеобщего избирательного права и государственной помощи рабочим ассоциациям [9; 123]. А. Гагарин считает Лассаля настойчивым реформатором, стоящим на страже сохранения буржуазного государства. Вместо революционного перехода количества в качество Лассаль проповедовал постепенность в смене одних эпох другими. Признавая за Лассалем определение социализма как конечного пути общественного развития, автор приходит к выводу, что лассалевская модель социализма антинаучна и вред-

на, так как это «была отдаленная перспектива эволюционного перерастания частного капитала в государственный капитализм при сохранении мелкой частной собственности. Этот социализм есть не более, как государственный капитализм и корпоративный социализм» [9; 123].

Марксизму и лассальянству как политическим учениям посвящена статья Е. Степановой «Маркс и Лассаль» [30]. Автор касается эволюции философских взглядов Маркса и Лассаля: оба они прошли школу гегелевской философии, однако если Маркс сумел извлечь из философии Гегеля диалектику, проделать эволюцию через Фейербаха к диалектическому и историческому материализму, то Лассаль до конца своей жизни оставался на идеалистических позициях [30; 83]. Е. Степановой также рассматривается вопрос об отношении пролетариата к государству с точки зрения Маркса и Лассаля. Если, по Лассалю, целью государства является «воспитание и развитие человеческого рода в направлении к свободе» и эту цель можно достичь через всеобщее избирательное право, то Маркс подчеркивал необходимость революционного захвата власти и диктатуры пролетариата для уничтожения капитализма. Для Лассаля идея диктатуры пролетариата была глубоко чуждой. И это, по мнению Е. Степановой, является одной из главных ошибок Лассаля [30; 96]. Исследуя тактику Лассаля, его отношения с Бисмарком, Степанова считает, что она является продолжением его теоретических шараханий. И еще один крупный вопрос затрагивается в статье – вопрос об отношении Маркса и Лассаля к созданию национального государства. В отличие от Маркса, рассматривающего вопрос национального единства Германии в неразрывной связи с перспективой революции, Лассаль защищал приоритет внешней политики по отношению к внутренней и готов был поддержать любое объединение страны, независимо от того, какими средствами оно будет осуществлено. Вся статья Е. Степановой показывает (судя по тексту, эта цель и преследовалась автором), как велика была пропасть, отделявшая Маркса от мелкобуржуазного социалиста Лассаля [30; 96].

В послевоенное время интерес к Лассалю угасает. Из значительных публикаций 1950-х годов можно назвать работы А. К. Воробьевой и З. Н. Мелещенко. Статья А. К. Воробьевой представляет собой исследование о роли Лассаля в образовании ВГРС и о взаимоотношениях с Бисмарком. Автор считает, что Союз был необходим Лассалю для распространения своих оппортунистических взглядов среди рабочего класса, для подчинения рабочего движения реакционному юнкерству [8].

Статья З. Н. Мелещенко, опубликованная в «Вестнике ЛГУ», в очередной раз направлена против культа Лассаля. Останавливаясь на таких проблемах, как лассалевская теория государства, роль революции в истории, автор обвиняет Лассаля в том, что он не пропагандировал среди немецких рабочих идей научного коммунизма, насаждал в рабочем движении вождизм и стихийность, противопоставлял экономическому учению Маркса свою теорию «железного закона заработной платы» [24].

В 1960–80-х годах серьезных публикаций о Лассале в нашей стране не появлялось. Это объяснимо тем, что сложившиеся в 1920–30-е годы идеологические стереотипы в трактовке лассальянства наложили табу на изучение этих проблем и привели к исчезновению интереса к данной теме. В 1997 году автор этих строк опубликовал в издательстве Петрозаводского университета монографию «Ф. Лассаль. Штрихи к политическому портрету» [34], которая явилась первой в нашей стране серьезной попыткой исследовать жизнь и творчество Ф. Лассаля начиная с 1926 года. Мы стремились выявить этапы формирования личности Лассаля, проследить эволюцию философских, правовых, экономических и политических воззрений Лассаля, охарактеризовать основные положения его теории по реформированию общества, объективно исследовать политические акции первого президента ВГРС, познакомить читателей с основными произведениями Лассаля.

В 1990–2000-е годы автор статьи продолжил публикацию статей, посвященных Лассалю и лассальянству. Они были посвящены взаимоотношениям Лассаля с Марксом [33] и Бисмарком [32], проблемам конституционализма в творчестве Лассаля [35], литературным произведениям первого президента ВГРС [36].

Идеи Лассаля, оказавшие значительное влияние на развитие европейской социал-демократии, долгое время в отечественной историографии советского периода подвергались уничижению, а в последние десятилетия – замалчиванию. Вместе с тем его идеи реформизма, законности форм борьбы, социального сотрудничества вошли в программы большинства европейских социал-демократических партий и актуальны до сих пор. А это, в свою очередь, требует нового изучения, новых исследований.

* Статья подготовлена в рамках проекта «SCANDICA: культурные конвергенции» при поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. А д а м я н Г. Философские взгляды Лассаля и германский социал-фашизм // Из истории философии XIX века / Под ред. И. К. Луппола. М., 1933. С. 148–178.

2. А р ж а н о в М. Государство Лассаля и фашизация социал-демократии // Советское государство. 1932. № 5–6. С. 87–100.
3. Б е р д я е в Н. А. Борьба за идеализм // Опыты философские, социальные и литературные. СПб., 1907. С. 111–134.
4. Б е р н ш т е й н А. Основные взгляды Ф. Лассаля // Под знаменем марксизма. 1924. № 10–11. С. 153–189.
5. В а т с о н Э. К. Вопрос об улучшении быта рабочих в Германии // Этюды и очерки по общественным вопросам. СПб., 1892. С. 48–142.
6. В и н о г р а д с к а я П. С. Несколько поправок к статье А. Бернштейна о Лассале // Под знаменем марксизма. 1925. № 3. С. 239–246.
7. В и н о г р а д с к а я П. С. Ф. Лассаль. М.; Л., 1926. 250 с.
8. В о р о б ь е в а А. К. Из истории рабочего движения в Германии и борьбы Маркса и Энгельса против Лассаля и лассальянства в 1862–1864 гг. // Из истории борьбы Маркса и Энгельса за пролетарскую партию / Под ред. И. С. Галкина. М., 1955. С. 246–360.
9. Г а г а р и н А. Социологические и политические взгляды Лассаля // Из истории философии XIX века / Под ред. И. К. Луппола. М., 1933. С. 179–218.
10. Г е р ч и к о в И. В. К идее государства у Лассаля // Труды Белорусского гос. ун-та. 1925. № 6–7. С. 201–215.
11. Д е б о р и н А. О статье Лассаля // Под знаменем марксизма. 1925. № 4. С. 5–10.
12. Е л ь н и ц к и й А. Ф. Лассаль // Знание. 1924. С. 32–36.
13. Л а в р о в П. Л. Формула прогресса Михайловского. СПб., 1906. 145 с.
14. Л а с с а л ь Ф. Сочинения. СПб., 1870. 256 с.
15. Л а с с а л ь Ф. Сочинения: В 3 т. СПб., 1906.
16. Л а с с а л ь Ф. Сочинения: В 3 т. М., 1925.
17. Л е н и н В. И. Принципиальные вопросы избирательной кампании // Ленин В. И. Полн. собр. соч.: В 55 т. Т. 21. М.: Политиздат, 1968. С. 68–94.
18. Л е н и н В. И. Развитие рабочих хоров в Германии // Ленин В. И. Полн. собр. соч.: В 55 т. Т. 22. М.: Политиздат, 1968. С. 275–276.
19. Л е н и н В. И. Август Бебель // Ленин В. И. Полн. собр. соч.: В 55 т. Т. 23. М.: Политиздат, 1968. С. 363–369.
20. Л е н и н В. И. Карл Маркс // Ленин В. И. Полн. собр. соч.: В 55 т. Т. 26. М.: Политиздат, 1968. С. 43–93.
21. Л е н и н В. И. Конспект книги Лассаля «Философия Гераклита Темного из Эфеса» // Ленин В. И. Полн. собр. соч.: В 55 т. Т. 29. М.: Политиздат, 1968. С. 303–315.
22. М а й с к и й В. Отец германской социал-демократии. Ф. Лассаль. М., 1917. 32 с.
23. М а р т ы н о в А. Фердинанд Лассаль и германская социал-демократия // Коммунистический Интернационал. 1925. № 4. С. 86–102.
24. М е л е щ е н к о З. Н. Философские и политические взгляды Ф. Лассаля и современный ревизионизм // Вестник Ленинградского ун-та. Сер. «Экономика, философия, право». 1960. № 5. Вып. 1. С. 76–87.
25. П л е х а н о в Г. В. Лассаль, его жизнь и деятельность. СПб., 1906. 50 с.
26. П л е х а н о в Г. В. Программа «Группы Освобождения труда» // Плеханов Г. В. Избранные философские произведения: В 5 т. М., 1956. Т. 1. С. 371–377.
27. Р а з у м о в с к и й И. Философско-правовое наследие Лассаля // Под знаменем марксизма. 1925. № 4. С. 38–68.
28. С а б у р о в А. Фердинанд Лассаль. М., 1925. 15 с.
29. С в я т л о в с к и й В. В. Вожди пролетарского движения. Вып. 2. Ф. Лассаль. Пг., 1919. 32 с.
30. С т е п а н о в а Е. Маркс и Лассаль // Пролетарская революция. 1933. № 1. С. 98–146.
31. С т р у в е П. Б. Еще о Лассале // На разные темы. СПб., 1902. С. 267–278.
32. С у в о р о в Ю. В. Лассаль и Бисмарк. Из истории взаимоотношений // Политическая история и историография. От античности до современности. Петрозаводск, 1994. С. 41–49.
33. С у в о р о в Ю. В. Лассаль и Маркс (история отношений) // Политическая история и историография. От античности до современности. Вып. 2. Петрозаводск, 1996. С. 37–57.
34. С у в о р о в Ю. В. Ф. Лассаль. Штрихи к политическому портрету. Петрозаводск, 1997. 159 с.
35. С у в о р о в Ю. В. Проблемы конституционности и законности в творчестве Ф. Лассаля // Человек в социальном мире. 2002. Вып. 2. № 9. С. 32–34.
36. С у в о р о в Ю. В. «Франц фон Зикинген» Ф. Лассаля // Политическая история и историография. От античности до современности. Вып. 4. Петрозаводск, 2007. С. 96–102.
37. Ф р а н к С. Л. Новые данные к характеристике культурно-исторических, социологических и философских взглядов Лассаля // Вопросы философии и психологии. 1902. № 5. С. 951–976.

Suvorov Yu. V., Petrosavodsk State University (Petrosavodsk, Russian Federation)

FERDINAND LASSALLE AND LASSALLEANISM IN NATIONAL HISTORIOGRAPHY

The article presents a review of scientific and popular scientific literature published in Russia during the period from the middle of the XIXth century until present days. The major trends in pre-revolutionary literature about Ferdinand Lassalle, namely liberal, populist, and social democratic are described in the article. Soviet historiography singles out the works of the first post-revolutionary years, where Lassalle was depicted as an ardent revolutionary and the founder of the German social democracy, and publications of the 1920–50s, where Lassalle was portrayed as an opportunist and a betrayer of proletariat's interests. In 1960–80s there were no works published on that subject. In 1990–2000s the author of this article was involved in the study of Lassalle's creative work, who was the first president of the General German Workers' Association. The author of the article tried to carry out an impartial and unbiased research of Lassalle's work and political activity from a historicist position.

Key words: historiography, social democracy, lassalleanism, the General German Workers' Association, opportunism

REFERENCES

1. A d a m y a n G. Philosophical Views of Lassalle and German Social Fascism [Filosofskie vzglyady Lassalya i germanskiy sotsial-fashizm]. *Iz istorii filosofii XIX veka* [From the History of Philosophy of the 19th Century]. Moscow, 1933. P. 148–178.

2. A r z h a n o v M. The State of Lassalle and Fascization of Social Democracy [Gosudarstvo Lassalya i fashizatsiya sotsial-demokratii]. *Sovetskoe gosudarstvo* [Soviet State]. 1932. № 5–6. P. 87–100.
3. B e r d y a e v N. A. Fight for Idealism [Bor'ba za idealism]. *Opyty filosofskie, sotsial'nye i literaturnye* [Philosophical, Social and Literature Experiments]. St. Petersburg, 1907. P. 111–134.
4. B e r n s h t e i n A. Principal Views of Ferdinand Lassalle [Osnovnye vzglyady F. Lassalya]. *Pod znamenem marksizma* [Under the Banner of Marxism]. 1924. № 10–11. P. 153–189.
5. W a t s o n E. K. On the Improvement of Workers' Everyday Life in Germany [Vopros ob uluchshenii byta rabochikh v Germanii]. *Etyudy i ocherki po obshchestvennym voprosam* [Sketches and Outlines on Social Issues]. St. Petersburg, 1892. P. 48–142.
6. V i n o g r a d s k a y a P. S. Several Amendments to the Article about Lassalle by A. Bernshtein [Neskol'ko popravok k stat'e A. Bernshteina o Lassale]. *Pod znamenem marksizma* [Under the Banner of Marxism]. 1925. № 3. P. 239–246.
7. V i n o g r a d s k a y a P. S. *F. Lassal'* [F. Lassalle]. Moscow; Leningrad, 1926. 250 p.
8. V o r o b ' e v a A. K. From the History of Workers' Movement in Germany and Fight of Marx and Engels against Lassalle and Lassalleanism in 1862–1864 [Iz istorii rabochego dvizheniya v Germanii i bor'by Marksa i Engel'sa protiv Lassalya i lassal'yanstva v 1862–1864 gg.]. *Iz istorii bor'by Marksa i Engel'sa za proletarskuyu partiyu* [From the History of Fight of Marx and Engels for the Proletarian Party]. Moscow, 1955. P. 246–360.
9. G a g a r i n A. Sociological and Political Views of Lassalle [Sotsiologicheskie i politicheskie vzglyady Lassalya]. *Iz istorii filosofii XIX veka* [From the History of Philosophy of the 19th century]. Moscow, 1933. P. 179–218.
10. G e r c h i k o v I. V. To the Idea of the State according to Lassalle [K idee gosudarstva u Lassalya]. *Trudy Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta* [Works of Belorussian State University]. 1925. № 6–7. P. 201–215.
11. D e b o r i n A. About the Article by Lassalle [O stat'e Lassalya]. *Pod znamenem marksizma* [Under the Banner of Marxism]. 1925. № 4. P. 5–10.
12. E l n i t s k i y A. F. Lassalle [F. Lassal']. *Znanie* [Knowledge]. 1924. P. 32–36.
13. L a v r o v P. L. *Formula progressa Mikhaylovskogo* [Formula of Progress by Michailovskiy]. St. Petersburg, 1906. 145 p.
14. L a s s a l l e F. *Sochineniya* [Writings]. St. Petersburg, 1870. 256 p.
15. L a s s a l l e F. *Sochineniya* [Writings]: In 3 vol. St. Petersburg, 1906.
16. L a s s a l l e F. *Sochineniya* [Writings]: In 3 vol. Moscow, 1925.
17. L e n i n V. I. Principal Questions of the Election Campaign [Printsipial'nye voprosy izbiratel'noy kampanii]. Lenin V. I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Collection of Works]. Vol. 21. P. 68–94.
18. L e n i n V. I. Development of Workers' Choirs in Germany [Razvitie rabochikh khorov v Germanii]. Lenin V. I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Collection of Works]. Vol. 22. P. 275–276.
19. L e n i n V. I. August Bebel [Avgust Bebel']. Lenin V. I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Collection of Works]. Vol. 23. P. 363–369.
20. L e n i n V. I. Karl Marx [Karl Marks]. Lenin V. I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Collection of Works]. Vol. 26. P. 43–93.
21. L e n i n V. I. Notes of the Book "The Philosophy of Heraclitus the Dark from Ephesos" by Lassalle [Konspekt knigi Lassalya "Filosofiya Geraklita Temnogo iz Efesa"]. Lenin V. I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Collection of Works]. Vol. 29. P. 303–315.
22. M a y s k i y V. *Otets germanskoy sotsial-demokratii. F. Lassal'* [Father of German Social Democracy. F. Lassalle]. Moscow, 1917. 32 p.
23. M a r t y n o v A. Ferdinand Lassalle and German Social Democracy [Ferdinand Lassal' i germanskaya sotsial-demokratiya]. *Kommunisticheskiy Internatsional* [Communist International]. 1925. № 4. P. 86–102.
24. M e l e s h c h e n k o Z. N. Philosophical and Political Views of F. Lassalle and Modern Revisionism [Filosofskie i politicheskie vzglyady F. Lassalya i sovremenny revizionizm]. *Vestnik Leningradskogo Universiteta. Ser. "Ekonomika, filosofiya, pravo". Vyp. 1. 1960. № 5* [Herald of Leningrad University, Series: Economy, Philosophy, Law]. 1960. № 5. Is. 1. P. 76–87.
25. P l e k h a n o v G. V. *Lassal', ego zhizn' i deyatel'nost'* [Lassalle, His Life and Working Activity]. St. Petersburg, 1906. 50 p.
26. P l e k h a n o v G. V. Program "Groups of Labour's Liberation" [Programma Gruppy osvobozhdeniya truda]. *Izbrannye filosofskie proizvedeniya* [Selected Philosophical Works: In 5 vol.]. Moscow, 1956. Vol. 1. P. 371–377.
27. R a z u m o v s k i y I. Philosophical and Law Heritage of Lassalle [Filosofsko-pravovoe nasledie Lassalya]. *Pod znamenem marksizma* [Under the Banner of Marxism]. 1925. № 4. P. 38–68.
28. S a b u r o v A. *Ferdinand Lassal'* [Ferdinand Lassalle]. Moscow, 1925. 15 p.
29. S v y a t l o v s k i y V. V. *Vozhdi proletarskogo dvizheniya. Vyp. 2. F. Lassal* [Leaders of Proletarian Movement. Is. 2. F. Lassalle]. Petrograd, 1919. 32 p.
30. S t e p a n o v a E. Marx and Lassalle [Marks i Lassal']. *Proletarskaya revolyutsiya* [Proletarian Revolution]. 1933. № 1. P. 98–146.
31. S t r u v e P. B. Some More Things about Lassalle [Eshche o Lassale]. *Na raznye temy* [On Different Topics]. St. Petersburg, 1902. P. 267–278.
32. S u v o r o v Yu. V. Lassalle and Bismark. From the History of Interrelations [Lassal' i Bismark. Iz istorii vzaimootnosheniy]. *Politicheskaya istoriya i istoriografiya. Ot antichnosti do sovremennosti* [Political History and Historiography. From Antiquity to Modern Times]. Petrozavodsk, 1994. P. 41–49.
33. S u v o r o v Yu. V. Lassalle and Marx (History of Relations) [Lassal' i Marks (istoriya otnosheniy)]. *Politicheskaya istoriya i istoriografiya. Ot antichnosti do sovremennosti* [Political History and Historiography. From Antiquity to Modern Times]. Petrozavodsk, 1996. Is. 2. P. 37–57.
34. S u v o r o v Yu. V. *F. Lassal'. Shtrikhi k politicheskomu portretu* [F. Lassalle. Strokes to the Political Portrait]. Petrozavodsk, PetrSU Publ. 1997. 159 p.
35. S u v o r o v Yu. V. Problems of Constitutionality and Legality in Creative Work of F. Lassalle [Problemy konstitutsionnosti i zakonnosti v tvorchestve F. Lassalya]. *Chelovek v sotsial'nom mire* [Man in Social World]. 2002. Is. 2. № 9. P. 32–34.
36. S u v o r o v Yu. V. «Franz von Zikingen» by F. Lassalle ["Frants fon Zikingen" F. Lassalya]. *Politicheskaya istoriya i istoriografiya. Ot antichnosti do sovremennosti* [Political History and Historiography. From Antiquity to Modern Times]. Petrozavodsk, 2007. Is. 4. P. 96–102.
37. F r a n k S. L. New Data On Characteristic of Culture-historical, Sociological and Philosophical Views of Lassalle [Novye dannye k kharakteristike kul'turno-istoricheskikh, sotsiologicheskikh i filosofskikh vzglyadov Lassalya]. *Voprosy filosofii i psikhologii* [Issues of Philosophy and Psychology]. 1902. № 5. P. 951–976.

Поступила в редакцию 03.04.2013

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Май, № 3 **История** **2013**

УДК 821.161.1–31

СВЕТЛАНА ПАВЛОВНА МОРОЗОВА
преподаватель кафедры отечественной истории исторического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
morozova@sampo.ru

МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ БАЗА ШКОЛ КАРЕЛИИ В ХРУЩЕВСКИЙ ПЕРИОД*

Хронологически охватывается период 1956–1966 годов, когда начались активные преобразования в системе просвещения, основанные на идее политехнического образования и соединения обучения с производительным трудом. На основе архивных источников рассматриваются вопросы строительства школ, обеспечение учебных заведений оборудованием, книжным фондом, состояние и уровень соответствия материальной базы тем задачам, которые государство ставило перед учебными заведениями. Реорганизация семилетних школ в восьмилетние зачастую проводилась без создания необходимой материальной базы, не хватало помещений для учебных кабинетов и оборудования, следовательно, не обеспечивалось выполнение всей государственной программы по трудовому обучению. Было построено 130 школьных зданий на 51 279 ученических мест, существенно обновилась учебно-материальная база. Вместе с тем к реализации задач производственного обучения школа оказалась не совсем готова, в частности, из-за недостаточного финансирования.

Ключевые слова: школьное строительство, книжный фонд школ, учебные кабинеты и мастерские, учебное оборудование

Состояние материально-технической базы (МТБ) школ Карелии второй половины 1950-х – начала 1960-х годов мало исследовано. Эта тема изучается в публикациях Г. Е. Власьева, Н. Г. Кучепатова, В. С. Максимовой и др.

Современники школьной реформы, начатой в 1958 году, не имели возможности объективно оценить процессы, которые переживала школа в те годы, в силу идеологических ограничений. Но и в последующем начавшиеся активные преобразования в системе просвещения, направленные на придание школе политехнического уклона, так и не были изучены, хотя исследование региональных особенностей осуществления хрущевской реформы образования не утратило своей актуальности до сих пор.

Источниковой базой исследования послужили фонды Национального архива Республики Карелия (НА РК). Особый интерес представляют сведения, находящиеся в фондах Министерства просвещения республики, Совета Министров КАССР, Государственной плановой комиссии КАССР. Все они содержат ежегодные справки и отчеты по вводу в эксплуатацию объектов школьного строительства, докладные записки, касающиеся работы школ, организации учебного процесса, подготовки учителей школ к внедрению новых форм работы и другие сведения, многие из которых впервые вводятся в научный оборот. Статистические сведения позволяют детальнее проанализировать региональные особенности реформы образования указанного периода и выделить тенденции развития материально-технической базы школ Карелии.

За годы войны и оккупации резко сократилась школьная сеть республики. Послевоенное состояние МТБ школ оставалось тяжелым. Многие школы и школьные интернаты размещались в мало приспособленных крестьянских домах, ряд семилетних школ размещался в нескольких зданиях[1].

Выделяемые Министерству просвещения капиталовложения ежегодно не осваивались, особенно по строительству новых школ. В 1954 году фактически ввели в эксплуатацию всего две школы на 1760 мест, в 1955 году – одну школу на 280 мест[2]. По Министерству просвещения в 1956 году было введено в действие 5 школ на 2040 мест[3]. За счет лесной промышленности в этом же году были построены 4 школы на 700 ученических мест[4]. Невыполнение плана капитального строительства объяснялось главным образом неэффективной работой подрядных строительных организаций. В 1956 году в республике работало свыше 100 сельских начальных школ с числом учащихся в пределах 10 человек в каждой школе, около 350 школ были однокомплектными[5]. Развитие малокомплектных школ объяснялось необходимостью иметь в сельской местности начальные школы в каждом сельском населенном пункте.

Из года в год в республике росли ассигнования на школьное строительство. Объем государственных капиталовложений на эти цели составил за четыре года (1955–1958) 46,7 млн руб.[6]

24 декабря 1958 года Верховный Совет СССР принял Закон «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР». Он закреплял восьмилетнее обязательное всеобщее образова-

© Морозова С. П., 2013

ние, в рамках которого молодежь была обязана готовиться к труду и общественно-полезной деятельности. Закон предписывал включать подрастающую молодежь с 15–16 лет в общественно-полезный труд и все ее дальнейшее обучение связывать с производительным трудом в народном хозяйстве. Принятый закон до середины 1960-х годов стал основой для развития советской школы [4; 99]. Осуществление перестройки школы требовало от учащихся проходить практику на промышленных и сельскохозяйственных предприятиях республики. Школы с производственным обучением закреплялись за базовыми предприятиями, где создавались рабочие места и цеха для осуществления производственного обучения. На предприятиях выделяли квалифицированный инженерно-технический персонал для преподавания специальных и общетехнических дисциплин. Рабочие места выделил Сегежский ЦБДК, петрозаводский Онежский тракторный завод оборудовал специальный цех для учеников средних школ с производственным обучением № 4 и № 9. На базе Домостроительного комбината в Петрозаводске проходили производственное обучение школьники 22-й и 24-й средних школ. На базовых предприятиях создавали методические советы, которые решали вопросы производственного обучения. Вместе с тем многие предприятия республики не могли принять на обучение учащихся, так как не имели необходимой материальной базы. Все это приводило к формальному выполнению учебных программ. Нередко на таких предприятиях выполняли работы, не связанные с учебной практикой, выбор специальностей проводился без учета желаний учащихся.

Министерство просвещения во главе с Н. А. Дильденкиным и областной комитет профсоюза работников просвещения развернули соревнование между школами отдельных районов Карелии за лучшую подготовку школ к новому учебному году [1; 12].

Наряду с вводом в строй новых школ во многих районах для расширения учебной площади леспромхозы и предприятия выделяли дополнительные помещения. В течение 1958–1960 годов дополнительно выделили на эти цели 357 классных комнат, 62 учебные мастерские, 6 учебных кабинетов, 8 физкультурных залов[7].

В 1958/59 учебном году мастерские были в 82 средних школах из 92, причем в 19 мастерских было менее 10 рабочих мест. Из 162 семилетних школ мастерские были в 134 школах, но в 82 из них имелось менее 10 рабочих мест и оборудованы они были в большинстве своем лишь для занятий по деревообработке, что также не обеспечивало выполнения всей государственной программы по трудовому обучению. Подобное положение можно объяснить только отсутствием в школах специальных помещений для мастерских. Школы вынуждены были открывать мастерские в неприспособленных для этого помещениях подвального типа сырых и холодных, без соблюдения санитарных норм и техники безопасности. Для того чтобы оснастить их оборудованием, прибегали к помощи совхозов и МТС, которые передавали школам оборудование, годное для учебных целей.

В процесс были включены педагоги, учащиеся, родители. Показательным представляется опыт по созданию материальной базы в Колатсельгской средней школе Пряжинского района. Отсутствие электрического света в деревне создавало трудности в проведении уроков физики и практических занятий по электротехнике. Учащиеся школы под руководством учителя физики И. С. Злотникова отремонтировали списанный генератор и своими силами электрифицировали школу [2; 1]. Свое личное участие в развитие системы образования Карелии в тот период внесли педагоги К. К. Завьялов, С. Я. Фрадков, Д. Н. Музалёв и др.

Значительную часть денег из республиканского бюджета, предназначенных для проведения социально-культурных мероприятий, направляли на нужды просвещения. В конце 1940-х – начале 1950-х годов это составляло около 20 % расходов бюджета, а в 1960–80-х годах – от 32 до 40 % [5; 132]. Это позволяло осуществить ряд перемен в жизни школы.

Обязательное восьмилетнее образование напрямую связывалось с реорганизацией семилетних школ в восьмилетние. Но в 1959/60 учебном году из 164 семилеток были реорганизованы в восьмилетние только 5 школ, в последующем темпы реорганизации возросли. В 1963/64 учебном году все семилетние школы были преобразованы в восьмилетние, в республике их насчитывалось 215 (см. таб.). Зачастую не было необходимой материальной базы учебных заведений, не хватало помещений для учебных кабинетов и оборудования. Ряд леспромхозов Пудожского, Суоярвского и других районов закупали за свой счет оборудование для учебных кабинетов и мастерских школ. Магазины Главснабспроса далеко не полностью удовлетворяли заявки школ, особенно на станочное и другое оборудование школьных мастерских, на швейные машины, химикаты, печатные пособия, так как в наличии их просто не было[8]. Местная промышленность могла изготовить далеко не все, что требовалось школе. Не все школы были обеспечены книжным фондом для внеклассного чтения. В 1953/54 учебном году 29 школ не имели такого фонда[9]. В 672 школах имелось 277 984 экземпляра книг для внеклассного чтения. Книжный фонд школ ежегодно возрастал, в 1954/55 учебном году он составлял 386 906 экземпляров, в 1957/58 учебном году книжный фонд достиг 512 802 экземпляров[10].

Сводная таблица школ Карелии в период 1953–1964 годов

Учеб. годы	Общ. число школ М-ва просвещ.	Из общего числа школ				Общ. кол-во уч-ся, тыс. чел.	Кол-во уч-ся	
		начальных	семилетних	восьмилетних	средних		во 2-й смене	в 3-й смене
1953/54	672	413	205	–	54	66564	20540	–
1954/55	685	420	198	–	67	68067	19655	–
1955/56	697	435	183	–	79	65426	17495	–
1956/57	737	481	169	–	87	71422	19903	–
1957/58	757	502	166	–	89	76131	20839	–
1958/59	776	523	161	–	92	81830	22494	446
1959/60	783	524	159	5	95	89149	20620	–
1960/61	773	509	134	47	83	97703	22532	–
1961/62	755	485	98	93	79	108641	22640	1438
1962/63	749	471	31	170	77	117467	27654	537
1963/64	735	450	–	215	70	124198	27370	361

Примечание. Использованы фонды НА РК: Ф. 1411. Оп. 4. Д. 397/3088; Ф. 1411. Оп. 4. Д. 443/3531; Ф. 1411. Оп. 4. Д. 488/3955; Ф. 700. Оп. 20. Д. 8/62; Ф. 700. Оп. 20. Д. 24/191; Ф. 700. Оп. 20. Д. 31/252; Ф. 700. Оп. 20. Д. 32/257; Ф. 700. Оп. 22. Д. 18/113; Ф. 700. Оп. 22. Д. 46/317; Ф. 700. Оп. 22. Д. 54/363; Ф. 700. Оп. 22. Д. 64/414. Данные количества школ Министерства просвещения приводятся без учета прочих школ, без школ Министерства путей сообщения, без школ для взрослых, школ рабочей и сельской молодежи.

Тем не менее строительство школ в КАССР отставало от роста контингента учащихся, сменность занятий в школах снижалась незначительно, особенно в городах. В 1960/61 учебном году во второй смене обучались 23 % учащихся. В связи с развитием промышленности и ростом населения в районе строительства Западной Карельской железной дороги, где вовсе отсутствовали школьные здания, объем школьного строительства не обеспечивал существенного снижения сменности занятий в школах[11]. С 1959/60 учебного года ежегодно резко возрастал контингент учащихся и в то же время каждый год на второй год оставались 7–8 тыс. человек. Таким образом, повторно обучающиеся занимали учебные места в школах, что усугубляло положение, и в отдельных городских школах периодически вставал вопрос о необходимости открытия третьей смены (см. таблицу). В 1958 году вместо 12 школ по плану было построено и сдано в эксплуатацию 10 школ на 2160 ученических мест. Также неудовлетворительно выполнялся план и в 1959 году: при плане ввода в эксплуатацию 21 школы было введено лишь 13 на 5180 ученических мест [3; 7]. Министерство просвещения республики с 1960 года систематически стало контролировать строящиеся школьные объекты. В 1960 году построили 17 школ на 5120 ученических мест[12]. План школьного строительства в 1960 году был выполнен, что позволило ликвидировать третью смену занятий. В 1962 году план ввода в действие ученических мест в общеобразовательных школах был выполнен на 100 %, к 1 сентября ввели в действие 5600 ученических мест[13]. Вопросы работы школ и школьного строительства систематически обсуждались на заседании комиссии по народному образованию и культуре Верховного Совета КАССР. Однако строящиеся детские учреждения первоочередными объектами строительства не являлись.

Результаты проделанной работы по укреплению МТБ школ подтверждают следующее: за десять лет в республике было построено 130 школьных зданий на 51 279 ученических мест, произведено значительное их укрупнение [3; 9]. В период 1953–1964 годов школы существенно обновили и пополнили учебно-материальную базу. В начале исследуемого периода в 1953/54 учебном году из 672 школ киноаппараты имелись в 22 школах, радиоприемники – в 115 школах, 71 школа была радиофицирована, физкультурные залы были в 113 школах. На начало 1964/65 учебного года в республике из 716 школ всеобуча были оборудованы: узкопленочными киноаппаратами – 244 школы, ламповыми радиоприемниками – 211 школ, телевизорами – 66 школ, имели собственный радиоузел – 111 школ, буфеты и столовые с горячим питанием для учащихся – 311 школ, физкультурные залы имелись в 229 школах[14]. Это были преимущественно восьмилетние и средние школы. Значительно увеличился и книжный фонд школ. В начальных школах книжный фонд составлял 219 662 экземпляра, из этого фонда книги для внеклассного чтения – 96 126 экземпляров. В восьмилетних школах книжный фонд насчитывал 422 258 экземпляров, их них для внеклассного чтения 305 102 экземпляра. В средних школах книжный фонд насчитывал 368 737 экземпляров, из них для внеклассного чтения 281 641 экземпляр[15]. В это время в республике, учитывая восьмилетние и средние школы, уже имелось 174 кабинета физики, 116 кабинетов химии, 77 кабинетов биологии, 24 кабинета машиноведения, 13 кабинетов электротехники, а также 272 учебные мастерские с общим числом рабочих мест 6336[16].

Несмотря на укрепление МТБ школ Карелии, школа все же оказалась мало подготовленной к осуществлению задач, которые выдвигала реформа образования 1958 года, в частности к реализации задач производственного обучения. МТБ школ не получила достаточного финансового обеспечения, так как не были учтены демографические изменения в республике, которые привели к резкому приросту контингента учащихся.

* Работа выполнена при поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] НА РК. Ф. 1394. Оп. 6. Д. 520/2586.
[2] НА РК. Ф. 2359. Оп. 1. Д. 1/4.
[3] НА РК. Ф. 700. Оп. 20. Д. 3/18.
[4] НА РК. Ф. 2359. Оп. 1. Д. 1/4.
[5] НА РК. Ф. 700. Оп. 20. Д. 23/185.
[6] НА РК. Ф. 700. Оп. 22. Д. 18/112.
[7] НА РК. Ф. 630. Оп. 3. Д. 41/523.
[8] НА РК. Ф. 630. Оп. 3. Д. 25/284.
[9] НА РК. Ф. 1411. Оп. 4. Д. 443/3531.
[10] НА РК. Ф. 700. Оп. 22. Д. 18/113
[11] НА РК. Ф. 690. Оп. 11. Д. 129/707.
[12] НА РК. Ф. 690. Оп. 11. Д. 118/659.
[13] НА РК. Ф. 700. Оп. 22. Д. 54/363.
[14] НА РК. Ф. 630. Оп. 3. Д. 94/1077.
[15] НА РК. Ф. 630. Оп. 3. Д. 94/1077.
[16] НА РК. Ф. 630. Оп. 3. Д. 94/1077.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дильденкин Н. А. Организация социалистического соревнования в школах КАССР // Первые итоги. Петрозаводск, 1958. С. 10–22.
2. Злотников И. С. Создание материальной базы и ее практическое использование // В помощь учителю. Бюллетень № 7. Петрозаводск, 1958. 33 с.
3. Максимова В. С. Деятельность партийной организации Карелии по осуществлению задач всестороннего развития учащихся общеобразовательных школ (1956–1966 гг.): Автореф. дис. … канд. ист. наук. Петрозаводск, 1966. 28 с.
4. Пыжиков А. В. Реформирование системы образования в СССР в период «оттепели» (1953–1964 гг.) // Вопросы истории. 2004. № 9. С. 95–104.
5. Финансы Карелии / В. Г. Баданов, К. В. Гнетнев. Петрозаводск: ПетроПресс, 2002. 192 с.

Morozova S. P., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

MATERIAL AND TECHNICAL RESOURCES OF SCHOOLS IN KARELIA DURING KHRUSHCHEV'S TIME

In terms of chronology, the article covers the period from the second half of the 1950s up to the beginning of the 1960s, the time during which active reforms were introduced into the existing system of education. The reforms were based on the idea of polytechnic education combined with regular education and productive work. Based on the archival sources the issues of schools' construction, provision of educational institutions with equipment and library stock, conditions and compliance level of material resources to the tasks are studied. Reorganization of the seven-year school system into eight-year school system was often implemented without sufficient provision with necessary material resources. There were not enough rooms for studies and equipment, therefore, the in-depth fulfillment of the state program on labor education was not ensured. It should be noted that for the period of ten years (1956–1966) 130 school buildings were built in the republic. 51 279 pupils were taught in these schools. During these years, the schools significantly updated and enlarged educational material resources. Nevertheless, the schools enriched with new materials appeared not to be prepared to realize the tasks of labor education, particularly due to poor or insufficient financing.

Key words: school construction, school library stock, classrooms and workrooms, educational equipment

REFERENCES

1. Dil'denkin N. A. Organization of socialistic competition in KASSR schools [Organizatsiya sotsialisticheskogo sorevnovaniya v shkolakh KASSR]. *Pervye itogi* [First results]. Petrozavodsk, 1958. P. 10–22.
2. Zlotnikov I. S. Provision of material resources and their practical usage [Sozdanie material'noy bazy i ee prakticheskoe ispol'zovanie]. *V pomoshch uchitelyu. Byulleten' № 7* [To help teacher. Bulletin № 7]. Petrozavodsk, 1958. 33 p.
3. Maksimova V. S. *Deyatel'nost' partiynoy organizatsii Karelii po osyshchestvleniyu zadach vsestoronnego razvitiya uchaschikhsya obshcheobrazovatel'nykh shkol (1956–1966 gg.)*. Avtoref. dis. cand. ist. nauk [Activity of party organization of Karelia on fulfillment of tasks of all-round development of pupils of comprehensive schools (from 1956 till 1966). Abstract cand. historical sci. diss.]. Petrozavodsk, 1966. 28 p.
4. Pyzhikov A. V. Reforming of the system of education in the USSR in the period of "thaw" (from 1953 till 1964) [Reformirovanie sistemy obrazovaniya v SSSR v period "ottepeli" (1953–1964 gg.)]. *Voprosy istorii* [Historical issues]. 2004. № 9. P. 95–104.
5. *Finansy Karelii* [Finances of Karelia] / V. G. Badanov, K. V. Gnetnev. Petrozavodsk, PetroPress Publ., 2002. 192 p.

Поступила в редакцию 13.03.2013

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Май, № 3 **Педагогика** **2013**

УДК 37.0

ВАЛЕНТИНА МИХАЙЛОВНА ТУРКИНА
доктор педагогических наук, профессор кафедры общей психологии факультета психологии, Карельская государственная педагогическая академия (Петрозаводск, Российская Федерация)
turkina@onego.ru

РАЗВИТИЕ МЕТАКОГНИТИВНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА НА НОВЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СТАНДАРТЫ

Переход на новые образовательные стандарты требует изменения приоритетов образования, диктует необходимость поиска иных способов обучения. Установлена связь между формированием регулятивных учебных действий, которые способствуют становлению ученика как субъекта учебной деятельности, и развитием метакогнитивных способностей. Наиболее полно эта связь проявляется при постановке и решении учебных задач. В статье уточняется понятие «учебная задача», схема ее постановки и решения. На основе этой схемы выделены этапы обучения, дается краткая характеристика каждого этапа. Данный способ обучения был опробован при формировании устных приемов сложения и вычитания двузначных чисел во втором классе. Эксперимент показал, что обучение устным вычислениям на основе развития метакогнитивных способностей было эффективным, произошли качественные изменения в овладении приемами устных вычислений.

Ключевые слова: регулятивные учебные действия, метакогнитивные способности, учебная задача, вычислительная деятельность, приемы устных вычислений

Введение в школьную практику государственных образовательных стандартов нового поколения на законодательном уровне закрепило переход от «знаниевой» парадигмы в обучении к компетентностной. Образование с этих позиций – это формирование опыта решения проблем на базе имеющегося в культуре и социуме опыта, осмысление собственного опыта, преобразование знаний и умений в ресурс для поиска решения новых задач, ранее неизвестных. Переход к новой парадигме требует изменения приоритетов в организации процесса обучения, что и закреплено в государственном образовательном стандарте начального образования. В ФГОС записано: «…выпускник начальной школы должен овладеть основами умения учиться, уметь организовывать свою деятельность» [5; 7]. Поэтому в системе универсальных учебных действий выделены регулятивные учебные действия (целеполагание, планирование, прогнозирование, контроль и др.). Именно они способствуют становлению ученика как субъекта учебной деятельности.

Наши наблюдения, анализ литературы показывают, что при всем старании учителей большинство младших школьников в настоящее время не становятся субъектами учебной деятельности. Многие из них даже с помощью учителя не могут сформулировать учебную задачу, спланировать и определить способы ее достижения, оценить успешность решения учебной задачи и т. д. Специфика данных учебных действий заключается в том, что они более высокого порядка, чем общеучебные и предметные умения (умение читать, наблюдать, считать и др.). Эти учебные действия не могут формироваться пооперационно, как принято в традиционном обучении, необходимо искать иные способы решения проблемы.

Одновременно психологами разрабатывается концепция метапознания, основоположником которой является Дж. Флейвелл. Он определяет метапознание как индивидуальное знание, касающееся собственных когнитивных процессов и их результатов, выполняющее функцию активного контроля, регуляции и организации когнитивных процессов при достижении конкретных целей [6].

Наряду с термином «метапознание» в русскоязычной и иностранной литературе используются также термины «метакогнитивные способности», «метаспособности», «метакогниции» и др. В своей работе мы будем использовать данные термины как синонимы.

Определяя функции метакогниций, Дж. Флейвелл указывает на то, что они выполняют функцию контроля и регуляции когнитивных процессов. Психологами выделены ситуации, которые актуализируют метакогнитивные способности: новизна познавательной ситуации; сосредоточенность на собственной мыслительной деятельности; наличие существенных рассогласований в деятельности; наличие достаточно большого количества времени на решение задачи и др. [2]. Из вышесказанного следует, что развитие метакогнитивных способностей тесно связано с формированием регулятивных учебных действий, они влияют друг на друга. Наиболее полно эта связь проявляется при постановке и решении учебных задач.

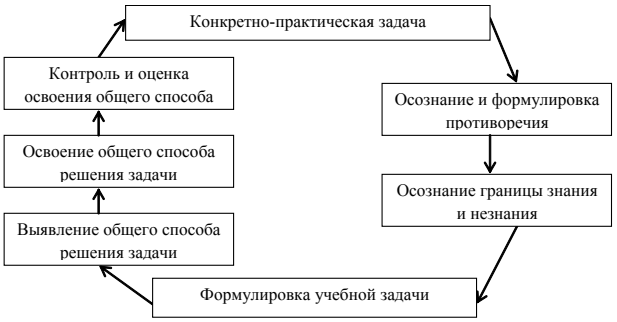
© Туркина В. М., 2013

В литературе (И. А. Зимняя, Л. М. Фридман и др.) под учебной задачей понимается задача, в ходе решения которой ученик не только усваивает общий способ выполнения действия, но и происходят изменения в ученике как субъекте учебной деятельности.

С нашей точки зрения, это психологическое понятие должно быть уточнено. Данных характеристик для отличия учебных задач от других, например решаемых в математике конкретно-практических задач, недостаточно. В. В. Давыдов [1] специально акцентирует внимание на том, что освоение обобщенных способов само по себе не гарантирует изменение субъекта. Овладение способом действия расширяет возможности ученика как решателя задач. Поэтому учебная задача связана не просто с усвоением обобщенных способов действий, а с усвоением теоретических оснований, на которых строятся способы действий, то есть с усвоением принципов действий. Принцип дает возможность человеку строить целые серии действий. «Принцип человек не может усвоить через показ, тренировку. Его нужно извлечь из способов и обобщить» [3; 20]. Таким образом, речь идет о перестройке старых знаний и умений, в результате которой появляется новое целостное образование, новая способность.

Кроме того, цель субъекта, решающего учебную задачу, состоит не только в получении определенного вещественного или идеального продукта и в овладении способом его получения, но и в присвоении этого способа. Тем самым происходит расширение и обогащение возможностей школьника как субъекта учебной деятельности. Но из рассуждений психологов трудно понять, кто ставит цель по усвоению принципа действия: учитель или ученик. Наш опыт экспериментальной работы убедил, что для присвоения выделенного общего способа действия очень важно, чтобы эта цель была поставлена самим учеником. Только в таком случае ученик становится активным участником процесса поиска решения учебной задачи, тогда процесс усвоения знания становится целостным. Поэтому под учебной задачей мы понимаем задачу, которую поставил ученик для себя сам и которая направлена на поиск общего принципа выполнения действия.

Если уточнить схему постановки и решения учебной задачи, предложенную в работе [4], с точки зрения развития метакогнитивных способностей, то получим следующую граф-схему (см. рисунок).



Процесс постановки и решения учебной задачи с позиций развития метакогнитивных способностей

Исходя из этой схемы можно выделить этапы организации обучения на основе развития метакогнитивных способностей школьников.

1. Постановка учебной задачи: мотивировка → выяснение противоречия (имеется некоторая проблема – способ ее разрешения неясен) → выявление границы знания и незнания → учебная задача.

2. Планирование поиска и решения учебной задачи: анализ имеющихся ресурсов (знания и умения, имеющиеся модели, способы получения дополнительной информации и др.) → выявление общего способа решения задачи и его обоснование (использование разного рода моделей, образов, логических умозаключений) → составление плана решения задачи.

3. Реализация плана решения: применение найденного способа решения при решении задач, аналогичных исходной конкретно-практической задаче → применение найденного способа в измененной ситуации → прогнозирование возможных ошибок → выявление ситуаций, позволяющих изменить способ решения, и т. д.

4. Контроль и оценка решения учебной задачи: установление соответствия полученного результата требованию задачи → коррекция выявленного способа → выделение границ применимости способа → постановка новой учебной задачи.

При наполнении этой схемы содержанием, соответствующим учебному предмету, можно получить методику изучения конкретного учебного материала. Мы опробовали эту схему при формировании вычислительных навыков, в частности при изучении устных приемов сложения и вычитания двузначных чисел во втором классе. Такой выбор обусловлен разными причинами, мы отметим наиболее важные с точки зрения развития метакогнитивных способностей:

1. Именно при выполнении устных вычислений ученик должен активно регулировать свои когнитивные процессы: выбрать способ вычисления, проверить себя, если необходимо, скорректировать процесс вычисления и т. д., что способствует формированию регулятивных учебных действий.

2. Слабое владение техникой устных вычислений мешает ученику в усвоении математики, физики, химии в старших классах, где достаточно часто требуется быстро «прикинуть» или оценить возможный результат.

3. Формирование вычислительного навыка вроде бы старая проблема и трудно найти что-то новое в методике, но тем не менее до сих пор

это головная боль многих учителей. Поэтому нужно искать новые и новые способы обучения. Видимо, работа только над вычислительным навыком не является способом решения проблемы. Необходимо использовать другие ресурсы, в том числе и обучение на основе развития метакогнитивных способностей.

Традиционно учеников второго класса учат последовательному сложению чисел. Например:

1) 57 + 22 = (57 + 20) + 2 = 79;

2) 57 + 9 = (57 + 3) + 6 = 66;

3) 57 + 29 = (57 + 20) + 9 = (77 + 3) + 6 = 86.

Если в первом случае хорошо видны слагаемые, которые нужно прибавить к первому слагаемому, то во втором случае требуется дополнительная операция по разбиению второго слагаемого на удобные слагаемые 3 и 6, причем ее нужно выполнить в уме. А в третьем случае нужно выполнить уже комбинацию преобразований в уме. Все это вызывает сложности у второклассников в связи с малым для выполнения таких преобразований объемом памяти и внимания.

В то же время существуют другие приемы устных вычислений, сокращающие количество шагов. Опыт показал, что они вызывают интерес у учащихся. Например:

1) в случае 57 + 9 нужно просто цифру десятков увеличить на 1, а цифру единиц уменьшить на 1, получим 66;

2) в случае 57 + 29 нужно цифру десятков увеличить на 3, а цифру единиц уменьшить на 1, получим 86.

Использование разных приемов вычислений требует не только математических знаний и умения их применять в конкретных ситуациях, но и умений, которые связаны с метакогнитивными способностями, с регулированием вычислительной деятельности.

Поэтому на основе высказанной выше идеи нами была разработана методика обучения устным вычислениям, решающая проблемы предметного характера (сокращение количества шагов в вычислении, количества запоминаемого материала и др.) и способствующая достижению метапредметных результатов. Рамки статьи не позволяют описать данную методику. Представим результаты ее применения.

В начале и конце опытно-экспериментальной работы были предложены задания, с помощью которых мы выявляли правильность и обобщенность вычислительного навыка. Нас также интересовала работа второклассников на этапе мотивировки и постановки учебной задачи: смогут ли ученики сформулировать проблему, сформулировать учебную задачу? Ответы на эти вопросы мы фиксировали в ходе наблюдения за школьниками. Полученные данные представлены в таблице.

Сформированность вычислительного навыка

Класс	Правильность		Обобщенность		Формулировка проблемы и учебной задачи	
	до обучения	после обучения	до обучения	после обучения	до обучения	после обучения
ЭК (30 уч.)	36,7 %	73,4 %	33,3 %	83,3 %	1 ученик	8 учеников
КК (33 уч.)	22,7 %	52,4 %	36,2 %	38 %	–	1 ученик

Анализ данных показывает, что в обоих классах значительно возросла правильность вычислений. В экспериментальном классе также значительно выросла обобщенность, в том и другом классе некоторые дети стали видеть проблему и пытаться ее формулировать, формулировать учебную задачу.

Для оценки достоверности различий между процентными долями, полученными в контрольном и экспериментальном классах, мы использовали критерий φ* – угловое преобразование Фишера. Вычисления показали:

- различие в процентных долях учащихся, правильно выполнивших вычисления в экспериментальной и контрольной группах, незначимо ($p \leq 0{,}01$);
- различия в процентных долях учащихся, обобщающих вычислительный прием на новые случаи вычисления, в экспериментальной и контрольной группах значимо ($p \leq 0{,}01$).

Полученные данные позволяют сделать вывод: в экспериментальных классах при обучении рациональным приемам вычислений на основе обучения, способствующего не только формированию конкретных учебных умений, но и развитию метакогнитивных способностей, происходят качественные изменения в овладении вычислительными навыками.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Давыдов В. В. Теория развивающего обучения. М.: ИНТОР, 1996. 544 с.
2. Лазарева О. В., Колесников В. Н. Проблема метакогниций в отечественной и зарубежной литературе // Дружининские чтения: Материалы 7-й Всероссийской науч.-практ. конф. г. Сочи, 24–26 апреля 2008. Сочи: СГУТиКД, 2008. Т. 1. С. 79–82.
3. Репкин В. В. Развивающее обучение и учебная деятельность. Рига: Педагогический центр «Эксперимент», 1997. 42 с.
4. Туркина В. М. Методическая система установления преемственных связей в развивающем обучении математике: Монография. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2003. 212 с.
5. Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования. М.: Просвещение, 2010. 31 с.
6. Flavell J. H. Metacognitive aspects of problem solving // The nature of intelligence. Hillsdale / Ed. by L. B. Resnick. N. Y.: Erlbaum, 1976. P. 231.

Turkina V. M., Karelian State Pedagogical Academy (Petrozavodsk, Russian Feeration)

DEVELOPMENT OF METACOGNITIVE SKILLS DURING TRANSITION TO NEW EDUCATIONAL STANDARDS

Adoption of new educational standards requires a change of priorities in education, and therefore, there is a need to find new ways of teaching. The author discusses correlations between development of regulatory learning skills, which contribute to the development of a student as a subject of self-directed learning, and enhancement of student's metacognitive skills. These correlations are fully revealed in the process of tasks' definition and problem solving. The author clarifies the concepts of a "learning task" and of an algorithm for its formulation and solution. Based on this algorithm, the author identifies steps of learning and provides a brief description of every step. This algorithm was tested in the process of teaching mathematics aimed at development of oral skills necessary to do two-digit numbers' addition and subtraction by second grade students. The experiment showed that a process of teaching mental calculations based on the development of metacognitive skills is effective and produces qualitative changes in mental calculation skills' acquisition.

Key words: regulatory learning skills, metacognitive skills, learning task, computational activities, techniques of mental calculations

REFERENCES

1. D a v y d o v V. V. *Teoriya razvivayushchego obucheniya* [The theory of developmental education]. Moscow, INTOR Publ., 1996. 544 p.
2. L a z a r e v a O. V., K o l e s n i k o v V. N. [Metakognitsy problem in domestic and foreign literature]. Problema metakognitsiy v otechestvennoi i zarubezhnoi literatyre. *Druzhyninskie chteniya: Materialy 7j Vseros. naych.-prakt. konf. Sochi, 24–26 aprelya 2008* [Druzhnin reading: Materials of 7th scient.-practice. conference, Sochi, 24–26 april 2008]. Sochi, SGUTiKD Publ., 2008. Vol. 1. P. 79–82.
3. R e p k i n V. V. *Rasvivayushchee obuchenie i uchebnaya deyatel'nost'* [Developing education and training activities]. Riga, Pedagogicheskii tsentr «Eksperiment» Publ., 1997. 42 p.
4. T u r k i n a V. M. *Metodicheskaya sistema ustanovleniya preemstvennyx svyasei v razvivayushchem obuchenii matematike: Monografiya* [Methodical system of successive correlations' establishment when teaching developing mathematics: Monograph]. S-Petersburg, Izd-vo RDPU im. A.I.Gertsena, 2003. 212 p.
5. *Federal'nyi gosydarstvennyi obrazovatel'nyi standart nachal'nogo obshchego obrazovaniya* [Federal State Educational Standard of primary education]. Moscow, Prosveshchenie, 2010. 31 p.
6. F l a v e l l J. H. Metacognitive aspects of problem solving // The nature of intelligence. Hillsdale / Ed. by L. B. Resnick. N. Y., Erlbaum Publ., 1976. P. 231.

Поступила в редакцию 05.06.2012

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Май, № 3 **Педагогика** **2013**

УДК 371.39

МАРИНА ВАЛЕНТИНОВНА ИГНАТЕНКО
кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой технологии и сервиса факультета художественного образования, технологии и дизайна, Мурманский государственный гуманитарный университет (Мурманск, Российская Федерация)
marinaignatenko@rambler.ru

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ В РОССИИ

Проанализирована история развития дополнительного образования детей и подростков в России, рассмотрены разные подходы к периодизации истории дополнительного образования. Самые первые формы внеучебной деятельности в дореволюционной России появились в 30-х годах XVIII века, это были литературные кружки, рукописные журналы, философские трактаты и диссертации, сходки при свечах, капустники, спектакли-импровизации, парламентские заседания, спортивные и художественные состязания. В конце XIX века появился термин «внешкольная работа», под которым понимали культурно-просветительную деятельность. На протяжении XIX–XXI веков существовали разные типы учреждений дополнительного образования: детские парки для игр, детские клубы, колонии, мастерские, музыкальные школы, станции юных натуралистов, художественные студии, бюро школьных экскурсий, трудовые кружки, многие из которых постепенно превращались в ремесленные и технические, дома пионеров, экскурсионно-туристские станции, дома художественного воспитания, электротехнические кружки, станции юных техников, детские спортивные школы. В статье рассмотрено эволюционное видоизменение системы внешкольной работы и внешкольного воспитания детей и подростков в России.

Ключевые слова: дополнительное образование, внешкольное воспитание, система дополнительного образования

Внешкольное воспитание детей и подростков в дореволюционной России связано с появлением самых первых форм внеучебной деятельности. В 30-х годах XVIII века воспитанник Шляхтетского кадетского корпуса в Петербурге, будущий поэт А. П. Сумароков вместе с товарищами организовал литературный кружок.

В Царскосельском лицее в один процесс соединялись учение и досуг лицеистов. Популярными были умственные забавы, упражнения на воображение, коллективные творческие дела: рукописные журналы, философские трактаты и диссертации, сходки при свечах, капустники, спектакли-импровизации, парламентские заседания, спортивные и художественные состязания.

Ценные начинания в организации внешкольной работы связаны с именем Н. И. Пирогова, который ввел в учебных заведениях литературные беседы, чтобы привить детям навыки самостоятельной работы. В конце XIX века появился термин «внешкольная работа», однако этим словом называли культурно-просветительную деятельность.

Интересное внешкольное учреждение возникло в 1899 году в Петербурге, в Мраморном дворце. Организатором его был агроном по образованию, преподаватель естественных наук в Кадетском корпусе Н. А. Бартошевич. Это учреждение явилось как бы прообразом станции юных натуралистов.

Большой вклад в деятельность внешкольных учреждений начала XX века внесли передовые российские педагоги: С. Т. Шацкий, А. У. Зеленко, К. А. Фортунатов. Детские клубы, колонии, мастерские создавались педагогической общественностью на средства, собираемые по подписке. Сотрудники московского общества «Сетлемент» проводили педагогическую работу в группах мальчиков и девочек, объединенных по 12 человек по принципу товарищества в клубы-кружки. Каждый такой клуб имел определенные виды занятий, которые устраивались дважды в неделю. Кроме клубных занятий время от времени устраивались общие для всех участников клубов посещения музеев, театров, загородные прогулки, был организован хор. Ребята сами вырабатывали правила клуба и подчинялись им.

С осени 1907 года клубы помещались в специально выстроенном по проекту А. У. Зеленко здании. В нем были оборудованы мастерские: столярная, слесарная, переплетная, сапожная, швейная. Особые комнаты были отведены для занятий рисованием, черчением, фотографией. Большое помещение заняла библиотека. Была даже оборудована небольшая обсерватория. В зрительном зале устраивались концерты, ставились спектакли, проводились собрания.

В 1911 году в Калужской губернии была организована колония «Бодрая жизнь», в которой дети занимались физическим трудом, ритмической гимнастикой, чтением, играми, обществен-

© Игнатенко М. В., 2013

ной деятельностью. Большое место в жизни колонии занимало искусство: слушание музыки, хоровое пение, подготовка детских спектаклей-импровизаций, игра на музыкальных инструментах. Значительное внимание уделялось коллективным и индивидуальным формам работы.

В деле музыкального просветительства в России очень важную роль сыграла Бесплатная музыкальная школа (БМШ), существовавшая в Санкт-Петербурге более полувека (1862–1917). С ее деятельностью связана целая серия блестящих концертов, выступлений крупнейших музыкантов, административная и педагогическая работа таких выдающихся представителей русской музыки, как Г. И. Ломакин, М. А. Балакирев, Н. А. Римский-Корсаков, С. М. Ляпунов и др. БМШ была первой и долгое время единственной общедоступной музыкальной школой для взрослых, рассчитанной на значительное количество учеников (300–400 человек в год).

Основы системы музыкально-эстетического воспитания детей и подростков в нашей стране заложила В. Н. Шацкая. Будучи заведующей кабинетом эстетического воспитания НИИ теории и истории педагогики АПН РСФСР, а впоследствии директором НИИ художественного воспитания АПН РСФСР, она внесла значительный вклад в это направление. Ею были разработаны учебные пособия для педагогических училищ по музыке и пению, курс по музыкальному воспитанию детей для педагогических вузов, а также написаны труды по эстетическому воспитанию детей.

После Октябрьской революции по инициативе партийных, профсоюзных и комсомольских организаций в стране стали создаваться различные по характеру и организационной структуре объединения пролетарских детей вне школы. После установления советской власти внешкольная работа в основном велась клубами. В небольших клубах под руководством общественников работали кружки, читальни, площадки для игр. На базе клубов создавались внешкольные союзы (в том числе «майские», «зеленые» и др.), братства и т. п.

В 1918 году появились первые детские секции при партийных ячейках (в Туле), при ячейках комсомола (в Москве, Петербурге, на Украине), детские клубы, станции, площадки, детские коммуны, организующие общественно-полезную деятельность детей и их досуг. Основная задача этих объединений состояла в том, чтобы через художественную работу добиваться общественно-политического воспитания детей и подростков.

В июне 1918 года в Москве, в Сокольниках, возникла первая станция любителей природы, преобразованная в 1920 году в Центральную биологическую станцию юных натуралистов имени К. А. Тимирязева. Это было первое в стране государственное внешкольное детское учреждение. 15 июня 1918 года при ней был организован первый кружок юннатов.

В этом же году при поддержке В. И. Ленина была открыта художественная студия для детей рабочих Путиловского завода в Петрограде. Для студии был отведен особняк на Рижском проспекте. Здесь дети обучались музыке, рисованию, танцам, занимались в духовом оркестре.

Первым внешкольным учреждением туристского профиля стало Бюро школьных экскурсий, созданное в 1918 году и ставшее в 1919 году центральным.

Значительный вклад в теорию и практику клубных объединений внесли А. С. Макаренко и его соратник В. Н. Терский, считавшие клубную работу делом огромной важности. Они строили воспитательную работу в клубных объединениях как систему, ориентированную на творческую деятельность каждого воспитанника, постепенное приобщение детей к духовной культуре общества.

Были сделаны первые шаги в области художественного воспитания. В 1918 году в Петрограде и Саратове открылись театры для детей. В 1920 году в Москве начал работать Государственный театр для детей, несколько позже – Детский театр под руководством Н. И. Сац. В 1922 году Детский театр был открыт в Петрограде. Его основателем и бессменным руководителем в течение сорока лет был А. Брянцев.

В 1920–30-е годы исследованием проблем внешкольной работы занимались специальные центры и Институт методов внешкольной работы. Издавался журнал «Внешкольное образование». Руководство внешкольной работой осуществляли внешкольные отделы, а позднее (с 1929 года) – Совет при Наркомпросе РСФСР, в который входили представители Главполитпросвета, Наркомздрава, детской комиссии ВЦИК, ученые.

В 1920–1921 годах во многих детских домах и школах начали создаваться трудовые кружки, многие из которых постепенно превращались в ремесленные и технические, где ребята строили модели и макеты. 1920–30-е годы – это период бурного развития сети внешкольных учреждений в стране, охватывающий основные направления внешкольной работы с детьми и подростками.

В 1922 году в Хамовническом районе Москвы на базе детского клуба «Трудовая коммуна» открылся первый в стране Дом пионеров. В 1923 году для организации туристской работы с детьми создана Центральная детская экскурсионно-туристская станция, ставшая методическим и организационным центром по краеведению и туризму. С 1925 года в стране открываются Дома художественного воспитания и самостоятельные детские библиотеки.

В 1926 году начинает свою деятельность Центральная станция юных техников, которая ста-

вит задачей не только организацию кружковой и клубной работы по технике, но и проведение инструктивно-методической и массовой работы, направленной на развитие детского технического творчества.

Опыт работы первых внешкольных учреждений требовал серьезного анализа и обобщения. Для определения содержания, форм и методов внешкольной работы и работы пионерской организации создается Научно-педагогический институт методов внешкольной работы (1923 год), при Наркомпросе РСФСР – Совет художественного воспитания (1924 год), Комиссия по детской книге (1926 год).

В 1928 году при Академии коммунистического воспитания имени Н. К. Крупской создается внешкольное отделение для подготовки кадров внешкольных работников. В 1929 году под председательством Н. К. Крупской в системе Наркомпроса был организован Совет по внешкольной работе, который осуществлял руководство деятельностью внешкольных учреждений на местах, оказывал организационно-методическую помощь органам народного образования, обобщал передовой опыт, привлекал государственные и общественные организации к внешкольной работе.

В течение 1935 года в стране создаются новые специализированные внешкольные учреждения: в Тбилиси – первая в СССР детская железная дорога и первый Дворец пионеров, в селе Ивановском Кировской области – Дом колхозных ребят, в Одессе – детская игротека с набором игр для детей среднего и старшего возраста. В 1936 году открываются первые детские спортивные школы. В 1937 году детские железные дороги были созданы в 54 городах страны. В Хабаровске, Москве, Баку, Николаеве, Батуми, Одессе начали строиться детские порты, в Оренбурге – детская радиостудия, в Киеве – детский аэроклуб.

В 1930–40-х годах в стране в основном сложилась государственная и общественная система внешкольной воспитательной работы с детьми. Определились типы внешкольных учреждений – как комплексных (Дворцы и Дома пионеров, детские Дома культуры и детские отделения при рабочих и колхозных клубах и Домах культуры, детские городки, парки и т. п.), так и специализированных (станции юных техников, туристов и натуралистов, музыкальные, художественные и хореографические школы, детские библиотеки-читальни, лектории, Дома художественного воспитания, детские театры и кино, стадионы и спортивные школы, детские железные дороги, морские порты и речные пароходства).

До Великой Отечественной войны сеть внешкольных учреждений неуклонно росла. К 1940 году только в РСФСР в системе органов народного образования работали 1846 различных внешкольных учреждений.

Большой урон внешкольным учреждениям нанесла война. Однако даже в трудных условиях военного времени в стране продолжали действовать около тысячи внешкольных детских учреждений. Они вели большую и плодотворную работу, перестраивая ее применительно к условиям военного времени. Во внеклассной работе большое место заняли в те годы патриотическое воспитание и военно-физическая подготовка школьников.

Во Дворцах и Домах пионеров, на станциях юных техников создавались оборонные кружки, где ребята овладевали военным делом, столярные и слесарные мастерские, в которых выполнялись производственные заказы. Широкое распространение получили производственные мастерские, кружки автотракторного дела, вождения автомобиля. Многие пионеры и школьники овладели профессиями телефонистов, телеграфистов, киномехаников и в летние каникулы работали на телефонных и почтовых станциях, ездили по селам с кинопередвижками.

В мае 1942 года возобновила занятия студия художественного движения при Ленинградском Дворце пионеров. Она стала обслуживать госпитали, школы, детские лагеря. В Домах и Дворцах пионеров работали танцевальные кружки, хореографические группы, ансамбли. Кружковцы шефствовали над госпиталями: ухаживали за ранеными, выступали с концертами перед воинами, собирали книги, пластинки и т. п. Активно участвовали кружковцы внешкольных учреждений в сборе лекарственных трав, металлического лома.

В конце 1940-х – начале 1050-х годов воспитательная работа заметно активизировалась. Постепенно восстанавливалась сеть внешкольных учреждений, сокращалась сменность занятий в школах, целенаправленно стали работать с детьми профсоюзы, комсомол, культурно-просветительные учреждения. Количество внешкольных учреждений к 1951 году составило 2121, что превышало довоенный уровень почти на 400 единиц. В 1950-х годах в систему идейного воспитания учащихся прочно вошла работа по формированию гражданственности и социальной активности на примере жизни и деятельности Ленина.

Широкий размах получила в послевоенные годы краеведческая работа. Ребята участвовали в районных, областных, республиканских экспедициях «По партизанским тропам», «По дорогам героев», «В братской семье народов», «Мой край в пятилетке». Было создано большое количество краеведческих клубов, кружков, обществ юных путешественников.

Ярко выраженная патриотическая направленность внешкольной работы в 1940-е годы к 1950-м годам сменилась чрезмерной парадностью, преобладанием массовых форм, снижением роли клубной, кружковой и индивидуаль-

ной работы по интересам. Появилась практика записи в кружки только по рекомендациям из школ от классного руководителя или совета пионерской дружины. Существенным недостатком внешкольной работы в 1950-е годы была ее обособленность от школы, пионерской организации. Недостаточно четко выполнялись инструктивно-методические функции. Не принимались надлежащие меры к совершенствованию форм и методов внеклассной работы. Наблюдалось чрезмерное увлечение массовыми мероприятиями, отвлекающими школьников от учебы и не дающими воспитательного эффекта. Допускалась перегрузка школьников, особенно пионерского и комсомольского актива.

Широкий размах принимает деятельность внешкольных учреждений в 1960-е годы. Одна из характерных особенностей этого периода – влияние научно-технической революции на все стороны жизни общества, в том числе на формирование личности человека. Это нашло отражение и в работе внешкольных учреждений. Наибольшее распространение получили кружки технического творчества, туристско-краеведческие, эстетического цикла, физкультурно-спортивные, природоведческие. На их базе во многих внешкольных учреждениях были созданы профильные клубы, научные общества учащихся, пионерские театры и ансамбли.

Внешкольные учреждения 1960–80-х годов – организации идеологические. В основу их деятельности были заложены общие принципы коммунистического воспитания подрастающего поколения: идейная направленность воспитания, связь с жизнью, с практикой коммунистического строительства, научность воспитания, учет возрастных и индивидуальных особенностей детей, развитие инициативы и самодеятельности, воспитание в коллективе и через коллектив, непрерывность процесса воспитания, романтика и игра.

Характерной особенностью работы кружков этого периода была их тщательная педагогическая инструментовка. Специалисты различных отраслей знаний создали свыше 200 программ для кружков, которые были рекомендованы Министерством просвещения СССР для работы в школах и внешкольных учреждениях. Также были подготовлены научно обоснованные методики кружковой работы, рекомендации их руководителям по вопросам применения эксперимента, лабораторных и практических занятий, участия школьников в научных экспедициях. К руководству кружками привлекались научные работники, студенты и преподаватели вузов, представители технической и творческой интеллигенции.

Заформализованность кружковой работы, дублирование внешкольными учреждениями деятельности школьных клубных объединений, чрезмерная политизация всей работы внешкольных учреждений (проведение политинформации, изучение материалов партийных и комсомольских съездов и т. п.) в 1970-е годы сменяется к середине 1980-х годов бурным ростом молодежных объединений, особенно неформальных политических и патриотических.

Становление и развитие системы дополнительного образования детей и подростков было продолжено в 1990-е годы. В соответствии с Законом РФ «Об образовании» с 1992 года начат процесс эволюционного видоизменения системы внешкольной работы и внешкольного воспитания, перехода ее в новое качественное состояние.

Е. В. Смольников выделяет следующие этапы становления дополнительного образования:

I этап (1905–1917 годы) – возникновение (функционирование единичных учреждений внешкольного образования).

II этап (1918–1939 годы) – становление (возникают новые виды учреждений, в основном разработаны все нормативы, регламентирующие становление системы разнообразных внешкольных учреждений).

III этап (1940–1960 годы) – развитие (число внешкольных учреждений увеличивается почти в два раза, система внешкольного образования продолжает развиваться, за внешкольным учреждением закрепляется функция «помощника» школы в деле коммунистического воспитания детей; вся работа внешкольных учреждений направлена на развертывание внеклассных занятий с учащимися, содействие деятельности пионерской и комсомольской организаций).

IV этап (1961–1986 годы) – расцвет (в данный период проходит большое количество разнообразных внешкольных мероприятий: слеты, фестивали, смотры, соревнования, конкурсы, выставки, показательные выступления и т. д., число учреждений увеличивается больше чем в 6 раз).

V этап (1987–1992 годы) – кризис (в это время примерно в 5 раз уменьшается количество внешкольных учреждений; растерянность молодежи, утрата идеалов, пессимистическое восприятие жизни, отчуждение от общества взрослых).

VI этап (1993 год – по настоящее время) – стабилизация (выход из кризиса); на этом этапе происходит трансформация системы внешкольного образования в систему дополнительного образования детей, внешкольные учреждения становятся сложными многоуровневыми социокультурными педагогическими системами, в связи с чем определились их современные виды: центры детского творчества и детские парки, станции и клубы, профилированные школы и студии, библиотеки и картинные галереи, спортивные школы и детские лагеря [6].

Таким образом, на протяжении рассмотренных в статье хронологических периодов система дополнительного образования детей и подростков в России претерпела значительные изменения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бояринцева А. В. Новые ценности образования. Принцип дополнительности // Дополнительное образование сегодня. 2006. Вып. 4 (28). С. 105–109.
2. Брудное А. К. От внешкольной работы к дополнительному образованию детей. М.: ВЛАДОС, 2000. 544 с.
3. Голованов В. П. Методика и технология работы педагога дополнительного образования. М.: ВЛАДОС, 2004. 236 с.
4. Дополнительное образование детей: Учеб. пособие для студентов вузов / Под ред. О. Е. Лебедева. М.: ВЛАДОС, 2000. 256 с.
5. Константинова М. А. История Бесплатной музыкальной школы: 1862–1917: Дис. … канд. искусств. СПб., 2008. 332 с.
6. Смольников Е. В. Становление и развитие системы дополнительного образования детей в отечественной педагогике: историко-педагогический анализ: Дис. … канд. пед. наук. Ульяновск, 2006. 229 с.

Ignatenko M. V., Murmansk State Humanities University (Murmansk, Russian Federation)

HISTORY OF PRESCHOOL AND ADOLESCENT ADDITIONAL EDUCATION DEVELOPMENT IN RUSSIA

The history of preschool and adolescent additional education development in Russia is analyzed. Different approaches to periodization of additional education history are considered. The very first forms of extracurricular activities in pre-revolutionary Russia appeared in the thirties of the XVIII century. These were literary clubs, hand-written magazines, philosophical treatises and theses, meetings in candle lights, amateurs concert parties, performance improvisations, parliamentary meetings, sport and art competitions. At the end of the XIX century, there was a term “out-of-school work”, which was understood as a cultural and educational activity. Different types of educational establishments for out-of-school education existed during XIX–XXI centuries: play grounds for children, teen clubs, colonies, workshops, music schools, clubs for young naturalists, art studios, bureau of school excursions, labor clubs (many of which gradually turned in craft and technical ones), pioneer palaces, excursion and tourist stations, houses of art education, electro-technical clubs, clubs for young technicians, sport schools for children. Evolutionary modification of the system of out-of-school work and out-of-school education for children and teenagers in Russia is considered.

Key words: additional education, out-of-school education, system of additional education

REFERENCES

1. Boyarintseva A. V. New values of education. Principle of a complementarity [Novye tsennosti obrazovaniya. Printsip dopolnitel’nosti]. *Additional education today*. 2006. Vol. 4 (28). P. 105–109.
2. Brudnov A. K. *Ot vneshkol’noy raboty k dopolnitel’nomu obrazovaniyu detey* [From out-of-school work to additional education of children]. Moscow, VLADOS Publ., 2000. 544 p.
3. Golovanov V. P. *Metodika i tekhnologiya raboty pedagoga dopolnitel’nogo obrazovaniya* [Technique and technology of the work carried out by additional education teacher]. Moscow, VLADOS Publ., 2004. 236 p.
4. *Dopolnitel’noe obrazovanie detey* [Additional education for children]. Moscow, VLADOS Publ., 2000. 256 p.
5. Konstantinova M. A. *Istoriya Besplatnoy muzykal’noy shkoly: 1862–1917. Diss. kand. iskusstv* [History of free of charge music school: 1862–1917. Cand. art criticism sci. diss]. St. Petersburg, 2008. 332 p.
6. Smol’nikov E. V. *Stanovlenie i razvitie sistemy dopolnitel’nogo obrazovaniya detey v otechestvennoy pedagogike: istoriko-pedagogicheskiy analiz. Diss. kand. ped. nauk* [Formation and development of the system of additional education for children in national pedagogics: historical and pedagogical analysis. Cand. ped. sci. diss]. Ul’yanovsk, 2006. 229 p.

Поступила в редакцию 02.04.2012

Май, № 3 **Социология** **2013**

УДК 322

АЛЕКСАНДР ГЕННАДЬЕВИЧ КУЗЬМИН
кандидат политических наук, доцент кафедры истории, политологии и социологии Института гуманитарных наук, Сыктывкарский государственный университет (Сыктывкар, Российская Федерация)
akuzmin09@rambler.ru

ПОЛИТИЧЕСКИЙ РАДИКАЛИЗМ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО КАТОЛИЦИЗМА («Русская Фаланга»)

Рассмотрен феномен радикального политизированного католицизма как один из вариантов российского монархического проекта в современном русском национал-патриотическом движении. Рассматриваются его основные элементы, особенности идеологии и практики организации русских католиков «Русская Фаланга», программные произведения лидера русских фалангистов Игоря Лавриненко, особенностью взглядов которого являются откровенный антисемитизм и ксенофобия, что позволяет говорить о существенном отличии политической концепции «Русской Фаланги» от ее исторических предшественников, в первую очередь от Испанской фаланги. Можно отметить, что, с одной стороны, члены данной организации придерживаются типичной для праворадикального движения идеологии, а с другой – имеют экзотическую для России, но поверхностно-декларативную католическую специфику, которая практически никак не отражена в их политической практике.

Ключевые слова: католицизм, русский национализм, антисемитизм, радикализм, монархизм, фундаментализм

Религиозный компонент является одной из основных идеологических составляющих различных направлений современного радикального национализма. В России XXI века наиболее известными из религиозных конфессий являются политически ангажированные течения радикального ислама и православного фундаментализма. В современных исследованиях по радикальному национализму именно этим двум политизированным крайним течениям отдается предпочтение при изучении развития религиозного компонента современного русского национал-патриотического движения. В то же время в Западной Европе радикальный католицизм давно служит объектом внимания политологического анализа. Следует учитывать, что в 21 государстве Европы католики составляют большинство населения, а в Германии, Нидерландах и Швейцарии – половину.

За свою многовековую историю католическая церковь превратилась из преимущественно западноевропейского религиозного явления в достаточно влиятельного игрока на международной политической арене. При этом римский католицизм в лице папства почти всегда старался проявить свою активность в политической сфере, в чем иногда добивался значительных успехов.

В России католическая религия, испытывавшая значительное давление со стороны власти на протяжении практически всей истории страны, получила возможность воспользоваться идеологическим вакуумом, порожденным отсутствием общенациональной идеологии и духовным кризисом, вызванным долголетней атеистической пропагандой. Наиболее известным политизированным объединением русских католиков-традиционалистов стала «Русская Фаланга» (далее – РусФ), названная так в честь крайне правой политической католической партии (фаланги), созданной в Испании в 1933 году Хосе Антонио Примо де Риверой. РусФ была основана Игорем Лавриненко в 1999 году (в 1998 году был проведен первый франкистский семинар). Лавриненко подготовил Устав и Программу Фаланги и в 2000 году стал ее главой. РусФ входит в «Союз фалангистов Восточной Европы» (The Eastern European League of Phalangists). Между русскими фалангистами и представителями официальной Римско-католической церкви как в России, так и в других странах нет никаких отношений и формальных связей.

Для изучения идеологических воззрений фалангистов в России наибольший интерес представляет издание (вестник) русских католиков-фундаменталистов «Русская Фаланга», которое выпускалось Лавриненко с 2000 по 2006 год. За время его существования вышло 49 номеров, а 50-м номером стал сборник «лучших» статей лидера РусФ. Стоит отметить, что один выпуск «Русской Фаланги» (№ 14 (42) от 25 декабря 2004 года) в октябре 2007 года судом г. Ижевска был признан содержащим экстремистские материалы [1].

По информации, размещенной на сайте аффилированного с РусФ Социально-Христианского Альянса «Восточная Фаланга» (СХАВФ) – союза фалангистов-солидаристов и национал-синдикалистов Восточной Европы, структура РусФ имеет следующий вид: помимо центрального руководства (Почетный Хефе (руководитель или вождь, причем и РусФ, и СХАВФ) Игорь

© Кузьмин А. Г., 2013

Лавриненко, Хефе РусФ и Начальник Штаба Восточной Фаланги Кирилл Серебренитский), осуществляется руководство 5 региональными отделениями (колоннами) – Средневолжской, Воронежской, Нижневолжской, Сибирской, Северорусской [2].

Как следует из ст. 24 фалангистского Устава, «Колонны (Отделения) Русской Фаланги могут образовываться в каждом населенном пункте России при наличии группы численностью не менее трех человек» [14; 125]. Маловероятно, что Фаланга обладает большой численностью, несмотря на наличие нескольких региональных отделений, что отчасти можно объяснить немногочисленностью российских католиков, хотя в состав организации могут входить и люди, не придерживающиеся католических взглядов.

Российские фалангисты выражают идеи своеобразного варианта русской авторитарной контрреволюции: «Мы чаем Русскую Белую Национальную Революцию или Истинную Контрреволюцию. Чаем мы и приход Русского Вождя, Русского Франко». По их мнению, приоритет в борьбе с врагами европейской культуры и христианской (католической) религии принадлежит правым европейским движениям XX века, которые зародились «именно в католических странах Европы… против либерализма, демократии и коммунизма». Тем не менее, несмотря ни на что, Русское правое сопротивление XXI века «должно выработать свой, Русский вариант».

Согласно рассуждениям радикалов из РусФ, в нашей стране по исторически сложившимся условиям невозможен «ни итальянский вариант 1922-го г., ни германский вариант 1933-го г.» установления режима так называемого «русского национального государства». Фалангисты в деле изменения общественно-политического строя могут «опереться… на два института – армию и церковь» – эти «последние русские оплоты», как это сделал в свое время Франко и победил. Но в современной России нет такой фигуры, каким был испанский каудильо. Кроме единоличного лидера, который представлял бы все здоровые русские национал-патриотические силы, русским патриотам нужны также «тайная орденская организация», «парламентская партия», идеологический «Центр правой мысли», «связь с армией» [6; 9–11].

В политической идеологии русские фалангисты выступают с устойчивых, открытых антисемитских позиций: «…**то, что не является ортодоксальным христианством, то – или жидовство, или жидовствующая ересь** (здесь и далее выделено И. Лавриненко. – *А. К.*), в узком или широком смысле слова. Все, что льет воду на жидовскую мельницу, и есть жидовствующая ересь». «Жидовствующими еретиками» для него являются язычники, мусульмане, протестанты, атеисты, «жидовствующие фарисеи» среди иерархов церкви (РПЦ Московской патриархии). К «жидовствующей ереси» относятся и явления политического характера: «еретический принцип разделения властей вместо их симфонии», «современная демократия», «права человека». Борьба с еврейской угрозой («разоблачать жидов и жидовствующих») имеет «два вектора борьбы». Первый – «в Церковной ограде», второй – «в миру, разоблачать те ложные идеи, которые они нам подсунули: **жидовствующий либерализм** и **охлократическую демократию**, **антихристианский гуманизм** и **бесовские права человека**». Если не бороться с еврейским влиянием в мире и не принять решительных мер, то, по мнению русских флангистов, русские и другие европейские народы «начнут думать не как Русские и Немцы, а как жиды. Точнее, как жидовствующие шабесгои». Лавриненко называет это «**новой жидовствующей ересью**, которую пытаются внедрить в наше сознание сами иудеи». По словам автора, это и есть «ожидовление сознания». Также искусственно создается «чувство вины перед евреями» у представителей разных народов. Например, в другой своей работе Лавриненко называет Холокост «сатанинской легендой», открыто указывая тем самым на прямую связь дьявола и евреев [12]. В Америке евреи «внушили белым американцам комплекс вины перед неграми». В России «они пытаются внедрить в русское сознание **чувство вины за Цареубийство, ими же самими совершенное**». Автор приходит к выводу, что настоящие свои цели – установление «Всемирного жидовского правительства» или «превращение всех гоев в… рабов» – мировое еврейство старается хранить в тайне от всех [8].

Антисемитские взгляды И. Лавриненко демонстрирует и в тех работах, которые, казалось бы, относятся к другой проблематике. Так, в статье, посвященной Павлу I, перечисляются «нашествия», терзавшие Россию: «…то жидохазарское, то жидо-татарское… Ныне наше Отечество вновь обложено данью. На этот раз жидокавказской» [11; 45]. В другом тексте, рассуждая о значении варваров в европейской истории, автор вводит понятия псевдо-, или «жидовствующий», и «истинный» варвар. На взгляд Лавриненко, «смысл борьбы при крушении империй» состоит в победе расово чистых людей («истинные» варвары) над обладателями «еврейско-негроидных примесей» (варвары «жидовствующие»). Лидер русских фалангистов полагает, что в этой борьбе на русском народе лежит особая миссия [4; 58].

Таким образом, по ряду вопросов политические взгляды современных русских фалангистов, несомненно, являются гораздо более радикальными, чем у их испанских предшественников. Ярко выраженный антисемитизм демонстрируемых ими взглядов является одним из таких примеров. Известно, что во время Второй мировой войны Франко фактически спас от смерти в гитлеровских концлагерях несколько десятков

тысяч евреев из Франции, Греции, Венгрии и Румынии, приказав выдавать им в посольствах испанские паспорта. Как отмечает Марк Штейнберг, «по неточным данным, убежище в Испании тогда обрели более 200 тысяч евреев» [15]. Лидер испанских фалангистов Примо де Ривера также был весьма далек от гитлеровского антисемитизма, он считал необходимым уточнять, что их движение не является фашистским [13; 123].

На наш взгляд, радикальная юдофобия русских фалангистов больше напоминает антисемитскую риторику немецких национал-социалистов. Примеры такого рода представлены в программных документах НСДАП, созданных еще в 20-е годы XX века.

В этом смысле фалангисты из России являются скорее наследниками А. Гитлера, а не демонстративно почитаемого ими Ф. Франко. Неприкрытое превозношение руководителем РусФ гитлеризма и фашизма не имеет ничего общего с классическими фалангистскими идеологическими установками.

Так, в одной из статей приводится сомнительное, на грани кощунства, сравнение, в котором оба диктатора называются «апостолами»: Бенито – «первозванным», а Адольф – «первоверховным» [5; 76]. В другом сочинении Лавриненко высказывает мысль о том, что Вторая мировая война не была «Отечественной» для жителей СССР, так как «у совков не может быть Отечества». Но она была «Отечественной» для «Белой Арийской Европы, защищающейся и от красной азиатской, и от желтой иудо-масонской орды». Такой война была и «для всех Русских людей» в составе РОА генерала Власова, в дивизиях СС «Варяг» и «Руссланд», в Казачьем корпусе СС генерала Краснова [10; 75].

Евреи также занимают первое место в списке основных «недругов России», составленном русскими фалангистами. К российским врагам относятся евреи, мусульмане и, очевидно, большинство западных христиан (особенно американцев), отступивших, по мнению вождя русских фалангистов, от идеалов «истинного католицизма» [7; 17]. Характеризуя две последние, наиболее серьезные открытые угрозы белой христианской цивилизации, в одной из своих статей Лавриненко объявляет, что американский и исламский проекты жизненного устройства являются двумя вариантами ереси хилиазма, так как оба этих проекта предполагают построение «Рая на земле». При этом первый вариант является «грубо-материальным (тоталитарно-либеральным), второй – упрощенно-духовным (тоталитарно-мусульманским)». После краха третьего проекта мирового господства – коммунистического, между оставшимися двумя возникло серьезное противостояние. Но христиане – лишние в этом противоборстве, потому что не строят рая на земле [9; 118].

На пути осуществления политико-религиозного и национально-государственного аспектов «самостоятельного католического проекта в России» лидер русских фалангистов видит ряд препятствий. Во-первых, большинство католических священников в России – иностранцы, поэтому не участвуют в политике, боясь высылки из страны; во-вторых, основная часть этих священников является либерально настроенными; в-третьих, католический клир в России не русский, а преимущественно польский.

Лавриненко также пытается определить политических единомышленников русских фалангистов в России. На его взгляд, союзниками фалангистов являются православные фундаменталисты, священники и миряне, принадлежащие к Московской патриархии, РПЦЗ, «катакомбникам», некоторые протестанты (белые американцы США, белые южноафриканцы), так как «нас, белых европейцев слишком мало». По мнению Лавриненко, «русским патриотом может быть только христианин». Патриотом не может быть русский по крови последователь ислама или буддизма («духовного» атеизма) или сторонник евразийства [3; 35–37]. Мусульман же можно только использовать, они не равные партнеры, они такие же непримиримые враги христианства, как и евреи. Их вражда политически выгодна христианам, так как это «бунт “бастардов веры” – потомков рабыни Агари – против “изменников веры”, убийц Бога».

Русские фалангисты представляют собой своеобразный вариант крайнеправого популизма с опорой на элементы части идеологии современных европейских новых правых, монархизма, антисемитизма и расизма. Симпатии к монархической форме правления в их среде не находят поддержки среди сторонников православной монархии в современной России именно по причине католических пристрастий русских фалангистов. Русские фалангисты не являются прямыми последователями испанских фалангистов, скорее их можно отнести к одному из «инославных» течений русского христианства, так как у них много общего с православными русскими фундаменталистами (конспирология и антисемитизм, гомо- и мигрантофобия, социальный иерархизм, популизм социальных лозунгов и т. п.). Политические идеи «русского фалангизма» представляют собой эклектическую смесь из ортодоксальных христианских постулатов, далеких от действительности, но не лишенных оригинальности популистских социальных заявлений и агрессивных ксенофобных установок, среди которых преобладающей является откровенный антисемитизм. К сожалению, в них практически нет каких-то конкретных конструктивных предложений по изменению социально-политического положения в стране и роли, которую в этом непростом процессе могли сыграть русские фалангисты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. В Удмуртии признаны экстремистскими материалы трех праворадикальных газет [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/news/counteraction/2007/10/d11752/
2. Восточная Фаланга / Falange Oriental. Структура / Structure [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://falangeoriental.blogspot.com/p/blog-page.html
3. Интервью Главы Русской Фаланги корреспонденту газеты «Кризис ППП (Препарирование Правой Перспективы)» – Национально-традиционалистское приложение к «Национальной газете» // Русская Фаланга. Львов, 2007. С. 27–38.
4. Лавриненко И. Варварами должны быть мы // Русская Фаланга. Львов, 2007. С. 57–58.
5. Лавриненко И. Вознесение Германии // Русская Фаланга. Львов, 2007. С. 76.
6. Лавриненко И. О Русской Фаланге // Русская Фаланга. Львов, 2007. С. 8–14.
7. Лавриненко И. О святой Руси // Русская Фаланга. Львов, 2007. С. 16–17.
8. Лавриненко И. Ожидовление сознания, или Пристрастно о еврейском вопросе [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://alekca.ucoz.ru/publ/russkaja_falanga/russkaja_falanga/ozhidovlenie_soznanija_ili_pristrastno_o_evrejskom_voprose/31-1-0-53
9. Лавриненко И. После падения Нью-вавилонских башен // Русская Фаланга. Львов, 2007. С. 117–118.
10. Лавриненко И. Сталинградская мадонна // Русская Фаланга. Львов, 2007. С. 74–75.
11. Лавриненко И. Царь-рыцарь Павел I и обновление русской элиты // Русская Фаланга. Львов, 2007. С. 42–45.
12. Лавриненко И. Эпоха вождей – конец безвременья // Русская Фаланга. Львов, 2007. С. 40–42.
13. Примо де Ривера Х. А. Испанская Фаланга ХОНС – не фашистское движение // Примо де Ривера Х. А. Стрелы Фаланги. Избранные труды. М., 2010. 368 с.
14. Устав Русской Фаланги // Русская Фаланга. Львов, 2007. С. 122–125.
15. Штейнберг М. Последний маран [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.jerusalem-korczak-home.com/np/mir/09/np232.html

---

Kuzmin A. G., Syktyvkar State University (Syktyvkar, Russian Federation)

POLITICAL RADICALISM OF CONTEMPORARY REPRESENTATIVES OF RUSSIAN CATHOLICISM (“Russian Phalanx”)

This article analyzes a phenomenon of radically politicized Catholicism as one of the variants of the Russian monarchy in a modern Russian project of the national-patriotic movement. The author pays attention to the analysis of the basic elements of this radical worldview and examines characteristic features of the ideology and practice of the Russian Catholics belonging to “The Russian Phalanx”. Considerable interest is given to the program works written by the leader of the Russian falangists Igor Lavrinenko. His views are characterised by frank anti-Semitism and xenophobia. These peculiar features speak about essential difference in the political concept of “The Russian Phalanx” from its historical predecessors, first of all, from the “The Spanish Phalanx”. It should be noted that ,on the one hand, members of this organization adhere to the ideology typical of the right radical movement, and ,on the other hand, have exotic for Russia, superficial and declarative Catholic specifics, which practically are not reflected in any way in their political practice.

Key words: Catholicism, Russian nationalism, anti-Semitism, radicalism, monarchism, fundamentalism

REFERENCES

1. *V Udmurtii priznany ekstremistskimi materialy tryekh pravoradikalnykh gazet* [In Udmurtia materials of the three right radical newspapers are recognized extremist]. Available at: http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/news/counteraction/2007/10/d11752/
2. *Vostochnayaa Falanga. Struktura* [East Phalanx. Structure]. Available at: http://falangeoriental.blogspot.com/p/blog-page.html
3. Interview of the Head of the Russian Phalanx to the correspondent of the “Krizis PPP (Preparation of Pravoy Perspektivy)” newspaper – National-traditionalist annex to “The National newspaper” [*Interv’yu Glavy Russkoi Falangi korrespondentu gazety “Krizis PPP (Preparirovanie* Pravoy Perspektivy) – Natsional’no-traditsionalistskoe prilozhenie k “Natsional’noy gazete”]. *Russkaya Falanga* [The Russian Phalanx]. Lviv, 2007. P. 27–38.
4. Lavrinenko I. We have to be barbarians [*Varvarami dolzhny byt’my*]. *Russkaya Falanga* [The Russian Phalanx]. Lviv, 2007. P. 57–58.
5. Lavrinenko I. Rise of Germany [*Voznesenie Germanii*]. *Russkaya Falanga* [The Russian Phalanx]. Lviv, 2007. P. 76.
6. Lavrinenko I. About the Russian Phalanx [*O Russkoi Falange*]. *Russkaya Falanga* [The Russian Phalanx]. Lviv, 2007. P. 8–14.
7. Lavrinenko I. About sacred Russia [*O svyatoi Rusi*]. *Russkaya Falanga* [The Russian Phalanx]. Lviv, 2007. P. 16–17.
8. Lavrinenko I. *Ozhidovleniye soznaniya, ili Pristrastno o evreyskom voprose* [Ozhidovleniye of consciousness or biased on a Jewish problem]. Available at: http://alekca.ucoz.ru/publ/russkaja_falanga/russkaja_falanga/ozhidovlenie_soznanija_ili_pristrastno_o_evrejskom_voprose/31-1-0-53
9. Lavrinenko I. After the fall of the New Babel towers [*Posle padeniya N’yu-vavilonskikh bashen*]. *Russkaya Falanga* [The Russian Phalanx]. Lviv, 2007. P. 117–118.
10. Lavrinenko I. Stalingrad Madonna [*Stalingradskaya Madonna*]. *Russkaya Falanga* [The Russian Phalanx]. Lviv, 2007. P. 74–75.
11. Lavrinenko I. Tsar-knight Pavel I and renewal of the Russian elite [*Tsar’-rytsar’ Pavel i obnovlenie russkoy elity*] *Russkaya Falanga* [The Russian Phalanx]. Lviv, 2007. P. 42–45.
12. Lavrinenko I. Epoch of leaders – the hard times end [*Epoha vozhdei – konets bezvremen’iya*]. *Russkaya Falanga* [The Russian Phalanx]. Lviv, 2007. P. 40–42.
13. Prima de Rivera H. A. The Spanish Phalanx of HONS – not fascist movement [*Ispanskaya Falanga HONS – ne fashistskoe dvizhenie*]. Prima de Rivera H. A. *Phalanx arrows. The chosen works* [Strely Falangi. Izbrannye trudy]. Moscow, 2010. 368 p.
14. Charter of the Russian Phalanx [*Ustav Russkoy Falangi*] *Russkaya Falanga* [The Russian Phalanx]. Lviv, 2007. P. 122–125.
15. Steinberg M. *Posledniy maran* [The last maran]. Available at: http://www.jerusalem-korczak-home.com/np/mir/09/np232.html

Поступила в редакцию 05.07.2012

Май, № 3 **Политология** **2013**

УДК 323.174

ЕКАТЕРИНА АНДРЕЕВНА ШЛАПЕКО
преподаватель кафедры международных отношений факультета политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
shlapeko_kate@mail.ru

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПРОЕКТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РЕСПУБЛИКИ КАРЕЛИЯ КАК РЕСУРС РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ*

Цель статьи – изучение влияния реализации программы приграничного сотрудничества «Европейский инструмент соседства и партнерства “Карелия”» (Программа ЕИСП ПГС «Карелия») и «Программы повышения уровня компетентности и развития сетевого сотрудничества» Совета Министров Северных Стран (Программа СМСС) на региональное развитие в Республике Карелия.

Ключевые слова: Европейский инструмент соседства и партнерства «Карелия», Совет Министров Северных Стран, проектная деятельность, региональное развитие

Особенностью экономико-географического положения Республики Карелия является ее приграничный статус и близость стран, входящих в Европейский Союз (ЕС) (Финляндия, Швеция, Дания), что обусловливает интерес к установлению международных связей. В условиях дефицита внутренних источников международное сотрудничество становится одним из способов «привлечения дополнительных ресурсов для улучшения социально-экономического развития республики» [5]. Достигается это путем получения средств из международных фондов и программ. В Северной Европе к таким источникам относят как региональные организации, так и финансовые инструменты ЕС.

После вступления Финляндии в ЕС (1995 год) на финские региональные союзы была возложена ответственность за подготовку и реализацию программ ЕС, что отразилось на региональных контактах с Карелией. Финляндия стала совмещать программы ЕС (ТАСИС и ИНТЕРРЕГ) непосредственно со своими программами двустороннего сотрудничества [6]. В 1996 году Республика Карелия также вошла в территорию «сопредельного сотрудничества» Совета Министров Северных Стран, получив финансовые возможности для развития многостороннего взаимодействия с партнерами из Северной Европы.

Документы по рассматриваемым программам приняты на период до 2013 года [2; 3]. Первый заявочный тур программы ЕС был объявлен в феврале 2010 года, примерно в это же время начался процесс согласования проектов в рамках Программы СМСС. ЕИСП ПГС «Карелия» осуществляется на территории Республики Карелия (Россия) и региональных союзов Кайнуу, Северная Карелия и Оулу (Финляндия). Географический охват Программы СМСС гораздо шире и объединяет страны Северной Европы и регионы Северо-Запада России. В таблице представлены основные характеристики программ.

Программа ЕИСП ПГС «Карелия» и Программа СМСС

	Программа ЕИСП ПГС «Карелия» (2007–2013 годы)	Программа СМСС (2009–2013 годы)
Территория	Республика Карелия (РФ), Кайнуу, Северная Карелия и Оулу (Финляндия)	Северные страны и Северо-Запад России
Цель	Улучшение благополучия территории через международное сотрудничество	Содействие обмену знаниями, опытом и навыками, а также установлению связей между партнерскими организациями Северных стран и Северо-Запада России
Направления	• Трансграничные решения для устойчивого пространственного, экономического и экологического развития; • туризм; • устойчивое использование природных ресурсов; • культура; • социальное благополучие; • лесной сектор и устойчивые энергетические решения	• Государственное управление; • образование и научно-исследовательская работа; • экономическое развитие; • гражданское общество; • практика в северных учреждениях
Партнеры	Органы государственной власти, союзы муниципалитетов, муниципалитеты, частные предприятия и НКО	Органы государственной власти, образовательные учреждения, предприятия малого и среднего бизнеса и прочие организации
Вклад партнеров	С российской и финской стороны по 10 % от бюджета проекта	С российской стороны не менее 30 % бюджета, за исключением проектов, связанных с гражданским обществом

К основным отличиям ЕИСП ПГС «Карелия» от Программы СМСС относится наличие инвестиционных проектов и паритетное участие Рос-

© Шлапеко Е. А., 2013

сийской Федерации (определение приоритетов и тем заявочных туров, результатов конкурсного отбора). Помимо российско-финляндской рабочей группы по инфраструктурным проектам, в которую вошли представители Министерства регионального развития России и Министерства экономики и занятости Финляндии, сформирована карельская правительственная рабочая группа по инициированию и реализации крупных инфраструктурных проектов: четырех проектов по реконструкции приграничных дорог и эколого-туристического проекта [5].

Финансовые средства Программы СМСС выделяются на «создание благоприятных условий для развития сотрудничества и обмена опытом, улучшение системы связи и обмена информацией и знаниями между специалистами Северо-Запада России и Северных стран» [1]. При этом СМСС поддерживает и инвестиционные проекты через такие финансовые институты, как Северная экологическая финансовая корпорация или Северный инвестиционный банк. Особенностью данной программы является то, что она не предусматривает подачу заявок, а выделение средств происходит на основе стратегических приоритетов, установленных министрами по сотрудничеству Северных стран. Таким образом, организация оставляет за собой право влиять на содержание проектов, изменять их бюджет и рекомендовать партнеров.

В основе названных программ лежит принцип «комплементарности», что связано с «четырьмя общими пространствами» сотрудничества России и ЕС, а также с реализацией политики «Северного измерения». Преимуществом программы СМСС является учет Балтийской стратегии ЕС, то есть особое внимание к экологической тематике и «модели тройного партнерства» [4]. Карелия администрирует по программе СМСС ряд проектов по культуре: «Менеджмент в сфере культурного туризма» и «Брендинг городов, Фаза II: Общий брендинг средних городов», а также по экологии, например «Отходы: обучение, сортировка, переработка». Проекты по культуре, поддержанные СМСС, также координируются Партнерством Северного измерения в сфере культуры.

Основная сложность оценки проектной деятельности заключается в том, что ее эффективность не всегда можно измерить в количественных показателях. Анализируя тематику и цели проектов, информация о которых размещена на сайте программы ЕИСП ПГС «Карелия» (www.kareliaenpi.eu) и СМСС (www.norden.ru), можно выявить следующие тенденции развития приграничного и многостороннего сотрудничества.

Ведущими партнерами программы ЕИСП ПГС «Карелия» все чаще выступают российские организации, представители гражданского общества Карелии, а не органов местного самоуправления. Показательным стал заявочный тур по культуре, где из 8 одобренных проектов только в 2 ведущими партнерами выступают финские организации. Многие некоммерческие организации, например «Фонд развития творческих индустрий и культурного туризма» и «Карельский Фонд развития образования», имеют хорошую «проектную историю», что становится важным фактором при отборе проектов. В рамках трансграничного сотрудничества карельские НКО участвуют в проектах в сфере экологии, туризма, здравоохранения, развития сельской местности, охватывающих почти все категории граждан, в том числе социально незащищенные. В то же время доля коммерческих предприятий, которым проектная деятельность дает конкурентное преимущество (внедрение технологий, механизмы взаимодействия с властью и т. д.), в Карелии невелика.

Если отобранные проекты по программе «Карелия» имеют инвестиционную составляющую на российской территории (реконструкция, благоустройство, обновление материально-технической базы и др.), то проекты СМСС заключаются в организации курсов повышения квалификации, проведении семинаров и обучающих поездок. Тем не менее участие государственных служащих в мероприятиях проектов позволяет выявить новые формы сотрудничества, закладывая основы для структурных управленческих изменений.

Изменения на уровне восприятия и усвоения ценностей происходят путем привлечения внимания общественности и экспертного сообщества к обсуждению актуальных проблем. Благодаря просветительской работе с населением Петрозаводска и взаимодействию с муниципальным предприятием по проекту «W.A.S.T.E.», финансируемому СМСС, увеличилось число домов и предприятий, самостоятельно сортирующих бытовые отходы.

В 2013 году завершатся 11 проектов, получивших финансирование в размере 4,8 млн евро по первому заявочному туру программы ЕИСП ПГС «Карелия». По выбранным проектам можно судить о приоритетных областях развития республики: территориальное развитие городов, комплексное развитие информационно-коммуникационных технологий, формирование инновационного творческого сектора экономики. К позитивным тенденциям проектной деятельности на территории Карелии следует отнести постепенный переход от обучения к внедрению лучших практик, от технических к инфраструктурным проектам, а также привлечение районов Карелии и других регионов к выполнению проектов. Среди районов Карелии наиболее активны муниципальные власти Костомукши, Сортавалы и Калевалы.

Примером объединения финансовых и институциональных возможностей стало проведение совместных мероприятий по проектам «Арена зеленых решений Северных стран и Северо-

Запада России» (СМСС) и «Зеленые города и поселения: устойчивое пространственное развитие приграничных территорий» (ЕИСП). В дальнейшем представляется важным создание системы мониторинга реализованных проектов, соблюдение устойчивости результатов и при необходимости – поиск дополнительных источников финансирования. Следует признать, что рассмотренные программы приграничного и многостороннего сотрудничества – уникальные инструменты, позволяющие развивать местные и региональные инициативы северных территорий. Через предоставление финансирования ЕС и СМСС стимулируют процесс международного сотрудничества с регионами на внешних границах и вовлекают их в систему взаимодействия. В Карелии за последние 15 лет накоплен значительный опыт осуществления международных проектов, а отдельные участники становятся активными субъектами регионального развития. Анализ проектной деятельности выявляет тенденцию усиления роли гражданского общества и приграничных муниципальных образований. В то же время привлечение бизнес-структур к реализации проектов в будущем позволит интегрировать всех участников регионального развития (власть – общество – бизнес), внедрять европейские технологии и модернизировать инфраструктуру.

Особенностью проектов на Севере Европы с участием Республики Карелия стало их влияние на улучшение качества жизни, что заметно на примере международного сотрудничества в сфере экологии, культуры и пространственного планирования. Уже сложившиеся контакты и высокая концентрация проектов в Карелии приводят к консолидации локальных сообществ вокруг проблем территории и могут способствовать управленческим и мировоззренческим изменениям.

* Работа выполнена при поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Интервью директора Калининградского офиса Совета Министров северных стран Арне Грове журналу «Балтийский статус» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.bandy2008.ru/coments/540
2. Программа по сотрудничеству с НКО для региона Балтийского моря [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://norden.ru/Article.aspx?id=100&lang=ru
3. Программа повышения уровня компетентности и развития сетевого сотрудничества с партнерами Северо-Западного региона России [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.norden.ru/Article.aspx?id=183&lang=ru
4. Программный документ ЕИСП ПГС «Карелия» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.kareliaenpi.eu/asiakirjat/PD_RU.pdf
5. Социально-экономическое развитие Республики Карелия 2011 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gov.karelia.ru/gov/Info/2011/index.html
6. Finland's strategy for cooperation in the neighboring areas [Electronic resource]. Access mode: http://formin.finland.fi/Public/default.aspx?nodeid=34823&contentlan=2&culture=en-US

Shlapeko E. A., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

KARELIAN INTERNATIONAL PROJECTS AS RESOURCE OF REGIONAL DEVELOPMENT

The article studies the influence of the cross-border programmes: European Neighborhood and Partnership Instrument "Karelia" and "Knowledge Building and Network Cooperation Programme" on regional development of Karelian Republic. The programmes were introduced by the Nordic Council of Ministers. The analysis of the international project activities has revealed special features characteristic of cooperation in North Europe, the increasing role of the civil society and municipal authorities, and possibility of administrative and worldview transitions.

Key words: European Neighborhood and Partnership Instrument "Karelia" – Cross Border Cooperation Programme (ENPI CBC), Nordic Council of Ministers, project activities, regional development

REFERENCES

1. *Interv'yu directora Kalinigradskogo ofisa Soveta Ministrov severnykh stran Arne Grove zhurnalu "Baltijskiy status"* [Interview of the Nordic Council of Ministers office in Kaliningrad Arne Grove to the Journal "Baltic status"]. Available at: http://www.bandy2008.ru/coments/540
2. *Programma po sotrudnichestvu s NKO dlya regiona Baltiyskogo morya* [Nordic Council of Ministers NGO Programme for the Baltic Sea Region]. Available at: http://norden.ru/Article.aspx?id=100&lang=ru
3. *Programma povysheniya urovnya kompetentnosti i razvitiya setevogo sotrudnichestva s partnerami Severo-Zapadnogo regiona Rossii* [Knowledge Building and Networking Programme for the North-West Russia]. Available at: http://www.norden.ru/Article.aspx?id=183&lang=ru
4. *Programmnyy dokument EISP PGS "Karelia"* [The programme document of the Karelia ENPI CBC programme]. Available at: http://www.kareliaenpi.eu/asiakirjat/PD_RU.pdf
5. *Sotsial'no-ekonomisheskoe razvitie Respubliki Karelia 2011 g.* [Social and economic development of the Republic of Karelia 2011]. Available at: http://www.gov.karelia.ru/gov/Info/2011/index.html
6. *Finland's strategy for cooperation in the neighboring areas.* Available at: http://formin.finland.fi/Public/default.aspx?nodeid=34823&contentlan=2&culture=en-US

Поступила в редакцию 08.04.2013

Май, № 3 **Социология** **2013**

УДК 336.0/.5

ТАТЬЯНА ГЕННАДЬЕВНА КАДНИКОВА
кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и финансов экономического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
goldsun@mail.ru

ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ ИСАКОВ
кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой экономики и финансов экономического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
isakov@petrsu.ru

ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ДОХОДОВ ДОМАШНИХ ХОЗЯЙСТВ В РЕСПУБЛИКЕ КАРЕЛИЯ*

Рассмотрены теоретические основы сущности финансов населения, в том числе определена роль домашних хозяйств в экономической (финансовой) системе государства. Изучена структура бюджета домашнего хозяйства. Согласно проведенному анализу, наибольшую долю в доходах населения занимают доходы по труду в виде заработной платы, вторым по значимости источником дохода домашних хозяйств является пенсия, причем более 85 % от общего объема пенсионных выплат приходится на пенсии по старости. За исследуемый период размер среднедушевых доходов населения Республики Карелия имеет тенденцию роста. В 2011 году впервые после кризисного периода население Республики Карелия предпочитало тратить, а не сберегать. Анализ структуры расходов показал, что наибольшую долю в общем объеме занимают потребительские расходы (покупка товаров и оплата услуг). Однако, несмотря на относительный рост расходов за последние два года, уровень материальной обеспеченности домохозяйств относительно невысок. Сделан вывод о том, что около 86 % населения Республики Карелия имеют доходы выше прожиточного минимума, однако данная динамика не может трактоваться однозначно, так как рассчитанный коэффициент дифференциации доходов значительно ниже рекомендованного уровня. Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что, несмотря на рост доходов домашних хозяйств в Республике Карелия, половина населения может удовлетворить лишь текущие потребности.

Ключевые слова: домашнее хозяйство, финансы домашних хозяйств, доходы населения, расходы населения, уровень доходов населения

Основная цель функционирования системы социально-экономических отношений любого государства – это повышение благосостояния общества, в том числе путем удовлетворения материальных человеческих потребностей. Домашние хозяйства являются не только потребителями материальных благ, но выступают в качестве одного из основных субъектов экономической деятельности, являются собственниками факторов производства частного сектора, формируют потребительский спрос на общественный продукт.

Экономико-теоретический аспект управления домашним хозяйством изучался в трудах различных ученых, в том числе П. Самуэльсона, Г. Бэккера и др. [1]. Российская школа представлена в данной сфере работами таких ученых, как С. А. Белозёров, В. М. Жеребин, Г. В. Коробковский, А. В. Олейник, А. В. Поздняков и др. [2], [3], [5], [6], [7]. В современной экономической литературе имеются различные трактовки категории «домашнее хозяйство». Наиболее часто под домашним хозяйством понимают совокупность лиц, проживающих в одном жилом помещении или его части, как связанных, так и не связанных отношениями родства, совместно обеспечивающих себя всем необходимым для жизни, полностью или частично объединяя и расходуя свои средства[1].

Сегодня домашнее хозяйство находится в сложившейся системе макро- и микроэкономических отношений и представляет собой один из важнейших социально-экономических институтов. В экономической системе домашние хозяйства выполняют следующее назначение:

- участвуют на рынке товаров и услуг в качестве покупателей;
- участвуют на рынке факторов производства в качестве продавцов;
- путем использования механизма сбережения инвестируют в экономику часть национального дохода.

Бесспорен тот факт, что финансы домашних хозяйств являются важной частью финансовой системы региона и представляют собой экономические (денежные) отношения, направленные на формирование и использование децентрализованных денежных фондов, пред-

© Кадникова Т. Г., Исаков В. А., 2013

назначенных для обеспечения финансовыми ресурсами отдельных членов семьи и в конечном итоге – ее расширенного воспроизводства. Несмотря на то что в прямом виде население не участвует в общественном производстве, оно является конечным потребителем всех создаваемых благ, а соответственно, прямым или опосредованным образом вступает в денежные (экономические) отношения с органами власти публично-правовых образований (через систему централизованных фондов денежных средств) и хозяйствующими субъектами производственной и непроизводственной сфер всех форм собственности. Данные отношения связаны с оплатой труда, постоянными дотациями и льготами, предоставляемыми населению. С другой стороны, население участвует в финансовой системе региона, выплачивая налоги, приобретая услуги хозяйствующих субъектов производственной и непроизводственной сфер, и др.

Домашнее хозяйство управляет собственным денежным фондом – бюджетом, который состоит из двух частей: доходов и расходов. Характер распределения доходов между собственниками факторов производства убедительно показывает, что продажа рабочей силы остается основным и значимым источником доходов населения страны. В совокупном доходе домашних хозяйств доля доходов от наемного труда значительно преобладает. Ведущую роль в доходах населения занимает оплата труда. Данная структура не менялась на протяжении многих десятилетий. Так, в 1975 году оплата труда составляла в структуре денежных доходов жителей Республики Карелия 80,7 %, в последнее время доля варьировалась от 62,8 % в 2000 году до 68,4 % в 2008 году. В 2011 году соотношение источников доходов по сравнению с 2010 годом не изменилось, наибольший удельный вес занимает оплата труда (65 %), на втором месте социальные выплаты (18 %), на остальные источники приходится 17 % [4; 109].

Более структурно источники дохода представлены в результатах социально-экономического обследования, проведенного в 2011–2012 годах в отдельных муниципальных районах и городских округах Республики Карелия (рис. 1), в котором участвовало 761 домохозяйство (с определенной погрешностью они совпадают с данными Карелиястата).

Согласно опросу, 22,7 % респондентов – пенсионеры, в том числе 8,7 % – работающие пенсионеры, безработные – 5,4 %, находящиеся в декретном отпуске по уходу за ребенком – 2,6 %.

Таким образом, согласно результатам социологического исследования и официальным статистическим данным, основную долю социальных выплат составляют пенсии. Если говорить о численности получающих пенсионное пособие в разрезе видов пенсионного обеспечения, то пропорции от общего финансирования выглядят следующим образом: по старости – 85,14 %, по инвалидности – 5,24 %, по случаю потери кормильца (на каждого нетрудоспособного члена семьи) – 4,11 %, пенсии военнослужащим и членам их семей – 0,09 %, пострадавшим в результате радиационных и техногенных катастроф и членам их семей – 0,13 %, федеральным государственным служащим – 0,09 %, социальные пенсии – 5,2 %.

В целом за период с 2005 по 2011 год средний размер назначенных пенсий в Республике Карелия вырос на 234,54 % и составил в 2011 году 10132,4 руб. в месяц. Однако темпы прироста данного показателя начиная с 2009 года неуклонно снижаются: в 2009 году в сравнении с 2008-м рост составил 36,04 %, в 2010-м – 22,03 %, а в 2011-м – лишь 9,11 %. Разница между средним размером назначенных пенсий и размером прожиточного минимума за 2011 год составила порядка 40 %.

В качестве дополнительного источника доходов респонденты в первую очередь отметили денежную помощь родственников и знакомых – 53,8 %, на втором месте – проценты по вкладам – 17,3 %. Дальнейшее распределение других регулярных доходов выглядит следующим образом: доход от сдачи внаем жилья – 12,7 %, процент по ценным бумагам (акции, облигации и пр.) – 2 %,

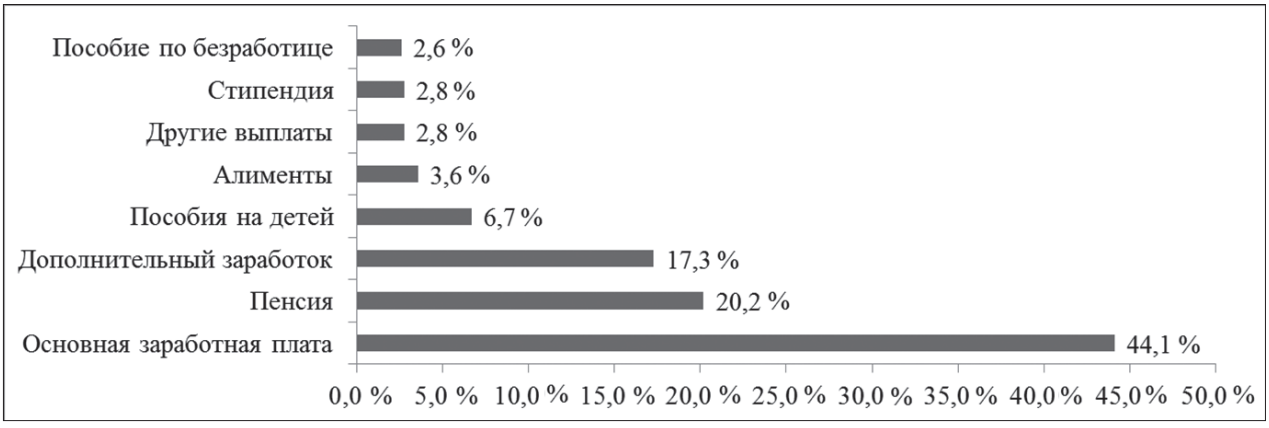


Рис. 1. Структура источников доходов домашних хозяйств в Республике Карелия (по данным опроса)

доход от сдачи внаем дачи, транспортного средства или гаража – 1,5 %.

В 2011 году среднедушевые располагаемые ресурсы населения Республики Карелии составили 16862,5 руб. в месяц, по сравнению с 2010 годом их рост составил 16,1 %. При этом денежный доход вырос на 9,3 %, а натуральный доход увеличился на 16,2 %. Реальные располагаемые доходы (доходы за вычетом обязательных платежей и взносов, скорректированные на индекс инфляции) в январе – июне 2012 года по сравнению с аналогичным периодом прошлого года увеличились на 8,6 %. Номинальные денежные доходы населения Республики Карелия в январе – июне 2012 года сложились в сумме 69264,1 млн руб. и увеличились по сравнению с соответствующим периодом 2011 года на 13,6 %. Структура опрашиваемых домохозяйств по размеру совокупного дохода представлена на рис. 2.

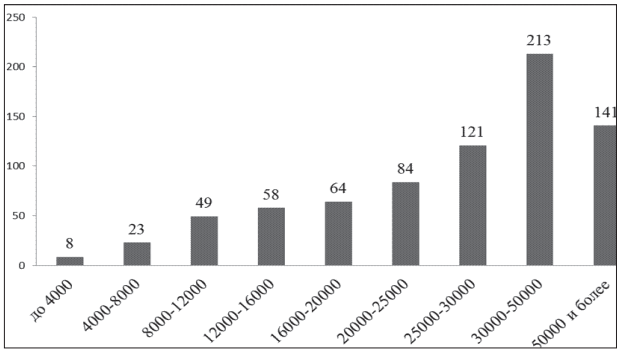


Рис. 2. Структура домохозяйств по размеру совокупного дохода

Рис. 3. Предпочитаемая форма сбережений населения Республики Карелия (по данным опроса)

Как видно из рис. 2, наибольший удельный вес приходится на группу домашних хозяйств с совокупным доходом от 30 до 50 тыс. руб. – 28 %, более 50 тыс. руб. получают 18,5 % респондентов, а совокупный доход ниже прожиточного минимума имеют чуть более 1 % опрашиваемых.

Сумма привлеченных средств и израсходованных сбережений в 2011 году на 74 % превысила уровень 2010 года. При этом сумма сделанных сбережений в 2011 году сократилась на 6,9 % и составила 1860,5 руб. в месяц на члена домохозяйства. В то же время долг по кредитам и иным долговым обязательствам имели около 43,6 % обследуемых домашних хозяйств.

Если говорить о предпочтениях населения в сфере инвестиционных сбережений, то данные опроса представлены на рис. 3.

Как видно из рис. 3, примерно одинаковый уровень предпочтений форм сбережений имеют приобретение земли и недвижимости, вклады в Сбербанке и наличные сбережения в отечественной валюте. Предпочтение Сбербанка связано, с одной стороны, со степенью доверия населения к банку, значительная часть акций которого принадлежит государству, с другой стороны – с достаточно широкой филиальной сетью, в том числе и в районах Республики Карелия.

Оценивая расходы населения за тот же период, можно отметить, что в 2011 году потребительские расходы домашних хозяйств жителей Карелии (покупка товаров и оплата услуг) составили 11785,0 руб. в месяц на члена домашнего хозяйства, что на 13,5 % выше, чем в 2010 году. В разрезе городской и сельской местности данный показатель имел значения 12043,8 и 10860,5 руб. в месяц соответственно. За 2011 год изменилась структура потребляемых благ данными группами населения, что связано с ростом их благосостояния. Так, существенный рост доли потребительских расходов наблюдался у домашних хозяйств в сельской местности Карелии, в том числе на приобретение непродовольственных товаров – на 15,9 %; на покупку продуктов питания данные домашние хозяйства стали тратить 30,6 % от общей суммы потребительских расходов, как и городские домохозяйства. В структуре расходов на оплату услуг основную долю занимали услуги обязательного характера: жилищно-коммунальные, пассажирского транспорта и связи.

Особое значение в рамках оценки финансов населения представляют расходы на образование и здравоохранение как показатели уровня жизни населения. Опрос показал, что 17,8 % респондентов отметили необходимость инвестиций в собственное здоровье и образование. Так, в 2011 году увеличились затраты карельских домохозяйств на оплату образовательных услуг от общей суммы расходов, связанных с обучением; основная доля приходилась на оплату услуг по основному договору в учреждениях начального, среднего и высшего профессионального образования, она составила 67 %. Доля затрат на покупку учебников, методических и справочных материалов, обучающих программ, канцелярских товаров составила 6,9 %, плата за организованное питание – 12,1 %, плата за общежитие – 10 %. Платной амбулаторной и стационарной медицинской помощью воспользовались 19 % членов домашних хозяйств. У обратившихся за

медицинской помощью большая доля расходов приходилась на оплату лабораторных анализов и медицинских исследований, приемов и консультаций врачей-специалистов, сеансов массажа, лечебной гимнастики.

В целом за исследуемый период на покупку товаров население потратило 55,1 % от полученных доходов, на оплату услуг – 15,5 %, платежи за товары (работы, услуги) с использованием банковских карт за рубежом – 1,2 %, обязательные платежи и другие взносы (включая деньги, отосланные по переводам) – 12 %, прирост сбережений во вкладах и ценных бумагах (включая покупку недвижимости, кредиты) – 3,8 %, покупку валюты – 2,6 % от доходов[2].

Несмотря на положительную динамику доходов и расходов домашних хозяйств Республики Карелия (население стало больше получать и больше тратить) результаты опроса показали, что уровень материальной обеспеченности домохозяйств относительно невысок. Несмотря на то, что 53,2 % домохозяйств указали, что им хватило имеющихся доходов на покрытие необходимых текущих расходов, 13,6 % респондентов не смогли вписаться в свой бюджет, еще 33,2 % сумели сделать это с большим трудом.

Более структурно покупательная способность опрашиваемых домохозяйств представлена на рис. 4.

Рис. 4. Покупательная способность домашних хозяйств – респондентов

На вопрос о том, на что хватает доходов Вашей семьи, около 53 % опрашиваемых ответили, что денег хватает лишь на необходимые продукты и одежду, порядка 23 % респондентов указали, что приобретение товаров длительного пользования не вызывает трудностей, а чуть меньше 2 % вынуждены брать в долг для приобретения продуктов.

Результаты проведенного опроса подтверждаются и официальными данными Карелиястата. Так, рассматривая вопрос о расслоении общества по доходам, стоит отметить, что в 2011 году 85,7 % населения получали доход больше 7000 руб. в месяц. Динамика численности населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума неоднозначна (данные представлены на рис. 5).

Как видно из рис. 5, максимальное значение численности населения с доходами ниже прожиточного уровня пришлось на 2007 и 2009 годы – 17 %, что объясняется в том числе последствиями финансового кризиса, а наименьшее (15,1 %) – на 2010 год. Степень расслоения общества также характеризуется коэффициентом фондов, или коэффициентом дифференциации доходов, он показывает отношение среднего уровня доходов 10 % самых богатых граждан к среднему уровню доходов 10 % самых бедных. По рекомендациям ООН он не должен превышать 8–10. Динамика данного коэффициента в Республике Карелия представлена на рис. 5.

Таким образом, можно утверждать, что уровень справедливого распределения доходов в Республике Карелия ниже рекомендованного, хотя данный показатель значительно лучше, чем по России в целом, в 2011 году коэффициент дифференциации доходов Российской Федерации составил 16,1 раза.

В заключение необходимо отметить, что особой функцией домашнего хозяйства является воспроизводство рабочей силы (человеческого капитала). Качество воспроизводства зависит от того, какой уровень жизни может обеспечить домашнее хозяйство. Высокие доходы общества и потреби-

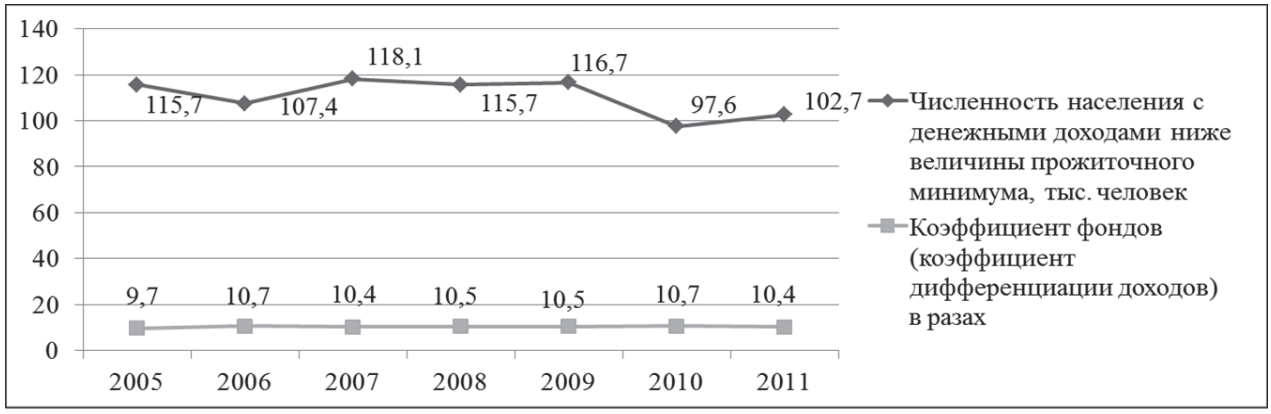


Рис. 5. Показатели, характеризующие уровень доходов населения

тельские стандарты определяют способность населения к расширенному и качественному воспроизводству. Проведенный анализ показал, что, несмотря на смещение приоритетов потребительских ожиданий за последние два года в направлении инвестиций в человеческий капитал (то есть население стало более активно тратить средства на образование, здоровье и отдых), в течение последнего десятилетия сохраняется не достаточно благополучная структура покупательской способности домохозяйств, половина из которых живет в режиме жесткой экономии.

* Исследование выполнено по заданию Министерства образования и науки РФ, регистрационный номер проекта 01201253373, и при поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ в рамках реализации мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Социальное положение и уровень жизни населения России. 2008: Стат. сб. / Росстат. М., 2008. С. 234.
[2] Пресс-выпуск. Денежные доходы и расходы населения. Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по республике Карелия [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://krl.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/krl/resources/b3fdc7004c4917e7a4d0ac052efb10e3/%2Fpublic%2Fpress%2F13270712.htm

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агапова Л. И. История экономической мысли. М.: ЭКМО, 2002. 206 с.
2. Белозёров С. А. Финансы домашнего хозяйства: инвестиционный аспект. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. 566 с.
3. Жеребин В. М., Романов А. Н. Экономика домашнего хозяйства. М.: Финансы ЮНИТИ, 1998. 231 с.
4. Кадникова Т. Г. Некоторые аспекты воспроизводства рабочей силы и человеческого капитала в рыночной экономике // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер. «Общественные и гуманитарные науки». 2012. № 7 (128). Т. 1. С. 105–109.
5. Коробковский Г. В., Смирнова Г. А. Экономика домашнего хозяйства. М.: Экономика, 1991. 242 с.
6. Нугуманова Л. Ф. Институциональные основы формирования сбережений домохозяйств // Российское предпринимательство. 2010. № 10. Вып. 1 (168). С. 36–40.
7. Соболев М. Г. Институциональные основы формирования экономической системы домохозяйства: Автореф. дис. … канд. экон. наук. Краснодар, 2005. 22 с.

Kadnikova T. G., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
Isakov V. A., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

SOCIOLOGICAL RESEARCH OF HOUSEHOLDS' INCOME IN KARELIAN REPUBLIC

The article covers theoretical basics of Karelian households' income. The role of contemporary households on the financial system of the state is defined. The structure of the household budget is studied. According to the results of the study the main part of the households' income is salaries, the second part is pensions. More than 85% from the total amount of pension payments are old-age pensions. Results obtained during the studied period show that the size of the average per capita income of the population in the Republic of Karelia tends to increase. In 2011, for the first time after the crisis, the households in Karelia preferred spending to saving. The analysis of the expenses' structure showed that the biggest part of all the money spent by households is consumer expenses. However, despite a relative growth of the expenses in the last two years, the level of the households' means is rather low. About 86% of the households in Karelia live above poverty level, though the calculated coefficient of income differentiation is still much lower than the recommended level. The conducted research brings us to a conclusion that despite a certain growth in the income of Karelian households only a half of them can satisfy their current needs.

Key words: household, finance of house farms, population income, population expenses, level of the income of the population

REFERENCES

1. Agapova L. I. *Istoriya ekonomicheskoy mysli* [History of economic thought]. Moscow, EKMO Publ., 2002. 206 p.
2. Belozerov S. A. *Finansy domashnego hozyaystva: investitsionnyy aspect* [Household finance: investment aspect]. St. Petersburg, SPSU Publ., 2006. 566 p.
3. Zherebin V. M., Romanov A. N. *Ekonomika domashnego hozyaystva* [Household economy]. Moscow, Finansy YUNITI Publ., 1998. 231 p.
4. Kadnikova T. G. *Nekotorye aspekty vosproizvodstva rabochey sily i chelovecheskogo kapitala v rynochnoy ekonomike* [Some aspects labor reproduction and human capital in market economy]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. "Estestvenye i tekhnicheskie nauki"* [Proceedings of Petrozavodsk State University. Social sciences and humanities]. 2012. № 7 (128). Vol. 1. P. 105–109.
5. Korobkovskiy G. V., Smirnova G. A. *Ekonomika domashnego hozyaystva* [Household economy]. Moscow, Economika Publ., 1991. 242 p.
6. Nugumanova L. F. Institutional bases of formation of savings of households [Institutsional'nye osnovy formirovaniya sberezheniy domokhozyaystv]. *Rossiyskoe predprinimatel'stvo* [Russian business]. 2010. № 10. Vol. 1 (168). P. 36–40.
7. Sobolev M. G. *Institucional'nye osnovy formirovaniya ekonomicheskoy sistemy domohozyaystva.* Diss. kand. ekon. nauk [Institutional bases of formation of economic system of a household. Cand. of econ. sci. diss.]. Krasnodar, 2005. 22 p.

Поступила в редакцию 16.04.2013

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Май, № 3 **Социология** **2013**

УДК 314

НАТАЛЬЯ ЛЕОНИДОВНА ФАДЕЕВА
старший преподаватель кафедры социологии факультета политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
nata84fa@mail.ru

БРАЧНО-СЕМЕЙНАЯ СТРУКТУРА В КОНТЕКСТЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ

В основу работы положены официальные данные по результатам всероссийских переписей населения за 2002 и 2010 годы, данные государственной статистики, а также результаты социологических исследований научных центров. Причины сложившейся демографической ситуации рассматриваются с точки зрения двух концепций: теории второго демографического перехода и институциональной теории. Все большая распространенность неофициальных браков, низкий уровень жизни, жилищные проблемы, а также пассивное восприятие населением мер демографической политики, которые предлагает государство, не учитывая специфику субъектов, приводят к нестабильной ситуации в области народонаселения – не только к простому снижению рождаемости, но и ухудшению качественных характеристик населения. В первую очередь это касается северных территорий, к которым относится Карелия. Выделены наиболее важные направления деятельности в области улучшения демографической ситуации в регионе: снижение оттока трудоспособного населения, улучшение качества жизни населения, уменьшение влияния внешнего фактора на уровень смертности населения, а также ориентация семейно-демографической политики на работу с различными социальными группами.

Ключевые слова: северный регион, брачность, рождаемость, семейно-демографическая политика

Республика Карелия входит в число субъектов РФ с неблагоприятной демографической ситуацией, которая характеризуется отрицательным естественным приростом и одновременно высоким миграционным оттоком населения. Демографический кризис в государстве, получивший развитие в начале 1990-х годов, современные отечественные ученые (например, Н. М. Римашевская) определяют как «точку невозврата», после которой сокращение населения России приобретает необратимый характер.

В современной демографической науке выделяются следующие подходы к анализу сложившейся ситуации в области народонаселения: теория второго демографического перехода, разделяемая С. В. Захаровым, А. Г. Вишневским, R. Lesthaeghe, J. Surkyn, и теория институционализма, разделяемая М. А. Клупом.

Первая теория ориентируется на изменения в здравоохранительном поведении населения: ведение активного образа жизни, изменение рациона питания, забота о своевременном обращении в медицинские учреждения и т. д. [1; 45]. В России население в основном ожидает, что заботу о сбережении народа возьмет на себя государство, разрабатывая целевые программы, улучшая обеспеченность системы здравоохранения новейшим оборудованием и разрабатывая новейшие технологии в диагностике и лечении заболеваний, то есть пассивно воспринимает те меры, которые предлагаются сверху.

Данная концепция рассматривает тенденции трансформации в брачно-семейной структуре и темпах рождаемости с точки зрения стремления населения к самовыражению, личностному развитию [6; 51]. Это означает, что принятие решения, например о количестве детей, рассматривается как личное дело каждой семьи.

Демографические процессы, характерные для России, М. А. Клупт связывает с социально-экономическими и политическими изменениями, произошедшими после распада СССР, которые привели к ослаблению роли государства, снижению уровня жизни населения и в дальнейшем – к ориентации семьи на малодетность, распространению числа неофициальных браков и т. д. [2].

За период с 1992 по 2011 год включительно население Карелии уменьшилось с 789,5 до 639,7 тыс. человек[1], то есть практически на 20 %.

Подобная ситуация характеризует демографическую ситуацию целого ряда субъектов Северо-Западного федерального округа России, например Вологодскую, Псковскую и Ленинградскую области, где, по данным государственной статистики, население по итогам 2011 года уменьшалось наиболее быстрыми темпами. Демографическая ситуация и изменения в структурах населения и отдельных демографических процессах во многом зависят от качественных и количественных параметров отдельных поколений [5; 34].

Карелия входит в число регионов, приравненных к северным территориям, для которых характерны суровые климатические условия, способствующие развитию заболеваний. Поми-

© Фадеева Н. Л., 2013

мо этого, регион является реципиентом и серьезно зависит от финансовых вливаний со стороны центра. Это также означает, что субъект в своей демографической политике в основном ориентируется на те направления, которые приняты в качестве приоритетных на федеральном уровне и не реализует то, что отражало бы специфику демографического положения Карелии как северной приграничной территории.

Отечественными демографами не только предприняты попытки проанализировать отдельные показатели демографических процессов, но и предложены интегральные показатели[2]. Согласно проведенным расчетам, ситуация в Республике Карелия является одной из самых неблагоприятных в сфере народонаселения. К подобному выводу приходит и Л. А. Попова [3], анализируя процессы смертности и рождаемости на северных территориях России.

Несмотря на улучшение показателей естественного движения населения на территории Карелии и государства в целом, необходимо отметить, что в большинстве регионов они достигаются только благодаря уменьшению числа умерших, а не за счет увеличения числа рождений. За 1989 год рождаемость на территории страны составила 2 160 559 человек, это последний год, когда количество новорожденных превысило 2 млн человек. С этого момента можно наблюдать постепенное снижение рождаемости; спустя десять лет (в 1999 году) она достигла своего минимума – 1 214 689 детей[3]. Изменения в репродуктивных планах женщин и как следствие – уменьшение уровня рождаемости в России в 1990-е годы связано, по мнению М. А. Клупта, со следующими факторами [2]: изменение потребительских установок, которые трудно было реализовать даже на уровне выживания, не затрагивая вопрос сверхпотребления; политика невмешательства государства в репродуктивную сферу и снижение значимости государственных выплат женщинам по уходу за ребенком; снижение числа мужчин, с которыми можно создать семью (алкоголизация); увеличение числа неполных семей, в которых уровень рождаемости ниже по сравнению с полными. Так, по данным Росстата, в 1970 году доля детей, родившихся вне брака, составляла 10,57 % от общего числа детей, к 1990 году увеличилась до 14,61 %, а по данным за 2010 год – это каждый четвертый ребенок[4].

В Карелии уровень рождаемости практически не отличается от общероссийских показателей как в 1990-е, так и в начале 2000-х годов, однако он несколько ниже не только среди городских жителей, но и в сельской местности. Если сравнивать рождаемость в Карелии с территориями, входящими с состав Северо-Западного федерального округа, то регион опережают Республика Коми, Вологодская область, Архангельская область, включая Ненецкий автономный округ; все остальные территории демонстрируют более низкие показатели. Таким образом, население регионов, объединенных в одну группу, демонстрирует различное демографическое поведение.

Чем можно объяснить изменения в репродуктивном поведении россиян? С одной стороны, государство в начале века простимулировало женщин, находящихся в репродуктивном возрасте, к рождению еще одного ребенка, однако, с другой стороны, не создало или не улучшило работу тех социальных институтов, которые должны были бы помочь семьям в реализации своих функций, кроме репродуктивной. Ярким примером являются многотысячные очереди в детские дошкольные учреждения или практически отсутствующая возможность молодых семей хотя бы попасть в государственные программы по улучшению жилищных условий.

Экономические меры поддержки населения (например, «материнский капитал») неспособны стимулировать изменение репродуктивных установок населения, в то время как отсутствуют дополнительные социальные институты поддержки семей, а заработная плата большей части населения не позволяет полностью обеспечивать самого работающего, не говоря о его детях.

Что касается такого демографического процесса, как брачность, то показатели в республике несущественно отличаются от общероссийских. Примерно с середины первого десятилетия 2000-х годов наблюдается небольшое увеличение числа официально зарегистрированных браков, однако нельзя утверждать, что повышается ценность брачно-семейных отношений среди молодых поколений, которые чаще других возрастов вступают в брак.

Если посмотреть на семейно-брачные отношения с точки зрения перспективы воспроизводства, то больший интерес будет представлять именно число незарегистрированных брачных союзов, особенно в брачном возрасте. По результатам переписи населения 2010 года, в Карелии считают себя находящимися в браке 152,7 тыс. мужчин и 153,6 тыс. женщин в возрасте от 16 лет, указавших свое брачное состояние[5]. В данном случае получается уже традиционная картина для России: число женщин, считающих, что они состоят в браке, превышает число мужчин, ответивших точно так же. Демографы объясняют это тем, что женщина, даже если она состоит в так называемом «гражданском браке» (здесь – незарегистрированный в органах ЗАГСа брак), чаще считает себя замужней по сравнению с мужчиной, который отвечает, что не состоит в брачных отношениях. В общей совокупности возрастной структуры населения в незарегистрированном браке проживают по 20 % мужчин и женщин. При этом, если рассматривать брачные союзы

в городской и сельской местности, то в незарегистрированном браке проживают соответственно 19 и 22 % населения, а разницы между мужчинами и женщинами не обнаруживается. Однако если мы за основу возьмем абсолютное соотношение ответов респондентов, то обнаружим следующую картину: в сельской местности мужчины немногим чаще женщин подтверждали официальный брак (разница составила 100 человек) по сравнению с городом: здесь на 1217 женщин больше имеют официальный брачный статус.

Представленные различия объясняются демографами следующим образом: жители сельской местности в меньшей степени по сравнению с горожанами поддерживают как консервативный (зарегистрированный брак), так и инновационный («гражданский брак») подход к семейным отношениям, однако низкая удовлетворенность брачным союзом и наличие неудачного предыдущего опыта, подкрепленные нестабильностью материального положения, ведут к увеличению неформальных брачных отношений как к вынужденному шагу [3; 175].

Наибольшее число незарегистрированных браков приходится на возрастной интервал от 20 до 39 лет среди женщин и от 20 до 44 лет среди мужчин. Распространенность «гражданских браков» в данных социальных группах варьируется примерно от одной трети до 90 % от общего числа брачных союзов. Данные показатели можно объяснить различными стратегиями демографического поведения среди возрастных когорт. Молодое поколение более склонно к отрицанию традиционных семейных ценностей по сравнению с поколениями старше 50 лет, в то время как возрастная категория 40–49 лет является в целом группой с нейтральными оценками семейно-брачных отношений [3; 174].

Если проследить за мероприятиями, проводящимися в рамках региональной демографической политики, то можно увидеть, что в основном представители органов государственной власти проводят работу по формированию семейных ценностей среди молодого поколения. Однако стоит обратить внимание, что органы ЗАГСа, ответственные за данную работу, реализуют ее только в области непосредственной регистрации брачных союзов и работают со школьниками, разъясняя основы семейного законодательства. На самом деле проблема отказа от регистрации браков, высокого уровня разводов и реализации репродуктивного поведения заключается не столько в неинформированности населения или отсутствии мест для регистрации брака, сколько в глубоких ценностных изменениях россиян.

Начиная с 2005 года правительство в рамках демографической и семейной политики проводит ряд мероприятий, направленных на стабилизацию численности населения, увеличение средней ожидаемой продолжительности жизни, регулирование миграционного движения населения. Так, на территории республики демографическая политика проводится в рамках региональной целевой программы «Улучшение демографической ситуации Республики Карелия на период 2008–2010 и до 2015 года». При этом государство в качестве приоритетных задач ставит не только увеличение количественных, но и качественных характеристик населения за счет повышения уровня жизни и развития человеческого капитала.

Специалисты в области демографии не строят положительных прогнозов в отношении демографического будущего России, несмотря на достигнутые на сегодняшний день положительные тенденции в отдельных аспектах демографического поведения (некоторое увеличение уровня рождаемости) [1; 5]. Анализируя демографическое положение в стране, Л. Л. Рыбаковский пишет, что в отдельных субъектах показатели рождаемости оказались на прежнем уровне или сократились, в то время как коэффициент смертности увеличился [4; 46].

Несмотря на большую зависимость региональных органов государственной власти от финансирования из федерального бюджета, республике необходимо проводить мероприятия в области сохранения и увеличения количественных и качественных характеристик населения региона. Это означает, что демографическая политика должна быть дифференцирована как между субъектами России, так и внутри каждой территории, поскольку потребности муниципальных образований по работе с населением различны.

С одной стороны, для изменения демографической ситуации требуются не только финансовые вливания со стороны государства в виде дотаций, но и трансформация таких институтов, как, например, здравоохранение. С другой стороны, необходима работа для изменения ценностей и приоритетов населения, которые невозможно изменить в контексте демографической политики российского государства в срок до 2025 года.

В современной ситуации перед регионом стоит несколько задач:

- удержание обширной территории в условиях уменьшения численности населения, а значит, снижение его плотности;
- уменьшение оттока трудоспособного населения из региона;
- снижение смертности населения в результате внешних причин;
- учет гендерных различий в заболеваемости и самосохранительном поведении;
- проведение дифференцированной семейно-демографической политики, ориентированной

на работу с различными поколениями и социальными группами;
- улучшение уровня жизни и возможностей для населения республики, семей, имеющих детей;
- учет влияния демографических и экономических факторов на развитие территории, а значит, направленность не только на количественные, но и качественные показатели населения.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Рождаемость, смертность и естественный прирост населения / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Карелия [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://krl.gks.ru/digital/region1/default.aspx
[2] Классификация регионов по характеру демографической ситуации и ее динамике [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://rybakovsky.ru/stati1a7.html
[3] Демографический ежегодник России. 2010: Стат. сб. / Росстат. М., 2010. С. 128.
[4] Российский статистический ежегодник. 2011: Стат. сб. / Росстат. М., 2011. С. 98.
[5] Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Т. 2. Возрастно-половой состав и состояние в браке [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вишневский А. Сбережение народа или депопуляция России? М.: ГУ-ВШЭ, 2010. 82 с.
2. Клупт М. А. Демография регионов Земли. СПб.: Питер, 2008. 346 с.
3. Попова Д. О. Трансформация семейных ценностей и второй демографический переход в России: кто в авангарде? // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / Под науч. ред. С. В. Захарова, Т. М. Малевой, О. В. Синявской; Независимый институт социальной политики. М.: НИСП, 2009. С. 163–184.
4. Рыбаковский Л. Л. Динамика населения России и ее компоненты в 2001–2025 гг. // Социологические исследования. 2011. № 12. С. 43–50.
5. Сбережение народа / Под ред. Н. М. Римашевской. М.: Наука, 2007. 326 с.
6. Surkyn J., Lesthaeghe R. Value Orientations and the Second Demographic Transition (SDT) in Northern, Western and Southern Europe: An Update [Electronic resourse]. Access mode: http://www.demographic-research.org/special/3/3/s3-3.pdf

---

Fadeeva N. L., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

MATRIMONIAL STRUCTURE IN CONTEXT OF DEMOGRAPHIC SITUATION

The article focuses on the analysis of nuptiality as a demographic process and its correlation with the birth rate and reproductive behavior of the population. The study is based on the official data obtained by the All-Russian Population Census conducted in 2002 and 2010, national statistics, and results of sociological studies carried out by scientific centers. The reasons for current demographic situation are examined based on the principles of two concepts: the theory of the second demographic transition and the institutional theory. Popularity of civil marriages, low standards of living, housing problems, as well as weak trust in demographic measures undertaken by the government lead to instability in the population growth characterized by low birth rate and poor health. Northern territories including Karelia have become a subject of these negative tendencies. The most important steps aimed to improve demographic situation in the region are underlined. They are: decrease of labor migration, elevation of the standards of living and comprehensive support of dysfunctional families.

Key words: northern region, marriages, fertility, family and demographic policy

REFERENCES

1. Vishnevskiy A. *Sberezhenie naroda ili depopulyatsiya Rossii?* [Saving people or depopulation of Russia?]. Moscow, GU-VSHE Publ., 2010. 82 p.
2. Klupt M. A. *Demografiya regionov Zemli* [Demographics of the Earth]. St. Petersburg, Piter Publ., 2008. 346 p.
3. Popova D. O. Transformation of family values and the second demographic transition in Russia: who is at the forefront? [Transformatsiya semeynykh tsennostey i vtoroy demograficheskiy perekhod v Rossii: kto v avangarde?] *Roditeli i deti, muzhchiny i zhenshchiny v sem'e i obshchestve*. Moscow, NISP Publ., 2009. P. 163–184.
4. Rybakovskiy L. L. *Dinamika naseleniya Rossii i ee komponenty v 2001–2025 gg.* [Dynamic of the Russian population and it components in the 2001–2025 years]. *Sotsiologicheskie issledovaniya.* 2011. № 12. P. 43–50.
5. *Sberezhenie naroda* [Saving people]. Moscow, Nauka Publ., 2007. 326 p.
6. Surkyn J., Lesthaeghe R. *Value Orientations and the Second Demographic Transition (SDT) in Northern, Western and Southern Europe: An Update.* Available at: http://www.demographic-research.org/special/3/3/s3-3.pdf

Поступила в редакцию 17.12.2012

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Май, № 3 **Филология** **2013**

УДК 811.161.1’373.21

МАРИЯ ВЯЧЕСЛАВОВНА АХМЕТОВА
кандидат филологических наук, заместитель главного редактора журнала «Живая старина», Государственный республиканский центр русского фольклора (Москва, Российская Федерация)
malinxi@rambler.ru

НЕОФИЦИАЛЬНАЯ ТОПОНИМИКА РОССИЙСКОГО СЕВЕРА (КАРЕЛИЯ И ЛЕНИНГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ) В ЭЛЕКТРОННЫХ ИСТОЧНИКАХ*

Представлены материалы для словаря современных неофициальных топонимов России и ближнего зарубежья по материалам Интернета, СМИ и художественной литературы. На основе полученного корпуса топонимов были выявлены основные модели их образования. По этим моделям самостоятельно порождались образования от топонимов, не обнаруженные ранее. Одной из наиболее популярных моделей является усечение основы производящего топонима и его аффиксация с использованием суффикса *-ик* (например, *Петрик* ‘Петрозаводск’). По данной модели было образовано название *Светик* от Светогорск; употребимость данного названия была верифицирована через поиск в Интернете, поэтому слово было включено в словарь. В статье в качестве примеров приводятся неофициальные обозначения населенных пунктов двух регионов Российского Севера – Республики Карелия и Ленинградской области – от почти нормативных (например, *Медгора* ‘Медвежьегорск’) до разговорных (исторических, наподобие *Рамбов* ‘Ломоносов, бывший Ораниенбаум’, и появившихся недавно, наподобие *Петрик* ‘Петрозаводск’), жаргонных и пейоративных (например, *Медвеждьедырск* ‘Медвежьегорск’, мотивированное словом *дыра*, в русском языке имеющем переносное значение захолустья). Отдельную группу составляют неофициальные топонимы, образованные путем замены либо контаминации производного топонима с иным топонимом, обычно иностранным (например, *Кондопенгаген* ‘Кондопога’ < Копенгаген или *Тихуана* ‘Тихвин’).

Ключевые слова: топонимика, ономастика, Карелия, Ленинградская область, разговорная речь, сленг, лексикография, неофициальные топонимы

В настоящей публикации представлены материалы для готовящегося словаря неофициальных топонимов (далее НТ). В словаре планируется отразить обозначения более 800 населенных пунктов России и ближнего зарубежья, распространенные в конце XX – начале XXI века и не совпадающие с зафиксированными административными документами и географическими картами, а также образованные от них прилагательные и названия жителей. Источниками являются блоги и форумы Интернета, центральные и региональные СМИ, художественная литература, в том числе сетевая.

Первоначальный отбор материала для словаря проводился следующим образом:

1. Интервьюирование коллег из различных городов.

2. Отбор топонимов с пометой *неофиц.* из словаря [8].

3. Поиск НТ в сетевых источниках. Неофициальная топонимия, наряду с другими локальными и региональными особенностями речи, широко обсуждается в Интернете, что позволяет обнаружить значительные по объему данные по этой сфере. Можно говорить о двух типах источников.

Первая группа представляет собой самодеятельные справочные ресурсы. Например, в русской Википедии до октября 2011 года находилась статья «Прозвища городов», удаленная администраторами проекта по причинам некорректного оформления материала и оскорбительности ряда приведенных названий. Однако контент статьи был скопирован и републикован рядом форумов (в наиболее полном виде он содержится на форуме «Blabforum.Ru»). Другим источником такого рода стал сетевой «Словарь молодежного сленга» (Teenslang.Su), содержащий категорию «Топонимы».

К источникам второй группы относятся собственно обсуждения НТ в Интернете. С одной стороны, это материалы раздела «Городские диалекты» форума компании «Abbyy» (Lingvo.Ru), где НТ были посвящены две ветки под заголовком «Названия городов», одна из которых (август 2005 – ноябрь 2006 года) содержит 180 сообщений и в настоящее время закрыта, другая открыта в 2007 году и на сегодняшний день содержит 78 сообщений. С другой стороны, это материалы других форумов различной направленности, а также личных блогов. Соответствующие обсуждения выявлялись путем поиска в Яндексе по ключевым словам: *неофициальные названия городов*, *прозвища городов*, *сокращения городов*, *неформальные названия городов*, *сленговые названия городов*, *альтернативные названия городов*, *клички городов*, *разговорные названия городов*. В результате были обнаруже-

© Ахметова М. В., 2013

ны обсуждения, позволившие увеличить корпус названий. Перечислим некоторые ресурсы такого рода: форум «Транспорт в России» (Forum. Tr.Ru), тема «Сленговые или альтернативные названия городов» (2008–2009; 95 сообщений); форум «Lingvoforum. Net», тема «Ёбург, Стерлик, Злот, или забавы народной топонимики» (2011; 83 сообщения); форум «Погранец» (Pogranec. Ru), тема «Ласковые прозвища городов страны» (2010; 82 сообщения); «Форум о поисковых системах» (Forum.Searchengines.Ru), тема «Города – краткие уменьшительно-ласкательные формы» (2008; 66 сообщений); тот же форум, тема «Прозвища городов, областей, регионов, стран» (2008; 27 сообщений).

Информация, содержащаяся в сетевых источниках, разнородна и не всегда соответствует поставленной задаче. Например, кроме собственно интересующих нас вариантов в Википедии упоминались перифразы топонимов – официальные, поэтические, шутливые, восходящие к прецедентным текстам и так далее (например, *Сибирские Афины* ‘Томск’, *Колыбель революции* ‘Санкт-Петербург’, *Три шурупа* ‘Уфа’, *Город хлебный* ‘Ташкент’), а также неофициальные названия городов, находящихся за пределами стран СНГ. Обсуждения на форумах и топонимическая рубрика в «Словаре молодежного сленга» содержат в числе прочего разговорные микротопонимы (названия улиц, зданий, памятников и т. д.).

4. Обнаруженные варианты проверялись путем поиска в электронной базе СМИ «Интегрум» и в Интернете с использованием поиска в Яндексе (обычный поиск; поиск по блогам и форумам; поиск по литературным источникам в сетевой библиотеке Lib.Ru). Таким образом составлялась цитатная база словаря. Нередко на этой стадии попадались упоминания новых НТ.

5. На основе полученного корпуса топонимов были выявлены основные модели их образования. По этим моделям самостоятельно порождались образования от топонимов, не обнаруженные ранее. Одной из наиболее популярных моделей является усечение основы производящего топонима и его аффиксация с использованием суффикса *-ик* (например, *Петрик* ‘Петрозаводск’). По данной модели были образованы, в частности, названия *Первик* от Первоуральск, *Ставрик* от Ставрополь, *Ташик* от Ташкент и др.; поиск в Интернете подтвердил существование таких вариантов.

Далее будут рассмотрены неофициальные обозначения населенных пунктов двух регионов Российского Севера: Республики Карелия и Ленинградской области[1].

Значительная часть НТ и производных от них слов неизвестна на всем русскоязычном пространстве, кроме самих именуемых населенных пунктов либо рассматриваемых регионов в целом; НТ одного региона могут быть известны в другом, а карельские НТ зачастую известны жителям Петербурга. Это обусловлено территориальной близостью и культурными связями Карелии и Ленинградской области, нередко наличием родственников в соседнем регионе, миграциями (в том числе в связи с обучением в вузах), популярностью для петербуржцев и жителей Ленинградской области Карелии как региона туризма и отдыха. Зачастую НТ употребляют представители социальных (в том числе профессиональных) групп, для которых характерна высокая мобильность: работники железнодорожного транспорта, автомобилисты, велосипедисты, автостопщики и др.

Среди НТ Карелии и Ленинградской области обнаруживаются лексемы с различными стилистическими характеристиками – от почти нормативных до жаргонных и пейоративных[2].

Такие карельские НТ, как *Медгора* ‘Медвежьегорск’, *Сумпосад* ‘Сумский Посад’, *Муезерка* ‘Муезерский’ и *Пяозеро* ‘Пяозерский’ фактически нормативны (в региональном узусе): они в стилистически нейтральном контексте употребляются в газетах и разнообразной литературе Карелии. НТ *Медгора* (сокращение от «Медвежья Гора» – название населенного пункта до 1938 года; железнодорожная станция называется так до сих пор) возник самое позднее в 1930-е годы (например, [2; 141])[3] и обусловлен раннесоветской традицией сокращений (аналогичны возникшие в 1930-е годы полуофициальные топонимы *Минводы* ‘Минеральные Воды’, *Совгавань* ‘Советская Гавань’, *Ленобласть* ‘Ленинградская область’, *Севкрай* ‘Северный край’ и др.). По-видимому, по данной инерции образован (хотя и значительно позднее) НТ *Медгорск* ‘Медвежьегорск’; впрочем, здесь возможна контаминация официального названия *Медвежьегорск* и устоявшегося альтернативного *Медгора*.

По аналогичной с *Медгорой* модели образован НТ *Сумпосад*; характерно, что это появившееся в 1930-е годы сокращение оказалось настолько удобным для языковой традиции, что образованное от него прилагательное *сумпосадский* в настоящее время является единственно возможным, например, соответствующее муниципальное образование официально (!) называется *Сумпосадское сельское поселение*[4].

Обозначение Пяозерского *Пяозеро* мотивировано одноименным гидронимом, по которому назван данный поселок. Таким же образом название *Муезерка* мотивировано одноименными рекой и железнодорожной станцией. Насколько можно судить по географическим картам и другим источникам, официально Муезерский так никогда не назывался; до 1965 года, когда данный населенный пункт получил статус рабочего поселка городского типа и стал центром Муезерского района, он был деревней Муезеро (например, [1; 150]). Однако о том, что *Муезерка*

с послевоенного времени является альтернативным названием поселка, свидетельствует то, что в публикациях оно может представляться как официальное (например, атрибуция в академическом издании: «Муезеро (ныне Муезерка) – Муезерский район КАССР» [3; 405]).

В качестве разговорных используются также традиционные (исторические) топонимы. Так, одно из наименований Петрозаводска *Петроской* является кириллическим вариантом финноязычного названия города (карел. *Petroskoi*, буквально ‘Петровский завод’). *Сердоболь* ‘Сортавала’ является старым (а после вхождения в состав Российской империи и до 1918 года – официально закрепленным) русским названием этого города[5]. В Ленинградской области НТ *Рамбов* ‘Ломоносов, бывший Ораниенбаум’ и *Шлюшин* ‘Шлиссельбург’ – искаженные варианты оригинальных (иноязычных) названий, известные с XIX века (а что касается *Шлюшина* – то с XVIII века). В настоящее время они имеют разный статус: *Рамбов* употребляется, в том числе в языке СМИ, как своего рода альтернативное название[6], в отличие от *Шлюшина*, остающегося разговорным, что, вероятно, обусловлено его неблагозвучием, фонетическим сходством с лексемой *шлюха*. В целом использование исторических названий в качестве НТ довольно распространено (к примеру, *Лемберг* ‘Львов’ или *Растяпино* ‘Дзержинск’).

Топонимы-сокращения более характерны для письменной речи и в любом случае восходят к ней. Это могут быть аббревиатуры, как двухбуквенные (*СБ* ‘Сосновый Бор’, *ЛП* ‘Лодейное Поле’), так и трехбуквенные (*ПТЗ* ‘Петрозаводск’, *ВБГ* ‘Выборг’), а также варианты, образованные при помощи сокращения одной из частей (*С. Бор* и орфографические варианты). Иногда употребляющееся написание *Сбор* позволяет говорить уже не столько о сокращении, сколько о стяжении и предполагать, что данный вариант перешел в устную речь и употребляется по аналогии с обычным словом русского языка *сбор*, однако точно это пока не установлено. В любом случае обозначение Петрозаводска *ПТЗ* [Пэтээз], по нашим полевым данным, широко распространено в устной речи петрозаводской молодежи.

Многие НТ, употребляющиеся в разговорной речи, образованы путем усечения (в Карелии: *Конда* ‘Кондопога’, *Коста* ‘Костомукша’, *Петро* и *Петроз* ‘Петрозаводк’, *Сорта* ‘Сортавала’ и *Суо* ‘Суоярви’; в Ленинградской области: *Всев* и *Всева* ‘Всеволожск’, *Подпор* ‘Подпорожье’, *Прио* ‘Приозерск’[7]); в ряде случаев образованный таким образом НТ оказывается омонимичным с другим словом: *Кинг* ‘Кингисепп’ (ср. англ. king ‘король’), *Металл* ‘Металлострой’, что вряд ли случайно. Название Сясьстроя *Сясь* омонимично реке, на которой стоит данный город. В целом это одна из наиболее продуктивных моделей для образования НТ в русском языке, при этом обычно в самостоятельный топоним оформляется первая часть двухчастного (или воспринимаемого как двухчастный) топонима; реже это происходит со второй частью (среди НТ рассматриваемых регионов это *Гоф* ‘Петергоф’). Случай, когда продуцирующими оказываются обе части исходного топонима (*Питка* и *Ранта* ‘Питкяранта’), уникален и, возможно, объясняется равной семантической непрозрачностью для людей, не являющихся носителями финского или карельского языков, и равнозначностью для восприятия обеих частей этого финноязычного топонима (от *pitkä* ‘длинный’, *ranta* ‘берег’) [4; 116]; характерно при этом, что первая часть топонима *Питкя* при усечении топонима преобразуется в *Питка*, адаптируясь таким образом к русской фонотактике, для которой [к’] перед непередними гласными обычно не свойственно.

Вероятно, такой же сложностью произнесения финноязычного названия Лахденпохья объясняются многочисленные варианты неофициального обозначения этого города (*Ландепоха*, *Ландоха*, *Ландохи*, *Ландохья*/*Ландохия*). Финское *lahden* (родительный падеж от *lahti* ‘залив’) [5; 60] по причине сложности произнесения кластера [хд] превращается в более привычное *ланд-* (по аналогии с *ландшафт*). Вторая часть (pohja ‘дно’) может переосмысливаться как имитация суффикса *-ох(а)*: *Ландепоха*, *Ландоха* (по аналогии с *картоха*); вариант *Ландохи* отражает распространенную в русской неофициальной топонимии модель, когда производящий топоним (чаще его первая часть или основа) преобразуется в существительное во множественном числе, иногда с задействованием омонимии, например в Ленинградской области: *Комары* ‘Комарово’, *Серты* ‘Сертолово’, *Бокситы* ‘Бокситогорск’ (в последнем случае примечательно, что употребляющимся ныне НТ становится официальное название населенного пункта до 1935 года).

Значительное число НТ образовано путем усечения основы производящего топонима с суффиксацией. Здесь выделяются следующие модели: а) производный топоним преобразуется в двухсложное слово в мужском роде с ударением на первый слог (реже трехсложное с ударением на второй слог) с суффиксом *-ик*: *Петрик* ‘Петрозаводск’; *Зелик* ‘Зеленогорск’, *Светик* ‘Светогорск’, *Сестрик* ‘Сестрорецк’ (наподобие *Владик* ‘Владивосток; Владикавказ; Владимир’, *Мурик* ‘Мурманск’ и др.); б) в трехсложное слово в женском роде с ударением на второй слог, чаще с суффиксом *-к* (*Медвежка* ‘Медвежьегорск’; *Зелёнка* ‘Зеленогорск’, *Лодейка* ‘Лодейное Поле’ – наподобие *Анжерка* ‘Анжеро-Судженск’, *Магнитка* ‘Магнитогорск’ и др.) либо в двухсложное с ударением на первый слог (*Сяська* ‘Сясьстрой’ – наподобие *Трёшка* ‘Трёхгорный’, *Шимка* ‘Шимановск’); в) в двусложное слово

в мужском роде с ударением на второй слог с суффиксом *-як* (*Сосняк* ‘Сосновый Бор’ – наподобие *Красняк* ‘Красноярск’, *Южняк* ‘Южно-Сахалинск’ и др.); г) в слово с произвольным количеством слогов с суффиксом *-ыг*: (*Мартыга* ‘Мартышкино’ и *Подпорыга* ‘Подпорожье’; аналогов не выявлено).

Большую группу составляют пейоративные НТ, образованные путем семантического изменения производящего топонима. Мотивирующей в данном случае оказывается такая известная в русской традиции метафора провинции, как *дыра*: *Медвеждьедырск* ‘Медвежьегорск’, *Меддыра* < Медгора ‘то же’, *Петрозадырск* ‘Петрозаводск’ (Карелия); *Бокситодырск* ‘Бокситогорск’, *Дыровск* ‘Кировск’ (Ленинградская область).

Некоторые топонимы претерпевают семантическое преобразование путем контаминации со словами, имеющими негативные или сниженные коннотации, либо заменяясь такими словами по причине фонетического сходства. В основном такое преобразование преследует создание комического эффекта. Механизмы создания таких жаргонных НТ различны: это замена буквы (нескольких букв) либо целых частей, а также метатезы, например в Ленинградской области: *Злодейное Поле* ‘Лодейное Поле’, *Злодейка* ‘то же’ < НТ *Лодейка*, *Лоховстрой* ‘Волхов’ (по названию до 1940 года и железнодорожной станции Волховстрой) < *лох* жарг. ‘простодушный человек’, *Гадчина* ‘Гатчина’ < *гад*, *Металлолом* ‘Металлострой’, *Тошно* ‘Тосно’. Иногда сетевые тексты содержат мотивационные объяснения данных НТ: например, Лодейное Поле называют *Злодейным*, поскольку оно не слишком удобно для автостопа (такое же объяснение было дано встретившемуся в единичном тексте НТ *Кингинестоп* ‘Кингисепп’, которое бытовало в среде хиппи в 1980-е годы). Здесь можно провести параллель с фольклором (в частности, с дразнилками, локально-групповыми прозвищами, присловьями и топонимическими преданиями, основанными на народной этимологии), учитывая, применительно к рассматриваемому материалу, что фольклорная традиция часто связывает топоним *Тосно* с наречием *тошно*[8], а соответствующее именование Лодейного Поля восходит к присловью XIX века «Лодейное поле – злодейное поле!», характеризующему, по словам публикатора, «дурные свойства» местных жителей [6; 152].

Еще одна группа НТ образована путем замены либо контаминации производного топонима с иным топонимом, обычно иностранным. Из карельских НТ это *Кондопенгаген* ‘Кондопога’ < Копенгаген и *Коста-дель-Мукша* ‘Костомукша’ < Коста-дель-Соль; из НТ Ленинградской области – *Колпингаген* ‘Колпино’ < Копенгаген, *Рио-де-Шушары* ‘Шушары’ < Рио-де-Жанейро, *Подпарижье* ‘Подпорожье’ < Париж, *Соснобыль* ‘Сосновый Бор’ < Чернобыль, *Тихас* ‘Тихвин’ < Техас и *Тихуана* ‘то же’. Здесь только *Соснобыль* имеет ярко выраженную семантическую нагруженность, отсылая к высокопрецедентному топониму *Чернобыль*: в Сосновом Бору находится Ленинградская АЭС, служащая причиной беспокойства жителей Петербурга и Ленинградской области; остальные НТ такого рода мотивированы прежде всего фонетически, а преобразование преследует создание комического эффекта.

Интересен НТ *Петромагазинск* ‘Петрозаводск’, восходящий к карельской публицистике и отражающий беспокойство от перспективы строительства в городе торгово-развлекательных центров при упадке градообразующего предприятия (например: «Петрозаводск стремительно превращался в Петромагазинск. 300 лет история города была связана с промышленностью. <…> Но столица Карелии стремительно превращается в чиновничье-купеческий город. Вот только есть опасение, что при новой идеологии в городе не нужно столько жителей» («Карельская губерния», 25.07.2007). «Петромагазинск» становится своеобразным жупелом в текстах различных политических организаций – от коммунистов[9] до активистов молодежного движения «Наши», 26 марта 2011 года вывесивших на заборе, ограждающем стройку торгово-досугового центра в Петрозаводске, баннер с лозунгом «Переименуем город в ПЕТРОМАГАЗИНСК!» («Аргументы и факты – Карелия», 30.03.2011). Впрочем, в живой речи (в частности, в сетевом общении) *Петромагазинск* уже используется как самостоятельный НТ.

Далее приведены примеры словарных статей. При атрибуции цитат названия газет приводятся полностью, затем – дата публикации; если текст взят из блога или форума, указывается характер источника, место жительства автора записи (если выявлено) либо территориальная привязка ресурса и год записи (если указан). В цитатах исправляются орфографические и пунктуационные ошибки, кроме особенностей интернет-речи.

ПЕТРОЗАВОДСК

Республика Карелия

1. **ПТЗ**, тж. **Птз**, **птз**. *…Две недели назад никто не знал скромного биолога из ПТЗ…* («Московский комсомолец в Карелии»; 25.03.2009). *В Птз был концерт…* (блог, Петрозаводск, 2007).

2. **Петрик**. *Итак, два близнеца Питер и Петрик справили свое 300-летие…* («Губерния» (Петрозаводск); 01.01.2004).

петриковский. *Все, наверное, знают петриковский кафе-бар «Кивач»* (блог, Петрозаводск, 2008).

3. **Петро** (нескл.). *Пока я разговаривала с братом, почтальонша принесла мне письмо из Швеции, пришедшее через Петрозаводск <…> …Жду вот теперь писем из Швеции или из Петро!* (блог, Петербург, 2007).

4. **Петроской** (от карел. *Petroskoi*). *В Петроской! В Петроской! И душевней, и дешевле!* (блог, Петрозаводск, 2008).

петроскойский. *В этот раз играли наши земляки – петроскойская группа «Myllärit» – что было очень приятно* (блог, 2006).

5. **Петроз**. *...На Кукковке живу. А ты сам из Петроза, что ли?* (форум, 2005). *И вот снова я навострила лыжи в Петроз* (блог, Петербург, 2007).

6. **Петромагазинск**. *Третий день Петромагазинск заваливает снегом...* (блог, Петрозаводск, 2011).

7. **Петрозадырск**. *Оказывается, в нашем Петрозадырске нет ни одного спортивного комплекса, где бы тренировались спортсмены* (блог, Петрозаводск, 2006).

петрозадырский. *...С точки зрения здравого смысла и нынешних реалий «петрозадырской» жизни ты, старина, поступил единственно правильным образом* (форум, Карелия, 2007).

СУМСКИЙ ПОСАД, село

Республика Карелия

Сумпосад. *ООО «Беломорский леспромхоз», созданное два года назад в поморском селе Сумпосад, практически начало работу с нуля* («Карелия» (Петрозаводск), 10.02.2001).

сумпосадский. *Став учителем истории, Зинаида Александровна всю жизнь даёт сумпосадским школьникам, бывшим и нынешним, лучший урок патриотизма* («Беломорская трибуна» (Беломорск), 21.10.2010).

сумпосадцы. *Столетний юбилей своей односельчанки отметили сумпосадцы* («Карелия», 13.11.1999).

БОКСИТОГОРСК

Ленинградская обл.

1. **Бокситы.** *Когда они уехали в Бокситы, то жили сначала на улице Комсомольской...* (сайт «Города Центра России: Бокситогорск», зап. жит. Питкяранты). *Поездка в Бокситогорск оказалась очень плодотворной и приятной. <...> После приезда из Бокситов сразу поспешил к Руслану...* (блог, Санкт-Петербург, 2008).

2. **Бокситодырск**. *У меня в Бокситодырске тоже есть квартира* (блог, 2008).

ЛОМОНОСОВ

Ленинградская обл.

Рамбов. *Подробную... картину происходящего в Рамбове в первые дни весны дает... фоторепортаж с места событий* («Новая газета» (Санкт-Петербург), 11.06.2009).

рамбовский. *Рамбовские обыватели уже извелись...* («Аргументы и факты» (Санкт-Петербрг), 07.05.2003).

рамбовцы. *А сейчас внимание рамбовцев (так называют себя местные жители) приковано к еще одному громкому судебному процессу...* («Новая газета» (Санкт-Петербург), 11.06.2009).

рамбовчане. *...Самые истовые рамбовчане* («Timeout» (Санкт-Петербург)», 03.05.2006).

ТИХВИН

Ленинградская обл.

1. **Тихас**. *Тихас – мой родной город. Вообще-то Тихвин, но мы зовем его Тихасом* (блог, 2010).

тихасцы. *16 самоотверженных тихасцев, отзовитесь!* (блог, Тихвин, 2012).

2. **Тихуана**. *Родной город: Тихвин, Тихас, Тихуана* (блог, личные данные).

* Статья подготовлена в рамках программы ЦГИ РАНХ и ГС и Фонда Михаила Прохорова «Карамзинские стипендии».

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Многочисленные неофициальные названия Санкт-Петербурга в статье не рассматриваются.

[2] Пейоративные варианты, которые допускают вульгарные коннотации, не соответствующие этическим установкам настоящего издания, в статье не рассматриваются.

[3] Зафиксировано также как обозначение исправительно-трудового лагеря «Медвежья гора» [11; 147].

[4] До 1927 года на карте России была Сумско-Посадская волость, входившая в Кемский уезд [12]. Из лингвистических словарей топонимов и оттопонимической лексики катойконим от Сумпосада (в заголовке статьи ошибочно указано: «с. Сумы») *сумпосадцы* приводится лишь в [10; 116] – с пометой *местн.*, на первом месте указаны отраженные преимущественно в литературе XIX века *сумляне*. Прилагательное *сумпосадский* и катойконим *сумпосадцы* при отсутствии других вариантов указаны в [5; 84].

[5] Об исторических вариантах названия см. [4].

[6] Примечательно, что в Ломоносове находится кафе «Рамбов».

[7] Аналогично неофициальное название Приозёрска (Казахстан).

[8] Н. А. Синдаловский приводит предание, герой которого говорил: «Как вспомню Тосно, так на душе тошно» [8; 126], а блогеры русского «Живого журнала», очевидно, основываясь на устной традиции, могут напрямую связывать происхождение названия Тосно с наречием *тошно*: согласно версии, приводимой пользователем stroim_dom (петербуржец, 1951 года рождения), город получил такое название, поскольку Меншикову, проезжавшему там в ссылку, было «тошно» (запись 02.10.2006), а пользователь faez_off (1983 года рождения) вкладывает это слово в уста Екатерины II, которую укачало в повозке (комментарий от 02.10.2007 к записи пользователя pavel_davydov от 01.10.2007). В любом случае это не единственная точка пересечения неофициальной топонимии с фольклорной традицией.

[9] Например, заявление Пресс-группы Карельского рескома КПРФ от 13.01.2009 на сайте КПРФ (http://kprf.ru/rus_soc/62712.html).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Атлас автомобильных дорог СССР. М.: ГУГК МВД СССР, 1960. 165 с.
2. Буданцев С. Ф. Любовь к жизни, 1930–1934. М.: ГИХЛ, 1935. 270 с.
3. Карельское народное поэтическое творчество / АН СССР, Карел. фил., ИЯЛИ; Подгот. и пер. текстов В. Я. Евсеева. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1981. 412 с.
4. Керт Г. М., Вдовицын В. Т. Информационные технологии в исследовании топонимии // Вопросы языкознания. 2005. № 3. С. 102–124.
5. Керт Г. М., Мамонтова Н. Н. Загадки карельской топонимики: рассказ о географических названиях Карелии. Петрозаводск: Карелия, 1982. 109 с.
6. Клементьев А. Народные поговорки о городах и племенах Олонецкого края (Из сборника сочинений учеников Олонецкой гимназии о местном крае, составленного в память 50-летия гимназии) // Олонецкие губернские ведомости. 1873. № 13. С. 151–152.
7. Левашов Е. А. Сортавала: к истории названия // Красное знамя (Сортавала). 1982. 20 сентября. С. 4.
8. Левашов Е. А. Географические названия: Словарь-справочник. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. 604 с.
9. Синдаловский Н. А. Санкт-Петербург: История в легендах и преданиях. СПб.: Норинт, 2002. 477 с.
10. Словарь названий жителей СССР / Под ред. А. М. Бабкина, Е. А. Левашова. М.: Русский язык, 1975. 616 с.
11. Список русских сокращений, применяемых в СССР. Вып. 13. Мюнхен: Ин-т по изучению истории и культуры СССР, 1954. 304 с. (Исслед. и материалы. Сер. 1. № 13).
12. Территориальное и административное деление Союза ССР на 1-е января 1926 года. М.: Изд-во Гл. управления коммун. хоз-ва НКВД, 1926. 284 с.

Akhmetova M. V., State Republic Center of Russian Folklore (Moscow, Russian Federation)

INFORMAL TOPONYMY OF RUSSIAN NORTH (KARELIA AND LENINGRAD REGION) IN ELECTRONIC RESOURSES

Based on the study of the Internet resources and fiction, materials for a dictionary of contemporary informal toponyms of Russia and neighboring countries are presented. The main models of their formation were revealed with the help of the obtained corpus of toponyms. According to these models, some variants were experimentally constructed from other place names. For example, one of the most popular model is a stem reduction in a toponym and affixation with the suffix *-ik* (f. e. *Petrik* ‘Petrozavodsk’). According to this model, variant *Svetik* was constructed for Svetogorsk; the usage of this word was verified by the Internet sources, hence the word was included into the dictionary. The article provides some examples of informal names of places found in two regions of the Russian North: the Republic of Karelia and the Leningrad region. Some of them are almost formal (f. e. *Medgora* ‘Medvezhyegorsk’), some are colloquial (historical, such as *Rambov* ‘Lomonosov, former Oranienbaum’ and recent, such as *Petrik* ‘Petrozavodsk’), some are pejorative (f. e. *Medvezhyedyrsk* ‘Medvezhyegorsk’, motivated by Russian word ‘*dyra’*, which in Russian language has a figurative meaning ‘backwoods’). Informal toponyms constitute a particular group. They are formed by the replacement or contamination with other toponym, usually foreign (f. e. *Kondopengagen* ‘Kondopoga’ < Copenhagen, or *Tihuana* ‘Tikhvin’ < Tijuana).

Key words: toponymy, onomastics, Karelia, Leningrad region, informal speech, slang, lexicography, informal toponyms

REFERENCES

1. *Atlas avtomobil’nykh dorog SSSR* [Road Maps of the USSR]. Moscow, Head Office of Geodesy and Cartography, Soviet Interior Ministry, 1960. 165 p.
2. Budantsev S. F. *Lyubov’ k zhizni, 1930–1934* [Love for Life, 1930–1934]. Moscow, GIHL Publ, 1935. 270 p.
3. Karelian Folk Poetry [*Karel’skoe narodnoe poeticheskoe tvorchestvo*] / Academy of Sciences of the USSR, Karelian Branch, Institute of Language, Literature and History; Prep. and transl. V. Ya. Evseev. Leningrad, Nauka, Leningr. otd-nie Publ., 1981. 412 p.
4. Kert G. M., Vdovitsyn V. T. Information Technologies in Studying Toponymy [Informatsionnye tekhnologii v issledovanii toponimii]. *Voprosy yazykoznaniia* [Problems of Linguistics]. 2005. № 3. P. 102–124.
5. Kert G. M., Mamontova N. N. *Zagadki karel’skoy toponimiki: rasskaz o geograficheskikh nazvaniyakx Karelii* [Riddles of Karelian Toponymy: the Story of the Place Names of Karelia]. Petrozavodsk, Karelia Publ., 1982. 109 p.
6. Klement’ev A. Folk Sayings about Cities and Nations of Olonets Region (From Collection of Works about the Region by Pupils of Olonets Gymnasia, Composed in Memory of the 50th Anniversary of Gymnasia) [Narodnye pogovorki o gorodakh and plemenakh Olonetskogo kraya (Iz sbornika sochineniy uchenikov Olonetskoy gimnazii o mestnom krae, sostavlennogo v pamiat’ 50-letiya gimnazii)]. *Olonetskie gubernskie vedomosty* [Gazette of Olonets Province]. 1873. № 13. P. 151–152.
7. Levashov E. A. Sortavala: To the History of the Name [Sortavala: k istorii nazvaniya]. *Krasnoe znamya* [Red Banner]. Sortavala. 1982. 20 Sept. P. 4.
8. Levashov E. A. *Geograficheskie nazvaniya: Slovar’-spravochnik* [Place Names: Reference Dictionary]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2000. 604 p.
9. Sindalovskiy N. A. *Sankt-Peterburg: Istoriya v legendakh i predaniyakh* [St. Petersburg: History in Legends]. St. Petersburg, Norint Publ., 2002. 477 p.
10. Dictionary of Names of Citizens of the USSR [*Slovar’ nazvaniy zhiteley SSSR*]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1975. 616 p.
11. List of Russian Abbreviations used in the USSR [*Spisok russkikh sokrashcheniy, primenyaemykh v SSSR*]. Is. 13. Munich, Institute for Studying History and Culture of the USSR, 1954. 304 p.
12. Territorial and Administrative Division of the USSR on the 1st January 1926 [*Territorial’noe i administrativnoe delenie Soyuza SSR na 1-e yanvarya 1926 goda*]. Moscow, Publ. of the Main Directorate of Public Utilities of the People’s Commissariat of Internal Affairs, 1926. 284 p.

Поступила в редакцию 01.02.2012

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Май, № 3 **Филология** **2013**

УДК 821.161.1=31

ТАТЬЯНА АЛЕКСАНДРОВНА СНИГИРЕВА
доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы XX и XXI веков Института гуманитарных наук и искусств, Уральский федеральный университет (Екатеринбург, Российская Федерация)
tas0905@rambler.ru

АЛЕКСЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ПОДЧИНЕНОВ
кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы Института гуманитарных наук и искусств, Уральский федеральный университет (Екатеринбург, Российская Федерация)
alex.podchinenov@usu.ru

СИСТЕМА НАЦИОНАЛЬНЫХ ЗЕРКАЛ В ТВОРЧЕСТВЕ Б. АКУНИНА

Статья посвящена характеру художественной репрезентации национального дискурса в творчестве Б. Акунина. Материалом для анализа стал литературный проект «Приключения Эраста Фандорина» с активным подключением эссеистики писателя и его книги «Любовь к истории». Основные уровни исследования проблемы национального в романах писателя следующие: мировоззренческий (система достраивания национального мифа); сюжетно-композиционный, в рамках которого рассмотрена и конфликтология, основанная на принципиальном неузнавании и непонимании наций друг другом; персонажный и языковой уровни с точки зрения их национальной / инонациональной маркированности. В результате показано, какими приемами писатель пользуется, ставя в своих романах нации в ситуацию культурного диалога, выявляя тем самым их самобытность и одновременно штампы и стереотипы этой самобытности.

Ключевые слова: рациональная идентичность, национальные барьеры восприятия, национальные зеркала, культурный диалог

Борис Акунин относится к тем современным писателям, для которых проблемы национальной принадлежности и национального *modus vivendi* являются важнейшими и так или иначе непосредственно представленными в творчестве: от знаменитого литературного проекта «Приключение Эраста Фандорина» до книги-блога «Любовь к истории». Особый путь России, «тайна русского характера», предопределенность трагизма русской истории, особое географическое положение, парадоксально соединяющее азиатчину и европеизм, – все названные вопросы находятся в центре внимания филолога, переводчика, автора книги «Писатель и самоубийство», публицистического эссе «Но нет Востока и Запада нет (о новом андрогине в мировой литературе)», ныне уже и оппозиционного политика, а также автора романов (подписанных и Б. Акуниным, и А. Брусникиным, и А. Борисовой[1]), которые «могут примирить с коммерческим письмом любителей изящества и словесности» [1; 2].

В силу особенностей своего происхождения (грузин по отцу и еврей по матери), своего воспитания (русская культура), своего образования (английская школа, историко-филологическое отделение Института стран Азии и Африки), своей первоначальной профессии (историк-японовед, переводчик с японского и английского языков) Б. Акунин не мог не обратиться к проблеме национальной идентичности во всей ее сложности и противоречивости. Он любит повторять: «Я космополит, поскольку охотно и даже жадно впитываю извне любые новшества и культурные влияния, которые мне по душе. Я патриот и даже империалист в том, что касается экспансии русской литературы (поскольку лицо заинтересованное)» [8; 281].

Б. Акунин – писатель, остро ощущающий свою безусловную принадлежность русской культуре, пишущий по-русски, но всегда помнящий о своей некой «инаковости», что дает ему возможность осмыслять русскую ментальность, характер, историю, судьбу и место России в мире по крайней мере с двух позиций: изнутри, несколько отчужденно-отстраненно и с художественной точки зрения отстраненно.

Писатель в свойственной ему манере выполняет те функциональные задачи, что были всегда свойственны русской литературе: «Как известно, русская культура литературоцентрична; поэтому репрезентации национального дискурса принадлежит особая роль, она становится одной из ведущих составляющих в саморефлексии нации и конструировании национального воображаемого. В этом смысле можно говорить о нескольких основных функциях литературы в моделировании национального сообщества. Во-первых, это функция идентификации, в этом случае литература наряду с другими стандартизированными элементами культуры выступает маркером национальной самоидентификации. Второй функцией литературы становится соб-

© Снигирева Т. А., Подчиненов А. В., 2013

ственно формирование элементов национального воображаемого (в этом случае они могут носить трансляционный характер), а в определенные периоды целостной системы национальной семиосферы» [1; 6].

Б. Акунин ставит в своих романах нации перед лицом друг друга, выявляя их самобытность или штампы и стереотипы этой самобытности. Но в книге «Любовь к истории» он прежде всего ставит Россию перед собственным мировоззренческим зеркалом, в результате чего в жестко-публицистической манере обрисовывает систему «черт русской ментальности по Акунину». Обращая внимание на отсутствие в русском языке у глагола «победить» будущего времени в единственном числе, писатель видит «в этой загадочной прорехе», во-первых, признак национального пессимизма, во-вторых, неверие в силы одного отдельно взятого человека, причем «не кого-то там (“он” или “она” запросто “победит”) и не коллектива (“мы победим”, это без вопросов), а неверие лично в себя» [8; 59]. Б. Акунин склонен отдать первенство в русской душе «карамазовщине», но не «обломовщине»: «С легкой руки Достоевского, который сложил химическую формулу “истинной русскости” из трех главных ингредиентов (Митино “Широк человек”, Иваново “Если Бога нет”, Алешина “Слеза ребенка”) и, во имя объективности, кинул в этот гремучий раствор горстку федоркарамазовской грязи и щепотку смердяковщины, весь мир вот уже 130 лет спорит, какой из карамазовских компонентов нашего нацхарактера самый русский. Разумеется, лидирует Митя с его безудержностью в высоком и низком, хорошем и плохом» [8; 185]. Карамазовская триада «Удаль. Умничество. Духовность», предполагающая «отсутствие чувства меры», по Акунину, «действительно является международно констатированной (и не отрицаемой нами) типообразующей чертой т. н. Русской Души… В отечественной истории этот атрибут национального своеобразия не раз бросал страну из одной крайности в другую: уж коли свобода, то полный хаос, уж если порядок – то автократия или диктатура» [8; 185–186]. С точки зрения писателя, «оборотные стороны отсутствия чувства меры – дубовая упертость и героическая стойкость» [8; 186]. Б. Акунина интересует то, как самоидентифицирует себя русский человек, с непременностью выделяя такие качества, как сердечность, душевность, открытость, простоватость, доброта. Уже в своем романном творчестве он позволяет себе (не без иронии) «разыграть» уверенность русских в своей особой сердечной душевности. Так, в «Коронации, или Последнем из романов» Зюкин, будучи лакеем, сравнивает себя с англичанином Фрейби, находящемся в этой же должности: «…я задумался о том, что английские батлеры, конечно, всем хороши и свое дело знают, но кое-чему у нас, русских служителей, все же могли поучиться. А именно – сердечности. Они просто обслуживают господ, а мы их еще и любим. Как можно служить человеку, если не испытываешь к нему любви? Это уже какая-то механистика получается, будто мы не живые люди, а автоматы. Правда, говорят, что английские дворецкие служат не господину, а дому – подобие кошек, привязываются не столько к человеку, сколько к стенам. Если так, то этакая привязанность не по мне» [5; 24].

Такие качества русских, как вороватость и незаконопослушность, писатель склонен рассматривать «как защитную реакцию русского человека на недружественность государства» [8; 280]. Более того, Акунин не преминет подчеркнуть уникальную странность русских – некую гордость за свои недостатки. Так, будучи в Англии, Зуров с удивлением и гордостью замечает: «У нас бесприютную кобылу в два счета бы увели, а здешний народ квелый, нерасторопный. Не додумались» [5; 50]. Или читаем в другом романе: «Опасное место. Это вам не парижские тайны, а Хитровка. Чикнут ножиком, и поминай как звали» [6; 147]. Парадоксальная мысль о том, что «наше» преступление «человечнее» иноземного, постоянно варьируется в текстах писателя. Например, в повести-триллере «Декоратор», в которой автор делает допуск, альтернативный общепринятой точке зрения: Джек-потрошитель становится под его пером русским по происхождению, есть следующий пассаж о том, что в России «режут, но не так»: «…тут не обычным христианским злодейством пахнет. Во всех этих потрошениях чувствуется дух изуверский, ненашенский. Православные много свинства творят, но не этак. И не надо нести чушь про лондонского Джека, который якобы был русским и теперь вернулся позабавиться на родных просторах» [3; 250].

Наконец, Б. Акунин сортирует «вехи отечественной истории по одному главному параметру: способствовало то или иное историческое событие прогрессу ЧСД (чувство собственного достоинства) в соотечественниках либо же понизило эту характеристику, которая… явственней всего определяет качество всякого народа» [8; 134]. Причем «имеется в виду качество не отдельных людей, а общества в целом: способность к самоорганизации и самодисциплине, законопослушность, трудовая и бытовая этика» [8; 292]. И в этом смысле для писателя Россия – «троечница, Япония – пятерочница».

У Акунина нет ни одного текста, в котором Россия и русский человек не представали в зеркале чужой национальной оценки, и формулой ее может быть фраза из романа «Нефритовые четки»: «На странице иностранной хроники много писали о России – как обычно, неприятное» [7; 271]. Россия в зеркале всего мира выгля-

дит весьма огорчительно для русского человека. Прежде всего, она воспринимается как явная угроза для всех, о чем прямо в минуту предгибельной откровенности говорит турок Анвар: «Ваша огромная держава сегодня представляет главную опасность для цивилизации. Своими просторами, своим многочисленным, невежественным населением, своей неповоротливой и агрессивной государственной машиной» [2; 94]. Не менее определенен англичанин Реджинальд Милфорд-Стоукс: «Вы знаете, Эмили, как я отношусь к России, этому уродливому наросту, накрывшему половину Европы и треть Азии. Россия норовит распространить свою пародирующую христианство религию и свои варварские обычаи на весь мир, и Альбион – единственная преграда на пути сих новых гуннов» [4; 50]. В романах Акунина постоянно варьируется мысль о том, что Россия воспринимается как страна не только опасная, но и непонятная, отклонившаяся от нормы: «Должно быть, он (Фандорин. – *Т. С., А. П.*) принадлежит к тому сословию, которое в России называется итальянским словом intelligenzia, кажется, подразумевая образованный европейский класс. Согласитесь… что общество, в котором европейский класс выделяется в особую прослойку населения и при этом именуется иностранным словом, вряд ли можно причислить к разряду цивилизованных» [4; 51]; «Я думал, русский сошел с ума, все знают, что русские очень эксцентричны» [4; 244]. Даже особая роль литературы в России может восприниматься как отклонение от нормы: «Хорошая литература, не хуже английской или французской. Но литература – игрушка, в нормальной стране она не может иметь важного значения» [2; 196]. Восприятие «русской угрозы» и «русской непредсказуемости» отчасти разделяется автором, но (вспомним: «Я патриот и даже империалист в том, что касается экспансии русской литературы») для Акунина и его любимого героя особая роль литературы в России коренится в ее географическом, природном, историческом, душевном естестве: «Ездоки санного поезда предавались двум извечным российским удовольствиям – дорожному пению и дорожной беседе. Эрасту Петровичу подумалось: уж не из этого ли корня произрастает вся отечественная словесность, с ее неспешностью, душевными копаниями и беспредельной раскрепощенностью мысли? Где еще мог почувствовать себя свободным житель этой несвободной страны? Лишь в дороге, где ни барина, ни начальника, ни семьи. А расстояния огромны, природа сурова, одиночество беспредельно. Едешь в телеге – сердце щемит, мыслям привольно. Как человеку с человеком не поговорить? <…> Иссякнут темы для разговоров – самое время затянуть песню, и тоже длинную, протяжную, да с немудрящей философией: про черного ворона, про двенадцать разбойников или про догорающую лучину» [7; 484].

Художественный мир Акунина никогда не бывает мононационален. И дело не только в географической широте и свободе его художественного пространства: от Москвы, Петербурга, русского провинциального Заволжска, русского староверческого Севера до Англии, Франции, Японии, Германии, Швейцарии, Болгарии, Америки, Турции, Азербайджана и т. д. Дело в том, что Акунин любит разыгрывать «национальную карту» буквально на всех уровнях текста. И здесь возникает, наряду с авторским мировоззренческим и «цивилизационным» зеркалами, в которых отражена Россия, еще одна система национальных зеркал. Ее создают и в нее «вглядываются» фактически все народы и категорически не узнают себя при полной уверенности в том, что их собственное оценочное зеркало, в котором проступает лицо другой нации, не искажает действительные черты «другого». Причем эта «взаимонеузнаваемость» наций под пером Акунина становится все резче, что вынуждает писателя в своем последнем романе «Черный город» сделать предуведомление «От автора (во избежание недоразумений)», напечатав его на авантитуле: «Я с совершенно одинаковой симпатией отношусь и к азербайджанцам, и к армянам, глубоко уважаю обе эти нации и продолжаю надеяться, что они помирятся» [9; 1].

Б. Акунин – всеми признанный стилист. В аннотациях к изданиям фандоринского проекта обращается внимание на то, что они написаны «чистым филигранным русским языком» [5; 4]. Стилизаторская филигранность текста Акунина безусловна, но «чистота» русского языка всегда оттенена, разбавлена и подчеркнута иноязычием самого разного свойства и характера вплоть до того, что редко кто из героев говорит правильным русским языком. Тексты Акунина буквально переполнены фразами на французском, немецком, японском, турецком, азербайджанском, армянском и требуют специального перевода в сносках. Часто употребляются иностранные слова, «вкрапленные» в русскую речь и переведенные в самом тексте. В романах писателя звучит «плохой русский», «плохой немецкий», «плохой английский», «плохой французский». Одной из резких черт Фандорина (наряду с ранней сединой при молодом лице) становится заикание. Дворецкий Зюкин, для которого Фандорин так и остался «странным и неприятным господином», делает весьма любопытное заключение по этому поводу: «Я и раньше замечал, что, говоря на иностранных языках, Фандорин совершенно не заикается, но у меня не было времени задуматься над этим удивительным феноменом. Судя по всему, его недуг – а я читал, что заикание является именно психическим недугом, – каким-то образом был связан с изъяснением по-русски.

Уж не сказывалась ли в этом спотыкании на звуках родной речи скрытая враждебность к России и всему русскому?» [5; 386]. Впрочем, Зюкин, решительно отделяющий себя от «этого» народа, столь же мало русский, как и Семья, которой он служит: «Наверное, я вовсе ничего не чувствовал. Очевидно, со мной произошла своего рода paralysie emotionnelle (далее в тексте дается сноска: «Эмоциональный паралич» (*фр*). – *Т. С., А. П.*) – не знаю, как сказать по-русски» [5; 431].

Сродни языковой игре игра, воплощенная в поэтике названий. При наличии в творчестве писателя названий, прямо или косвенно указывающих на «русскость» текста («Статский советник», «Особые поручения»), немало и таких, что содержат прямой иноземный («Нефритовые четки», «Коронация») или общекультурный акцент («Азазель», «Смерть Ахиллеса») или прямо вводят инонациональный сигнал – «Турецкий гамбит». В сборнике новелл «Нефритовые четки» принцип национального смешения особо очевиден, поскольку уже в самих названиях репрезентировано несколько культур. «Сигумо», «Table-talk 1882 года», «Чаепитие в Бристоле» – прямая национальная маркировка; «Долина мечты» (американская мечта) и «Перед концом света» (русская эсхатология) – косвенная. «Скарпея Баскаковых» – узнаваемость классической «Собаки Баскервилей», перенесенной на русскую почву. «Узница башни, или Краткий, но прекрасный путь трех мудрых» – указание и на «Узника замка Иф», и на бесконечные легенды, в том числе русские, о прекрасной узнице, и на мудрые притчи Востока.

Б. Акунин любит смешивать два традиционных сюжета: «приключения иностранцев в России» и «русский за границей». Зачастую героям его романов нужно выбрать и разоблачить один из двух заговоров: нигилистический (= революционный) или международный. Предпочтение чаще отдается второму, поскольку он является более всего национально маркированным. Типично русского героя в общепринятом смысле у Акунина почти нет. «Типично русский», с точки зрения писателя, тот, кто соединил в себе несколько кровей и обладает той способностью, которую Достоевский определил как «всемирная отзывчивость». Таков Фандорин, род которого ведется от Фон Дорна. Герой, как и его создатель, уже в четвертом романе литературного проекта («Смерть Ахиллеса») становится япономаном, что, впрочем, не исключает улыбки автора, в какой-то степени оборачивающейся и самоиронией. Так, начав расследование загадочной гибели Белого генерала, Фандорин пытается сконцентрироваться согласно воспринятой им в Японии системе. В описании этого непростого процесса есть деталь, которая переводит ситуацию в иронический модуль: «Взгляд коллежского асессора был устремлен на собственный живот, если точнее – на нижнюю пуговицу вицмундира. Где-то там, под золотым двуглавым орлом, располагалась магическая точка тандэн, источник и центр духовной энергии» [6; 24]. Один из постоянных оборотов речи Фандорина связан с отсылкой отнюдь не к православным основам этики: «Как сказал Конфуций, благородный муж должен сам нести ответственность за свои ошибки» [6; 235]; «Хороши государственные интересы, если честного работника сначала превращают в бессмысленный винтик, а потом и вовсе собираются уничтожить. Читайте Конфуция, господа блюстители престола. Там сказано: благородный муж не может быть ничьим орудием» [6; 424]. Но Акунин не преминет вернуть своего героя к русской ментальности и русским бесшабашным поступкам (хотя, на первый взгляд, это противоречит логично-рассудочному характеру Фандорина): «В голове мелькнула истинно российская, абсолютно неконфуцианская максима “эх, была не была!”, и Фандорин бесстрашно ринулся навстречу самому рискованному приключению всей своей жизни» [7; 445].

Национальные кросс-образы, являющиеся, как правило, героями положительными, противостоят всегда отрицательным героям-космополитам, преступникам-убийцам. Такова международная авантюристка, убийца Рената Клебер («Левиафан»). Таков профессиональный убийца Ахимас Вельде («Смерть Ахиллеса»). Акунин непременно и в портретной характеристике подчеркнет невозможность хотя бы приблизительно установить национальные корни. Вот, к примеру, описание Ахимаса: «По виду не то британский лорд, не то современный предприниматель – новая космополитическая порода, начавшая задавать тон и в Европе, и в России» [6; 337]. По Акунину, Ахимас становится профессиональным убийцей, поскольку у него было три бога и три языка (смесь голландского с немецким – от отца, чеченский – от матери, русский – от среды, в которой вращался). В результате Ахимас остался без Бога («Бога нет») и без языка («молитвы – глупость»). И в этом Акунин видит причины абсолютного пренебрежения своего героя к чужой жизни.

С точки зрения современного писателя, языковые, визуально-антропологические, физиологические, бытовые барьеры – следствие инаковости ментального характера. Барьер чужого, вплоть до чуждого, сознания порождает комический, но чаще трагикомический конфликт, непреодолимый для массового сознания.

Принцип зеркальности построения текста при изображении конфликта национального непонимания и как следствие – неприятия «чужого» становится ведущим. Например, японец Гинтаро Аона глазами француза «папаши Гоша» представлен так: «Вообще же дикарь дикарем. В салоне обмахивается ярким бумажным вее-

ром, будто педераст из развеселых притонов на рю Риволи. По палубе разгуливает в деревянных шлепанцах, хлопчатом халате и вовсе без панталонов. Гюстав Гош, конечно, за свободу, равенство и братство, но все-таки не следовало такую макаку в первый класс садить» [4; 25]. А в восприятии японца «типичной» англичанкой вообще недвусмысленно ощутим привкус расизма: «Вот он, подлинный лик улыбчивого азиата. Человек с таким застывшим, безжалостным лицом способен на что угодно. Все-таки представители желтой расы не такие, как мы, – и дело вовсе не в разрезе глаз. Внешне очень похожи на людей, но они совсем другой породы. Ведь волки тоже похожи на собак, но естество у них иное. Конечно, у желтокожих есть своя нравственная основа, но она до такой степени чужда христианству, что нормальному человеку постичь ее невозможно. Лучше бы уж они не носили европейского платья и не умели обращаться со столовыми приборами – это создает опасную иллюзию цивилизованности, а на самом деле под прилизанным черным пробором и гладким желтым лбом творится такое, что нам и вообразить трудно» [4; 137].

Но не менее остра, открыто физиологична модель восприятия японцем европейцев: «Семь лет жизни среди рыжеволосых варваров так и не приучили меня к некоторым их отвратительным привычкам. Когда я вижу, как утонченная Клебер-сан режет ножом кровавый бифштекс и потом облизывает розовым язычком покрасневшие губы, меня начинает тошнить. А эти английские умывальники, в которых нужно затыкать слив пробкой и мыть лицо в загрязненной воде! А кошмарная, выдуманная извращенным умом одежда! <…> Мои чуткие ноздри очень страдают от запаха европейского пота – острого, масляно-мясного. Ужасна также привычка круглоглазых сморкаться в носовые платки, класть их вместе с соплями обратно в карман, снова доставать и снова сморкаться!» [4; 110–111].

Роман «Левиафан», цитаты из которого приведены, занимает в фандоринском проекте жанровую ячейку «герметичный детектив» и фактически становится писательским экспериментом, который связан с проблемой национальной и инонациональной идентификации. Система зеркал в закрытом пространстве расставлена весьма жестко: на одном полюсе – русский, на другом – японец. Французы, англичане и сын раджи и французской танцовщицы оказываются внутри русско-японского экрана.

Помещая героев «Левиафана» в салон «Виндзор», Б. Акунин сразу же начинает играть с национальной атрибутикой, поскольку Виндзор («Бархат здесь был золотисто-коричневого оттенка, а на льняных салфетках красовался виндзорский герб» [4; 23]) – резиденция английской королевы, но «Левиафан» – совместный англо-французский проект, посему конфликт «лягушатники – островитяне» становится внешним конфликтом развития интриги и как бы подсвечен откровенно иронической авторской интенцией. Такова сцена спора представителей полиции о том, кем – англичанами или французами – будет казнен преступник (ситуация приобретает особый комизм еще и благодаря тому, что истинные преступники присутствуют при этом споре). Гош считает, что улик «более чем достаточно для того, чтобы любой суд присяжных отправил голубчика на гильотину.

Инспектор Джексон внезапно качнул головой и буркнул:

– To the gallows.

– Нет, на виселицу, – перевел Ренье.

Ах, англичанин, черная душа! Вот пригрел змею на груди!

– Но позвольте, – закипятился Гош. – Следствие вела французская сторона. Так что парень пойдет на гильотину!

– А решающую улику, отсутствие скальпеля, обнаружила британская. Он отправится на виселицу, – перевел лейтенант.

– Главное преступление совершено в Париже! На гильотину!

– Но лорд Литтлбли – британский подданный. Профессор Свитчайлд тоже. На виселицу» [4; 215].

Та же гротескная ситуация возникает при дележе не найденного еще сокровища. Точка зрения англичанина: «Действительно, цивилизация только выиграла бы, если бы такая фантастическая сумма обогатила нашу казну. Ведь Британия – самая передовая и свободная из стран земного шара. Все народы только выиграли бы, если бы стали жить по британскому образцу» [4; 306]. Точка зрения француза: «Вы, англичане, никогда не были европейцами. Интересы Европы вам чужды и непонятны» [4; 306]. Бесплодное препирательство, инициированное ложным патриотизмом, разрешило Фандорину, после того как он сознательно позволил платку-ключу к несметным богатствам улететь в море, иронически завершить спор: «Сколько денег утонуло! Теперь ни Британия, ни Франция не смогут диктовать миру свою волю. Какое несчастье для цивилизации. А ведь это целых полмиллиарда рублей. Хватило бы, чтобы Россия выплатила весь своей внешний д-долг» [4; 307].

Но конфликт взаимного англо-французского неприятия моментально снимается, когда европейское начинает противостоять азиатскому. Б. Акунин доводит ситуацию неприятия другого до гротескного абсурда, когда Гош, предположив, что японец и есть чудовищный убийца, при сочувствии «Виндзора» восклицает: «Я, господа, имею немалый опыт общения с подонками общества. Сгоряча наш бандюга может и младенца в камин бросить, но чтобы вот так, с хо-

лодным расчетом, недрогнувшей рукой… Согласитесь, господа, это как-то не по-французски и вообще не по-европейски» [4; 207]. Парадоксальная мысль о том, что «наше» преступление «человечнее», оказывается, характерна не только для русских.

По принципу зеркальности изображения неприятия национально чужого может быть выстроена целая сцена, и тогда абсурдность и непреодолимость барьеров восприятия «другого» становится особо очевидной. Такова сцена дуэли в романе «Смерть Ахиллеса», в которой Маса выступает в роли секунданта Фандорина: «Появление секунданта оскорбленной стороны произвело изрядный эффект. Ради поединка, до которых Маса был большой охотник, он вырядился в парадное кимоно с высокими накрахмаленными плечами, надел белые носки и перепоясался своим лучшим поясом с узорами в виде ростков бамбука.

– Это еще что за макака! – невежливо изумился Эрдели, – впрочем, плевать. К делу!

– Опять на пистолетах? – разочарованно спросил Маса. – Что за варварский обычай. И кого же вы убьете? Того волосатого человека? До чего же он похож на обезьяну» [6; 42].

Б. Акунин не устает под разной оптикой показывать ярмарку национального тщеславия, но убежден в том, что интеллектуальность и аналитизм могут снять комплекс инонационального неприятия. Если вспомнить классификацию трех типов мироотношения М. Вебера[2], то Фандорину свойственны все три типа человеческой деятельности по отношению к миру. Приспособление к миру – это способность героя понимать «другого»; бегство от мира – это его постоянные и чаще всего внешне вынужденные и внутренне необходимые отъезды из России; овладение миром – это владение ситуацией и обстоятельствами. Фандорин нередко использует психологически самый простой путь: приспособить «чужого», поглотить его по формуле «он, как мы» или, точнее, «он – почти как мы»: «Русский дипломат – человек глубокого, почти японского ума. Фандорин-сан обладает неевропейской способностью видеть явление во всей его полноте, не увязая в мелких деталях и технических подробностях. Европейцы – непревзойденные эксперты во всем, что касается ***умения***, они превосходно знают ***как***. Мы же, азиаты, обладаем мудростью, ибо понимаем, ***зачем***» [4; 122].

Другой путь – не приспособить, но понять другого, именно тогда начинает работать формула «он, как я». Название книги «Нефритовые четки», объединяющее десять новелл, чрезвычайно полисемантично: от бытового контекста (любимые четки Фандорина) до национально-исторического (каждая четка – народ со своим укладом и этническими традициями и заблуждениями) и философского (только собранные в одну нить, они символизируют гармоническую целостность мира, которую может постичь и чувство, и ясная просветленная мысль). Фандорин, обладатель четок, приходит к знанию о том, что только собранные вместе, но, оставаясь сами по себе, нации могут сохранить цивилизованный статус человечества. Именно поэтому любимый герой Б. Акунина из российского сыщика становится человеком мира, который способен навести порядок, восстановить справедливость, разоблачить преступника и в Йокогаме, и в Рио-де-Жанейро, и в Москве, в том числе в одном из центров преступного мира – Сухаревке, и в Бристоле, и в американском салуне, и в староверческом скиту, и в английском замке, и в русской дворянской усадьбе.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Об игре Г. Ш. Чхартишвили своими псевдонимами см. подробнее в статье М. А. Черняк [12].

[2] М. Вебер считал, что конфуцианскому и даосистскому мироотношению соответствует состояние приспособления к миру, индуистскому и буддистскому – бегство от мира, иудаистскому и христианскому – овладение миром [11].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. А к у н и н Б. Азазель. М.; Назрань: Захаров: АСТ, 2000. 237 с.
2. А к у н и н Б. Турецкий гамбит. М.: Захаров, 2000. 222 с.
3. А к у н и н Б. Декоратор // Акунин Б. Особые поручения. М.: Захаров, 2005. С. 157–350.
4. А к у н и н Б. Левиафан. М.: Захаров, 2005. 319 с.
5. А к у н и н Б. Коронация, или Последний из романов. М.: Захаров, 2006. 447 с.
6. А к у н и н Б. Смерть Ахиллеса. М.: Захаров, 2007. 428 с.
7. А к у н и н Б. Нефритовые четки. М.: Захаров, 2009. 703 с.
8. А к у н и н Б. Любовь к истории. М.: ОЛМА МЕДИА Групп, 2012. 304 с.
9. А к у н и н Б. Черный город. М.: Захаров, 2012. 368 с.
10. Б р е е в а Т. Н. Национальный миф в русском историософском романе рубежа XX–XXI веков. Казань: Казанский гос. ун-т, 2010. 272 с.
11. В е б е р М. Избранное. Образ общества. М.: Юрист, 1994. 704 с.
12. Ч е р н я к М. А. Акунин: перезагрузка образца 2012 года (к вопросу о ревизии ценностей) // Культ-товары XXI века: ревизия ценностей (масскультура и ее потребители). Екатеринбург: Изд. дом «Ажур», 2012. С. 84–96.

Snigireva T. A., Ural Federal University (Ekaterinburg, Russian Federation)
Podchinenov A. V., Ural Federal University (Ekaterinburg, Russian Federation)

SYSTEM OF NATIONAL MIRRORS IN WORKS BY BORIS AKUNIN

The article deals with the nature of artistic representation of a national discourse in Boris Akunin's work. The literature project "The Adventures of Erast Fandorin" was used as a material for an in-depth and comprehensive analysis. The essays of the writer and his book "Love for History" were also included into the study. The main levels at which the problem is studied are the following: coherent world view (the system of national myth completion); subject-composition, based on the principle of not-recognizing and national misunderstanding of each other; characters and language, from the point of view of their origin / borrowed ethnical identity. Techniques that the author used to confront nations, by this revealing their unique identity as well as stereotypes, are revealed.

Key words: national identity, national barriers of perception, national mirrors, cultural dialogue

REFERENCES

1. A k u n i n B. *Azazel'* [Azazel]. Moscow; Nazran', Zaharov Publ.: AST Publ., 2000. 237 p.
2. A k u n i n B. *Turetskiy gambit* [Turkish Gambit]. Moscow, Zakharov Publ., 2000. 222 p.
3. A k u n i n B. Dekorator [Decorator]. Akunin B. *Osobye porucheniya* [Special assignments]. Moscow, Zakharov Publ., 2005. P. 157–350.
4. A k u n i n B. *Leviafan* [Leviathan]. Moscow, Zakharov Publ., 2005. 319 p.
5. A k u n i n B. *Koronatsiya, ili Posledniy iz Romanov* [Coronation, or the last of the novels]. Moscow, Zakharov Publ., 2006. 447 p.
6. A k u n i n B. *Smert' Akhillesa* [Death of Achilles]. Moscow, Zakharov Publ., 2007. 428 p.
7. A k u n i n B. *Nefritovye chetki* [Jade beads]. Moscow, Zakharov Publ., 2009. 703 p.
8. A k u n i n B. *Lyubov' k istorii* [The Love for History]. Moscow, OLMA MEDIA Grupp Publ., 2012. 304 p.
9. A k u n i n B. *Chernyy gorod* [Black City]. Moscow, Zakharov Publ., 2012. 368 p.
10. B r e e v a T. N. *Natsional'nyj mif v russkom istoriosofskom romane rubezha XX–XXI vekov* [National Myth in Russian historiosophical novel of XX–XXI centuries]. Kazan, Kazan. Gos. Univ., 2010. 272 p.
11. V e b e r M. *Izbrannoe. Obraz obshchestva* [Favorites. The image of society]. Moscow, Yurist Publ., 1994. 704 p.
12. C h e r n y a k M. A. Akunin: perezagruzka obraztsa 2012 goda (k voprosu o revizii tsennostey) [Akunin: restart the sample in 2012 (for the audit of values)]. *Kul't-tovary XXI veka: reviziya tsennostey (masskul'tura i ee potrebiteli)* [Culture products XXI century: the revision of values of mass culture and its consumers]. Ekaterinburg, Izd. dom "Azhur", 2012. P. 84–96.

Поступила в редакцию 15.03.2013

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Май, № 3 **Филология** **2013**

УДК 811.113.6+821.161.1

ДИАНА ОБОЛЕНЬСКА
кандидат филологических наук, доцент Института восточнославянской филологии, Гданьский университет (Гданьск, Польша)
diana.obolenska@ug.edu.pl

МЕЖДУ СПАГИРИЕЙ И АЛХИМИЕЙ. «INFERNO» А. СТРИНДБЕРГА И «РОЗА И КРЕСТ» А. БЛОКА*

Статья основана на сравнении концепций употребления алхимической символики в романе Августа Стриндберга «Inferno» и драме Александра Блока «Роза и Крест». Разные подходы писателей к заданной теме выявляют различные системы воплощенной в текстах кодировки. Алхимическая идея у Стриндберга сравнима с деятельностью спагирика, у Блока – с духовной инициацией. И роман, и драма составлены писателями на основе шифрации мистических концепций, раскрываемых также в проекции алхимической. Вариабельность инициальной системы, выступающая в разных форменных отклонениях, сводится, однако, к общему символическому приему кодирования текстов. Система символов Стриндберга непосредственно приводит к односложной замене десигната на сравнительный объект. То есть спагирия (химические эксперименты) становится сопоставительным полем с внутренними переживаниями героя. Блок вводит инициальные символические элементы, стремясь к духовной трансформации героев, а через них и окружающей действительности, согласно концепции Владимира Соловьева.

Ключевые слова: алхимия, палингенез, Стриндберг, Блок

Понятие мистического в XXI веке вновь оживает в текстах публицистов, исследователей, историков современной культуры. Восходя к не всегда понятым истокам, это слово сегодня расплылось во множестве семантических оттенков. Однако именно с выяснения его значения следовало бы начать сопоставление двух знаменитых произведений шведской и русской литературы: «Ада» («Inferno») Августа Стриндберга и «Розы и Креста» Александра Блока. В веере символических измерений сюжетной действительности названных текстов определение мистического является одним из связывающих звеньев целой структуры кодовых понятий. С другой стороны, данное определение входит здесь в зависимость с такими терминами, как эзотерический, оккультистический и, наконец, алхимический.

Мистическое осязание сотворившегося на его первоначальном уровне следует понимать как отчуждение от собственного «я». Преломление кантовского ноумена ведет от мысли к осязанию, и платоновский разум творит космическую действительность. В контексте заданной темы поставленный тезис прогнозирует следующую зависимость: на уровне деградации «я» роман Стриндберга и драма Блока сопоставимы, на уровне творения космической действительности – проявляют разносторонний наклон содержательной формы. Для выявления мистической символики возьмем то, что совместимо, то, о чем дискутируют и недоговаривают сами авторы, – алхимическую концепцию шифрования действительности, совмещающую в себе целый комплекс схем посвятительного контекста.

Олег Фомин подсказывает, что средневековая европейская алхимия выходит из герметизма [9; 15]. Приведем самую известную сентенцию из «Изумрудной Скрижали» Гермеса Трисмегиста: «То, что внизу, подобно тому, что вверху, и то, что вверху, подобно тому, что внизу; и это служит завершению одной чудесной работы» [8; 28]. Эта сентенция входит в основу двух перспектив рассматриваемых литературных текстов, возобновивших слова Гермеса в образе двух разных точек соотнесения интерпретационных контекстов.

Слова Мага являются ключом для разгадки не только алхимического Делания, указывая на одновременное содействие двух процессов: трансмутации металлов и духовной трансформации Адепта[1] [10], но и воспроизводятся по принципу передвижного пункта также в других эзотерических проекциях (каббала, оккультизм и т. д.).

Сопоставляя на основе герметической сентенции идейные шифровки «Inferno»[2] и «Розы и Креста», кажется возможным установить две разные группировки кодовых комплексов. Следует помнить, что такой подход совсем не предполагает наличия в качестве образного пласта слов Гермеса в указанных произведениях, но берет во внимание возможность такого сопоставления, что и следует подтвердить, указывая соответствующие сюжетные линии в текстах. Принципом отождествления идеи в «Inferno» является теория сопоставлений, восходящая к концепции монизма. Инициатический контекст в «Розе и Кресте» предполагает идею трансмута-

© Оболеньска Д., 2013

ции в соответствии с духовной трансформацией. Таким образом, поляризация значений проходит на уровне сопоставления и на уровне тождества. В первом случае сопоставление ведет к духовным мукам, идее неповиновения и в окончательном итоге – возвращению к природе/натуре, близкой по значению к идеям Шеллинга. Во втором случае отождествление устанавливает новую форму внутренней действительности Адепта и провоцирует возврат к Абсолюту.

Попробуем воспроизвести алхимический контекст данных произведений. Автор «Inferno» – Золя оккультизма. Соотнесение Стриндберга с французским писателем, которого Дмитрий Мережковский выбросил за рамки символического творчества [7; 8–11], и соединение в одном контексте с оккультной основою, дает экзотерический, но никак не эзотерический уровень отождествления. Как пишет Ян Балбеж, оккультизм был для писателя скорее литературным направлением, таким как символизм, или, возможно, той определяющей мир идеей, которая пришла на место дарвинизма и натурализма [11; 317].

Повествователь, называющий себя Августом Стриндбергом (что еще не дает нам права считать повесть чисто биографическим эквивалентом[3] [16; 241]), решает заняться химическими опытами, которые в итоге должны привести к образованию золота из металлов «низших»[4]. Затворившись в хилой, как называет ее Август, студенческой квартире в Латинском районе Парижа, главный герой экспериментирует с серой, считая ее основой процесса. Огонь, пылающий в камине, где сера подлежит трансформации, сравнивается с огнем, пылающим в кузнице[5]. Соответственно, на уровне практических действий проходит химический процесс, так как атанор (алхимическая печь) заменен камином, а «вульгарный»[6] огонь не имеет своего алхимического эквивалента – Философского огня. Однако дешифрация символов ведет все же к алхимической символике. Обожженные руки героя становятся черными, кожа шелушится, как чешуя, шелушится и сходит пластами, что приводит к госпитализации. Частые мысли о смерти[7] способствуют меланхолии. Из жалости к самому себе герой вновь налаживает любовную корреспонденцию с покинутой женой. Прогуливаясь по улицам Парижа, Август чувствует вонь кислой капусты, которая, как известно, может напоминать запах серы. Герой приходит к выводу, что все происходящее является результатом наказания свыше, действующего по принципу противоположности: повышая во мнении, понижает в обществе, «чтобы разжечь мою душу» [19; 19]. Все это, по словам героя, должно стать началом просвещения. Перечисленные символические проявления иной действительности должны составлять первый этап алхимического Делания, называемый *nigredo*. Соответствующий совмещению и последующему гниению алхимических элементов, он отождествляется с черным цветом, который фиксируется определенными символами: черным вороном, черепом, гробом (смертью, так как это тот же процесс погребения вещества в «черной земле» или компосте). Для Адепта данный этап означает духовную дорогу в ад, инициатическую смерть, чтобы в последующей стадии *albedo* возродиться в новой форме. Второй этап проектирует появление из черной массы белого вещества, называемого алхимиками Магнезией, Белой Дамой, Белым Львом и т. д. *Albedo* является также завершением Малого Магистерия и получения лечебного препарата, употребляемого как внутреннее лекарство. Для Адепта это воскресение, возврат из ада. Последний этап *rubedo* и есть получение Философского Камня или Красного Льва – темно-красного порошка, способного трансмутировать металлы в золото. Для Адепта это этап, когда воскресшая духовная жизнь приобретает новое измерение существования, инициация завершается. Из этого следует, что Стриндберг соотносит происходящее с этапом *nigredo*. Черные руки соответствуют черной массе, шершавой и выделяющей противный запах (кислая капуста). Это та же черная меланхолия, когда дух Адепта «погружается» в смерть. Это первоначальное соитие в узах Эроса двух противоположных субстанций (любовные письма к жене). В последующих сценах появляется и черная птица – галка, она садится на гроб во время похорон, на которых присутствует Август. Однако наряду с типичной алхимической символикой появляются детали, нарушающие чистоту процесса: обугленные руки одеты в рукава белой рубашки (христианская коннотация), которую Август покупает по дороге в больницу. Нисхождение в ад (Август приготавливается к смерти) является результатом наказания свыше, которое должно принести просвещение. Однако в алхимических режимах не происходит смешивания цветов, за исключением свыше обусловленного явления, названного *cauda pavonis* (*Павлиний Хвост*), – стадии поочередного окрашивания вещества в различные цвета (в «Inferno» это появляющаяся радуга). «Погружение в смерть» элемента это также не наказание, а неотъемлемый процесс очищения, отторжения нечистой материи, символизируемый в алхимии победой Михаила или Георгия над драконом. Из этого следует, что описанная картина читается не в контексте отождествления, но в контексте сопоставления.

В последующих сценах романа найдем все тот же калейдоскоп соответствий, но не тождества алхимического процесса и трансформации Адепта. В меланхоличном Париже есть и уголок рая, названный Jardin de Plantes, своей красотой окрыляющий Августа. В Австрии ландшафт Клам становится той же картиной, которая по-

явилась на стенках алхимического сосуда в отеле Orfila' – предвещавшей дантовский ад. Там же Август останавливается в розовой комнате у одной из теток своей второй жены. Совмещение в алхимической параллели розовой комнаты и черного ада никак невозможно[8] [15; 243]. Сам способ получения золота, над которым работает Август, можно определить как работу спагирика. Как писал один из последних посвященных XX века Фулканелли, «спагирики получают в тиши лабораторий вещества, которые впоследствии позволят заложить основы современной химии; великие Адепты дают новый импульс герметическим истинам»[9] [10; 57]. Можно выделить три вида алхимии: практическая, философская и практическая философская. Только последняя является инициацией. Понятно, что Август не соединяет контекст философский с практическим. Сила Августа и самого Стриндберга совершенно в другом, в идее сопоставлений. Все та же сера, один из основных элементов алхимического процесса, в «Inferno» будет отождествляться не с золотом как таковым, а с самим героем (Август – сера), проходящим мученический путь, тот же, которому подлежит сера при трансформации, и с образом ада, что совершенно очевидно. Здесь действует не символ символистов, а аналогия – схожесть. Духовная алхимия – это осознанный эзотерический процесс инициации, который в романе не выступает.

Исходя из всего этого кажется возможным применение по отношению к «Inferno» другого термина, более соответствующего принципу шифровки текста, – «имагинативный палингенез». Упомянутый неоднократно принцип соотнесений дает такую возможность. Тем более, что понятие палингенеза также восходит к основам алхимии.

Palingenesia (греч.) – вторичное рождение. В герметических (алхимических) трактатах этим термином обозначалось явление, когда возможным было периодическое воплощение основы естества в «разных» материальных формах [14]. Возросший на философских спекуляциях[10] термин впоследствии перешел в научную область экспериментов (М. Смолуховский, Л. Хамон), а также стал реальным элементом спиритуалистических опытов[11]. В научных исследованиях доказывалось, что суть палингенеза состоит в свойствах сольных частиц материи, которые при разных видах химической и физической обработки выявляли те же первоначальные свойства. Таким образом, частицы входили в основу новообразования корпуса[12] материи. Сгоревшее растение или живое существо (чаще всего это была небольшая птица) в течение непродолжительного времени возобновлялись в колбе в первоначальном контуре[13].

В определении «имагинативный палингенез» возможна замена практической основы процесса на его мыслеформу[14], а контекст имагинации как таковой подчеркивает духовную перспективу происходящего. Таким образом, используя элементарную основу сущего, можем кодировать ее проявления в разносторонних формах реальной действительности. В данном случае корпус заменяем формой, поскольку наша идея должна отражать мысль в форме. Если это так, то новообразованный термин должен вписываться в идею, которую Стриндберг действительно употребил в «Inferno», – теорию соответствий Сведенборга[15]. Согласно концепции шведского мистика, все сущее бытует в образе соответствий, или, как назвал это Рене Генон, аналогий[16]. Итак, возвращаемся к приведенной в начале статьи цитате: «То, что внизу, подобно тому, что вверху»[17] [11; 20]. Благодаря имагинативному палингенезу внешнее свойство серы, употребляемой Августом в «Inferno», можно ввести как внутренний контекст самого Августа, из чего появляется Август-сера. Подверженная химическим и физическим процессам, сера является аналогией физических переживаний Августа (черные руки). Ее коннотация образа адского огня приводит героя к мысли о смерти. Полученные результаты «опытов» с серой и Августом определяют реальные химические свойства первой и временное душевное спокойствие второго. Однако, как видно из вышесказанного, идея аналогии не тождественна результатам алхимического процесса, поскольку не выступает в данном случае порядок трансформации. Это подтверждают слова самого Стриндберга, опубликованные в «Le Martin» в 1895 году. В данном интервью Стриндберг определяет современную алхимию как монистическую химию, подчеркивая единство всякой материи[18] [11; 48]. Идея новой химии была результатом мысли автора «Исповеди безумца» об универсальной регрессии, пожирающей как науку, так и природу. С таким выводом связывалась мысль об иллюзорности реального мира.

Правило соответствий фактически конструирует текст «Inferno», появляясь и на уровне семантики сюжета, и на уровне образования вписанного порядка действий. Ситуации и происшествия в романе повторяют и дополняют судьбы библейских персонажей и Сведенборга. Поступки героя и оценку ситуации проектируют найденные Августом указатели-символы: инициалы А. С. в витрине; буквы, напоминающие о приезде Poppoffsky, – P (П) и Y, уложенные из сухих веток в Люксембургском саду; около фонтана на огрызке бумаги запечатлены цифры 207 и 28, соответствующие химическим элементам, которые послужат в процессе получения золота, и т. д. Мысль героя строит соответствия, находит сходные элементы в каждой возможной перспективе существования, тем самым возобновляет утраченный или ненайденный корпус соответствующей модели действи-

тельности. Сольные частицы в теории палингенеза становятся на уровне мысли героя, его имагинации той вездесущей основой, на которой образуются соответствия. Каждая появляющаяся параллель является мыслеформой, обитает в имагинацийной перспективе и возобновляет код в новой форме путем мысленного палингенеза. «Inferno» становится последующей формой «Antibarbarusa» (1893), экспериментируя в этот раз с натурой самого Августа. Нет сомнений, что «алхимическая» вариация «Antibarbarusa» опирается на исследования Эрнеста Геккеля – немецкого биолога, доклад которого писатель слушал в Германии во время научного конгресса в 1892 году. Стриндберг приходит к выводу, что сера не является первичным элементом, так как подлежит разложению во время химических реакций. Этот вывод также находим в «Inferno». Таким образом, новая химия, согласно автору «Исповеди безумца», основана на теории связи основ всех элементов, которые могут варьировать, образуя тем самым новые качественные составы. Неисчислимость вариантов, восходящих к одной общей основе, дает перспективу бесконечности. Соответственно Август-сера стремится к самовоскресению в новых возможных комбинациях.

Соответствующую вышесказанному структуру соотношений найдем и в последующих работах Стриндберга: двух брошюрах «Jardin des plantes» и книге «Sylva Sylvarum» (1896). Рамки статьи не позволяют выявить все возможные зависимости «алхимической» кодировки в творчестве писателя. Поэтому сошлемся здесь на интересную и многогранную работу Я. Балбежа о научных текстах Стриндберга.

Под числом 17 января 1912 года Александр Блок записал в своем дневнике: «Вчера ночью читал *Ад* Стриндберга. Сегодня утром – письмо от m-lle Скворцовой. <…> Я смотрю (за окном мороз, солнце) на лампу в столовой… Вдруг вижу, что в лампу проникло сознание, на ней – фигурки драконов, хотя и довольно добродушных, – между резервуаром и колпаком. <…> Днем лежу, дочитываю *Ад*, пишу предисловие к Соколовой» [2; 124]. Следующая запись в дневнике определяет, какое впечатление произвела на Блока книга Стриндберга. 19 января 1912 года в наброске к письму Н. Н. Скворцовой[19] поэт пишет: «Для того чтобы иметь представление о том, как я сейчас (и очень часто) настроен (но не о моих житейских обстоятельствах и отношениях), прочтите трилогию Стриндберга (*Исповедь глупца*, *Сын служанки* и *Ад*)» [2; 125]. Из заметок Блока вырастает двойная перспектива прочтения Стриндберга. С одной стороны, видим понимание творческой ситуации в контексте «Inferno», с другой – фигурки драконов явно проектируют инициальный пласт интерпретации, поскольку сопряжены с понятием воплощения сознания. Интересный обзор материалов Блока дает Дина Магомедова в статье «Blok and Strindberg: Notes on a Theme»: «According to Blok's A List of My Works, he began his bibliographical notes 'Strindbergiana' in 1912. <…> Blok's notes fall into three parts. The first of these turn out to be a peculiar synchronic table, beginning with the year 1849 when Strindberg was born and ending with the year in which he died, 1912. The second part contains bibliographical notes on the translation of Strindberg into Russian as well as articles on him in Russian editions. Finally, the third part is a description of the Russian 15 volume collected works of Strindberg in the 'Sovremennye problemy' (Contemporary Issues) edition»[20] [17; 134]. Для нас важно то, что Блок перечитывает «Inferno» в период работы над драмой «Роза и Крест». Так как оба текста связаны с основными алхимическими символами, необходимо выделить их и в произведении Блока.

Эзотерический контекст в творчестве русского символиста неоднократно рассматривался в работах исследователей. Параллель между черной розой и алхимическим *nigredo* была указана мной в работе «Имагинация Голубого цветка. Драма А. Блока "Роза и Крест"» [18]. В данной статье хотелось бы обобщить основные принципы инициацийной кодировки драмы и сопоставить результаты с вышесказанным о Стриндберге.

Главные герои драмы Бертран и Изора проходят путь духовной инициации, понимаемой по всем правилам эзотерического посвящения. Трансформация естества воспроизводится путем осознания и, соответственно, развития космических/божественных духовных возможностей (у Блока, конечно, прежде всего имеется в виду софийный элемент). В данном случае познание истины происходит не только посредством разумного элемента и духовного притяжения к Абсолюту, оно также зависит от последнего и самого главного элемента инициации – сотера. «…Если лишь пожелать к сему достигнуть, то легко можно, последуя нашему совету, найти руководителя и проводника, который укажет ключ к Великому Таинству и приведет к драгоценному Философскому камню», – писал Якоб Бёме в трактате о человеческой душе [4; 20].

В тексте появляется Гаэтан с пламенным крестом на груди. Его космический контекст не вызывает сомнений (см. [6]). Здесь видна разница между Блоком и Стриндбергом, так как для последнего посвящение равнозначно приобретению знаний, изъятых из разного вида литературы. Обобщая разносторонние основы (принцип аналогии), шведский писатель создает «новый космос», возрастающий на основе науки и мистики (имагинативный палингенез).

«Роза и Крест» также остается во владении первой алхимической стадии *nigredo.* Однако ряд появляющихся символов и, конечно, окончание драмы предвещают последующий Режим

Великого Делания. Итак, существование Бертрана, так же как и Августа, обречено на постоянное терпение, и если ад понимать здесь как низвержение во тьму, то и замок графа Арчимбаута можно определить как *inferno*.

Практическая трансформация проходит на уровне символики драмы. Анаграммой имени Бертран является баран, зодиакальный Овен (*Aries*). В тексте Рыцарь-Несчастье также назван вороном, собакой, уродом. Не внедряясь в глубокую символику каббалистического языка алхимиков, можно определить, что Баран (Бертран) связан с Серой. Алхимический элемент *Sulphur* (Сера) является одним из трех основных элементов (*Mercurius – Sulphur – Sal*), способствующих получению философского камня. Таким образом, дорога Бертрана соединена с Космосом, так как получение философского камня тождественно с возобновлением божественной творческой креации. Дорога Августа связана с натурой/природой. Поиски писателя Стриндберга должны были привести к обусловленным концепциям соединения человека с природой, образуя тем самым новый космос [16; 99]. Томас Бредсдорф пишет: «In *Inferno* there is only one category of signification, referred to quite simply as the 'sign'. <…> He [Strindberg. – *Д. О.*] prefer 'sign' to 'symbol' and 'coincidence' to 'correspondence'. His technique is indistinguishable from that of the symbolists, but his terminology is different, devoid of their persuasion by connotation» [13; 71]. Как утверждал Стриндберг, фикция – это неоткрытые формы действительности. В таком контексте несоединимы также понятия самоубийства, жертвенной смерти и смерти как этапа *nigredo*[21]. В конце драмы Бертран погибает от меча Рыцаря-Дельфина, пронзившего сердце героя. Пролитая кровь окрашивает черную розу, до этого спрятанную Бертраном на груди, в красный цвет. Двойная символика пролитой крови и красной розы предвещает возможность последнего алхимического режима – *rubedo*.

Основное внимание у обоих творцов сосредоточено на разных сотерах. Август, терпя поражения, неудачи, переживая душевные муки, связывает себя с Христом, в то время как Бертран – алхимический элемент, зависит от Изоры. Главная героиня драмы входит в цепь проявлений Души Мира – Божественной Софии. «Проявления» Христа посредственны и связаны с символами, такими как меч, богочеловечность Гаэтана и т. д.

Изора, чье имя является анаграммой имени Роза, в драме играет роль реагента. Именно она начинает алхимический процесс получения философского камня. Согласно символике Великого Делания, она представляет собой влажное начало и связана со ртутью (Венера, Луна, Королева). Имагинируя Гаэтана, она изменяет наклон действительности, из пространства *profanum* переносит в пространство *sacrum*. Соучаствующие женский и мужской элементы, соединяясь в последующих этапах трансформации, приводят к идеальному началу Камня – андрогинному Ребису. Несмотря на то что в драме соединяются не Бертран и Изора, а Изора и Алискан, а также на уровне духовной адекватности Изора – Гаэтан, указанные соединения становятся матрицей для трансформации Бертрана. Черная роза, упавшая из рук графини, оказывается на кровавой груди Рыцаря-Несчастье.

При всех приведенных расхождениях А. Блока и А. Стриндберга основной является идея выхождения за рамки реальной действительности. Дело здесь не в том, чья дорога эффективнее, но в том, что при разных пониманиях алхимической инициации стоило бы создать соответствующие определения для каждой из них. Тот же герметический опус имеет разное наименование в произведениях двух великих тружеников литературы. Алхимия Блока также очевидна и также непосредственно не подтверждена, как и причастность к кругу розенкрейцеров.

* Статья подготовлена в рамках проекта «SCANDICA: культурные конвергенции» при поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Здесь Адепта будем считать за Фулканелли как инициированного.
[2] Так как заглавие романа строит параллель с «Божественной комедией» Данте, а сам автор настаивал на том, что форма «Inferno» является более концептуальной, чем ее шведское соответствие, в статье также оставим оригинальную версию.
[3] О биографическом контексте в произведениях Стриндберга см. биографию Стриндберга O. Lagercrantz [16].
[4] Понятие «низшие» металлы заимствовано из алхимической номенклатуры.
[5] Здесь возможна параллель с греческим Гефестом, однако не на алхимическом уровне.
[6] Алхимический термин.
[7] Идея не столько смерти как таковой, сколько мысль о самоубийстве характерна для всего творчества Стриндберга. Ее психологическую основу раскрывает O. Lagercrantz.
[8] М. Калиновский дает здесь христианскую и гностическую коннотации. Автор прекрасно раскрывает разносторонние принципы интерпретации текста, однако то, что относится к алхимии, не всегда точно.
[9] Спагирическая работа связана прежде всего с лечебными свойствами получаемых препаратов, но в статье понимается как противоположенная форма по отношению к истинной, то есть инициатической алхимии.
[10] Ср. палингенез как духовное перерождение Гермеса Трисмегиста [20].
[11] См. книгу участника сеансов [1].

[12] В этом случае следует помнить о разнице между понятиями «форма» и «корпус».
[13] Понятно, что в алхимической символике это сопоставлялось с идеей Феникса.
[14] Ср. с книгой [12].
[15] Исследователи «жизнетворчества» Стриндберга неоднократно подчеркивали, что указанные в «Inferno» факты относительно прочтения текстов Сведенборга имеют мало общего с действительностью, поскольку автор «Исповеди безумца» ознакомился с трактатами мистика гораздо раньше. Следовательно, существует возможность того, что Стриндберг использовал их в романе.
[16] Ср. с теорией сигнатур Парацельса и Я. Бёме.
[17] В 1897 году в письме к G. af Geijerstam описывает свои научные исследования определением «западный герметизм».
[18] Здесь же Балбеж описывает сотрудничество Стриндберга с оккультистом Папюсом, издававшим статьи писателя в своем эзотерическом журнале. Вместе с тем Стриндберг никак не примыкал к среде людей, провозглашающих всевозможные версии тайного знания.
[19] Н. Н. Скворцова, в замужестве Косилова, двадцатилетняя поклонница, неоднократно приезжавшая к Блоку из Москвы.
[20] Там же читаем: «There are, as we can see, a great many coincidences and biographical parallels, and after Viacheslav V. Ivanov's article it is superfluous to discuss the common traits between Blok's experience and *Inferno*, especially given the fact that in this instance not only the events recounted but also the world view informing Strindberg's fiction also coincide with Blok's. And it is a question of coincidence rather than a conscious modeling of life in accordance with a pre-existing example: a number of these events occurred in Blok's life before he had read even a single line of Strinberg. Moreover, these entirely unpremeditated parallels may serve to cast a clarifying light on the question of the psychological reasons behind Blok's peculiar personal interest in Strindberg: is it not possible that Blok saw himself reflected in, or identified himself with the hero or the author of the trilogy?» [17; 137]. Ср. с высказыванием самого Блока 16 марта 1918 года: «В то время как жестокая, реальная политика воплощается неуклонно, в разных местах мира хиреют, устают, умирают, гибнут "простые" и "непростые" люди (Стриндберг). – Ад в доме. – Ночью – синхронические таблицы» [3; 139]. Детальный анализ параллели Блок – Стриндберг дает Вячеслав Всеволодович Иванов [5].
[21] Ср. с высказыванием Блока: «Надо признаться, что мысль о самоубийстве – бывает баюкальная, ярче всех. Тихо. Пропасть, потеряться, "сделав все, что мог"» [3; 43].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аксаков А. Н. Анимизм и спиритизм. М.: Аграф, 2001. 704 с.
2. Бёме Я. Сорок вопросов о душе. М.: София, 2004. 302 с.
3. Блок А. Записные книжки. М.: Новое литературное обозрение, 2000. 158 с.
4. Блок А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 7: Дневники 1901–1921. М.; Л.: ГИХЛ, 1963. 544 с.
5. Иванов В. В. Блок и Стриндберг // Александр Блок: Новые материалы и исследования. М.: Наука, 1993. Кн. 5. С. 402–418.
6. Сливкин Е. Катарский миф о небесном двойнике в драме Александра Блока «Роза и Крест» // Вопросы литературы. 2008. № 4. С. 85–104.
7. Мережковский Д. О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы // Rosyjskie manifesty lit. (cz. I), opr. Z. Barański, J. Litwinow. Poznań, 1974. C. 8–11.
8. Трисмегиста Гермес, Изумрудная Скрижаль // Майер М. Убегающая Аталанта. М.: Энигма, 2004.
9. Фомин О. Сакральная триада. М.: Вече, 2005. 455 с.
10. Фулканелли. Философские обители: Пер. с франц. М.: Наука, 2004. 622 с.
11. Balbierz J. Nowy kosmos. Strindberg, nauka i znaki. Gdańsk: Słovo/obraz/terytoria Publ., 2008. 456 s.
12. Besant A., Leadbeater C. W. Throught-forms. London: Percy Lund, Humphries and Co. Ltd., 1925. 159 p.
13. Bredsdorff T. 'Give Us a Sing!' Allegory and Symbol in Strindberg's 'Inferno' // Strindberg. The Moscow Papers / Ed. by M. Robinson. Stockholm, 1998. P. 69–79.
14. Bugaj R. Palingeneza. Rozprawa o homunkulusach i nieśmiertelności. Bydgoszcz, 2010. 300 s.
15. Kalinowski M. Traktat o siarce // A. Strindberg. Inferno: tłum. M. Kalinowski. Warszawa, 1999. S. 201–260.
16. Lagercrantz O. August Strindberg: tłum. E. A. Krasińska, Z. Łanowski. Warszawa, 1988. 358 s.
17. Magomedova D. Blok and Strindberg: Notes on a Theme // Strindberg. The Moscow Papers / Ed. by M. Robinson. Stockholm, 1998. P. 133–140.
18. Oboleńska D. Имагинация Голубого цветка. Драма А. Блока «Роза и Крест» // Europa Orientalis. 2010. № 29. С. 79–98.
19. Strindberg A. Inferno: Tłum. M. Kalinowski. Warszawa, 1999. 262 s.
20. Tröger K. W. Gnoza hermetyczna // Studia religioznawcze. 1980. № 16.

Oboleńska D., Gdansk University (Gdansk, Poland)

BETWEEN SPAGYRIC ACTIVITY AND HERMETIC ART. STRINDBERG'S "INFERNO" AND BLOK'S "ROSE AND CROSS"

This article compares the concepts of using alchemical symbolism in the novel «Inferno» by August Strindberg and in the drama «The Rose and the Cross» by Alexander Blok. Comprehensive approaches of the writers to a given topic revealed different code systems embodied in the text. Strindberg's idea is comparable to a spagyric activity, while Blok's – to a spiritual initiation. Both the novel and the drama are written based on the encryption of the mystical concept disclosed in the projection of alchemy. Variability of the initial system, occurring in different formal variants is reduced to a common symbolic method of encoding the text. The system of symbols used by Strindberg leads directly to curt replacement of the designatum by the comparative object. In other words, spagyric activity (chemical experiments) became a comparative field for the character's internal experiences. Unlike Strindberg, Blok introduces initial symbolic elements in pursuit of characters' spiritual transformation, and through them – a change of the surrounding reality. Such approach is consistent with the concept of Vladimir Solov'yev.

Key words: alchemy, palingenesis, Strindberg, Blok

REFERENCES

1. A k s a k o v A. N. *Animizm i spiritizm* [Animism and spiritualism]. Moscow, Agraf Publ., 2001. 704 p.
2. B o e h m e J. *Sorok voprosov o dusche* [Forty Questions of the Soul]. Moscow, Sofia Publ., 2004. 302 p.
3. B l o k A. *Zapisnyye knizhki* [Notebooks]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2000. 158 p.
4. Blok A. *Sobraniye sochineniy: V 8 t. Dnevniki. 1901–1921* [Collected works: In 8 vol. Diaries. 1901–1921], Moscow; Leningrad, GIHL Publ., 1963. 544 p.
5. I v a n o v V. V. Blok and Strindberg [Blok i Strindberg]. *Aleksandr Blok: Novye materialy i issledovaniya* [Aleksandr Blok: new data and researches]. Moscow, Nauka Publ., 1993. Book 5. P. 402–418.
6. S l i v k i n E. Qatari myth about double of heaven in Aleksandr Blok's drama "Rose and Cross" [Katarskiy mif o nebesnom dvoynike v drame Aleksandra Bloka "Roza i Krest"]. *Voprosy literatury.* 2008. № 4. P. 85–104.
7. M e r e z h k o v s k i y D. *O prichinakh upadka i o novykh techeniyakh sovremennoy russkoy literatury* [On Causes of Decline and New Trends in Contemporary Russian Literature]. *Rosyjskie manifesty lit.* [Russian literary manifestos]. Poznan, WNU-AMP Publ., 1974. P. 8–11.
8. Trismegista Hermes. Emerald Table [Izumrudnaya skrizhal]. Maier M. *Ubegayushchaya Atalanta* [Atalanta fugiens], Moscow, Enigma Publ., 2004.
9. F o m i n O. *Sakral'naya triada* [A sacred triad]. Moscow, Veche Publ., 2005. 455 p.
10. F u l c a n e l l i . *Filosofskiye obiteli* [Dwellings of the Philosophers]. Moscow, Enigma Publ., 2004. 622 p.
11. B a l b i e r z J. *Nowy kosmos. Strindberg, nauka i znaki* [New space. Strindberg, science and signs], Gdansk, Slovo/obraz/terytoria Publ., 2008. 456 p.
12. B e s a n t A., Leadbeater C. W. Throught-forms. London, Percy Lund, Humphries and Co. Ltd., 1925. 159 p.
13. B r e d s d o r f f T. 'Give Us a Sing!' Allegory and Symbol in Strindberg's 'Inferno' // Strindberg. The Moscow Papers / Ed. by M. Robinson. Stockholm, 1998. P. 69–79.
14. B u g a j R. Palingeneza. Rozprawa o homunkulusach i nieśmiertelności. Bydgoszcz, 2010. 300 s.
15. K a l i n o w s k i M. Traktat o siarce // A. Strindberg. Inferno: tłum. M. Kalinowski. Warszawa, 1999. S. 201–260.
16. L a g e r c r a n t z O. August Strindberg: tłum. E. A. Krasińska, Z. Łanowski. Warszawa, 1988. 358 s.
17. M a g o m e d o v a D. Blok and Strindberg: Notes on a Theme // Strindberg. The Moscow Papers / Ed. by M. Robinson. Stockholm, 1998. P. 133–140.
18. O b o l e ń s k a D. Imagination of Blue flower. A. Blok's drama "Rose and Cross" [Imaginatsiya Golubogo Tsvetka. Drama A. Bloka "Roza i Krest"]. *Europa Orientalis.* 2010. № 29. P. 79–98.
19. S t r i n d b e r g A. Inferno: tłum. M. Kalinowski. Warszawa, 1999. 262 s.
20. T r ö g e r K. W. Gnoza hermetyczna // Studia religioznawcze. 1980. № 16.

Поступила в редакцию 06.07.2012

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Май, № 3 Филология 2013

УДК 821.161.1

НАТАЛИЯ АЛЕКСЕЕВНА ТРУБИЦИНА
кандидат филологических наук, доцент кафедры историко-культурного наследия филологического факультета, Елецкий государственный университет (Елец, Российская Федерация)
trubicina-nat@mail.ru

ВОДНАЯ СТИХИЯ КАК ДОМИНАНТА «КАРЕЛЬСКОГО ТЕКСТА» В КНИГЕ МИХАИЛА ПРИШВИНА «В КРАЮ НЕПУГАНЫХ ПТИЦ»

Анализируются природные образы-символы «карельского текста» в книге очерков Михаила Пришвина «В краю непуганых птиц». Из главных природных доминант Карелии – «лес, вода, камень» – писатель отдает приоритет водной стихии. В качестве репрезентативного символа «карельского текста» исследуется образ водопада. В итоге мы приходим к выводу, что природные доминанты «Выговского края» перерастают в художественном сознании М. М. Пришвина в символические комплексы «карельского текста», являясь одновременно смыслопорождающими контекстами дальнейшего творчества писателя.

Ключевые слова: «карельский текст», символические комплексы, образ водопада

Михаил Михайлович Пришвин, уроженец русского Подстепья, своей писательской родиной считал Русский Север, после путешествий по которому появились на свет его первые значительные произведения. Книга «В краю непуганых птиц. Очерки Выговского края», изданная в 1907 году, принесла автору заслуженный литературный успех. В дневниках писатель размышляет: «Для меня национальность поэта является источником его поэзии, но сама поэзия, как река, течет в океан. Я доказал это в отношении описания природы: своим личным прикосновением я уродняю всякую, совершенно мне чуждую природу вроде Севера или Дальнего Востока. Чего же больше?» [5; 559].

Принцип «уроднения» не только «всякой природы», но и различных культур в последующих произведениях и дневниковых записях будет назван автором «родственным вниманием» ко всему окружающему миру. Но уже в первой книге очерков Пришвин определит собственную стратегию «проникновения в край»: «Вместо того чтобы употребить свое время на “путешествие” в полном смысле этого слова, то есть передвижение себя по этим обширным пространствам, мне казалось выгоднее поселиться где-нибудь в их характерном уголку и, изучив этот уголок, составить себе более верное суждение о всем крае, чем при настоящем путешествии» [4; 46]. Таким «уголком» Карелии писатель выбирает местность, «которая прилегает к берегам Выгозера, впадающего в него с юго-запада Верхнего (южного) Выга и вытекающего из северного конца озера Нижнего (северного) Выга», и дает ему собственное название – Выговский край: «Название простые “Выговский край” не существует в географии. Он входит в общее название “Поморья”. Но он своеобразен во всех отношениях и достоин отдельного названия» [4; 61]. Пришвин поселяется в деревне Карельский остров, откуда ведет свои этнографические и фенологические наблюдения.

«Карельский текст» состоит из ряда природных и культурных символических комплексов. Как отмечает В. В. Абашев, «в стихийном и непрерывном процессе символической репрезентации места формируется более или менее стабильная сетка семантических констант. Они становятся доминирующими категориями описания места и начинают по существу программировать этот процесс в качестве своего рода матрицы новых репрезентаций. Таким образом формируется локальный текст культуры, определяющий наше восприятие и видение места, отношение к нему» [1; 24].

Цель, с которой Пришвин посещает Карелию, изначально культурологическая: «Я запасся от Академии наук и губернатора открытым листом: я ехал для собирания этнографического материала. Записывая сказки, былины, песни и причитания, мне и в самом деле удалось сделать кое-что полезное и вместе с тем за этим прекрасным и глубоко интересным занятием отдохнуть духовно на долгое время» [4; 46]. Культура Олонецкого края вызывала особый интерес языковедов и этнографов; небезосновательно Карелию считают родиной русской фольклористики. В тексте Пришвина открыто фигурируют фамилии известных русских фольклористов (Е. Барсова, Н. Ончукова) и даже приводятся обширные цитаты из книги Барсова «Причитания Северного края».

В самом заглавии очерков явлен открытый интерес автора не только к культуре этого региона, но и к специфичной карельской природе. «Страна непуганых птиц» – в этой авторской метафоре сокрыт целый ряд символических смыслов. И в первую очередь – заповедность местности.

© Трубицина Н. А., 2013

«“Заповедность” (как в отношении пространства, так и времени) – основной признак края, и почти все типовые образы конкретизируют это представление… Отгороженность, “неотмирность” делают Карелию “маленькой сказочной страной” (выражение информанта), несмотря на реальное географическое положение и размеры территории» [6].

Первым собеседником автора в очерках предстает сказочник Мануйло. Пришвиновед Н. В. Борисова справедливо назовет фигуру сказочника «своеобразным метатекстовым знаком». Беседа героя-повествователя со сказочником начинается в реальном пространстве обонежских лесов.

« – И так всю жизнь, – говорит Мануйло, – всю жизнь по мхам да лесам. Идешь, идешь, да и свалишься в сырость и спишь. Собака, бедная, подбежит, завоет, думает – помер. А отлежишься и опять зашагаешь. С моховинки в лес, из леса на моховинку, с угора в низину, с низинки на угор. Так вот и живем» [4; 42].

Но в этой же главке происходит расширение реального пространства до уровня мифопоэтического за счет введения нового «социокультурного жанра» (В. Г. Щукин) – сновидения. «Мы опять засыпаем. Опять снится страна непуганых птиц. Но кто-то, кажется, городской, хорошо одетый, маленький, спорит с Мануйлой.

– Нет такой птицы.

– Есть, есть, – спокойно твердит Мануйло.

– Да нет же, нет, – беспокоится маленький, – это только в сказках, может быть, и было, только давно. Да и не было вовсе, выдумки, сказки…

– Ну вот, поди ты говори с ним, – жалуется мне огромный Мануйло. – У нас этой птицы нет счету, видимо-невидимо, а он толкует, что нету. Обязательно есть такая птица. В нашем-то лесу да и не быть!» [4; 44]. Так целый край превращается в сказочную страну, изначально задается в некоей мифологической парадигме.

Исследователь феноменологии места, американский геокультуролог Йи-Футуан отмечает, что «у каждой страны есть своя фактическая и мифическая география; часто их нелегко разделить друг от друга или хотя бы установить, какая из них важнее, потому что способы действий людей зависят от их понимания действительности, а это понимание – коль скоро оно никогда не будет исчерпывающим – дополняется и обогащается мифами» (цит. по [7; 169]). Герой-рассказчик Пришвина выступает как путешественник и наблюдатель, имеющий дело с реальным географическим пространством. Перед автором не стоит задачи создать собственный территориальный миф Карелии, но он помещает реальные локусы края в мифопоэтический контекст, актуализируя при этом мифогенные константы исследуемого места.

В одной из своих работ Д. Н. Замятин выдвигает следующее предположение: «Локальный миф, с нашей точки зрения, представляет собой “откровение” места или территории; он есть открытие места миру в его онтологической возможности, и в то же время (или в той же самой вечности) он позволяет утверждаться “своему” месту как Центру мира» [3; 15]. Рассказчик очерков Выговского края представляет точку зрения извне. «Центр» автора – это Петербург («петербургский текст» присутствует уже в самых ранних произведениях писателя), Выговский край – безусловная периферия. Однако письменная фиксация местной мифологической и фольклорной традиции делает очерки Пришвина своеобразным «предтекстом» локального «карельского текста».

Писатель уже с первых строк безошибочно определяет основные природные доминанты региона и следующую за введением главу так и называет – «Лес, вода и камень»:

« – Лесом, водой и камнем мы богаты, – говорит ямщик.

И замирают слова человека. Безмолвие! Лес, вода и камень…» [4; 60].

Исследователи литературы Карелии и местные краеведы неоднократно отмечали доминирование образов-символов воды в структуре «карельского текста» [6]. Пришвин в своих очерках очень активно использует гидронимическую ономастику. В произведении встречаются названия местных озер и прилегающих к ним населенных пунктов: Ладожское озеро, озеро Онего, Белозерск, Волозеро, Маткозеро, Телекинское озеро, Выгозеро, Хижозеро, Надвоицкое озеро, Сегозеро, Пулозеро, Коросозеро и т. д. «Озерность» края актуализирует его уникальность и особую локальную специфику, восприятие Карелии как отдельной страны («страна непуганых птиц») или сказочного царства.

Символический природный комплекс «вода», бесспорно, является структурообразующим в описании Карелии в книге «В краю непуганых птиц»: «С этого места, если бы только можно было видеть так далеко, открылась бы грандиозная каменная терраса со ступенями назад, к Балтийскому морю, и вперед, к Белому. Величественные озера выполняют ступени этой гигантской двойной лестницы и переливаются одно в другое шумящими реками и водопадами. Назади узкая лента Долгих озер переливается Повенчанкой в Онежское озеро. Многоводное Онего по Свири стекает в круглую Ладожскую котловину, по-старинному озеру Нево, а оно по коротенькой Неве спускается к Балтийскому морю. Впереди тоже ряд озер: Маткозеро, Телекинское, Выгозеро со множеством островов; последнее тремя живописными водопадами переливается в стремительный Выг и стекает к Белому морю. У подножья первого склона террасы – Петербург, а у другого – Ледовитый океан, полярная пустыня. Так рисуется воображению географическая картина этих мест» [4; 60].

Многообразие водных объектов, перечисленных в этом фрагменте, – море, река, озеро, водопад – по ходу повествования дополняется менее значительными по размеру: болотами, ручьями, ламбинами. Каждый из этих природных локусов получает в дальнейшем свое «лицо», а в ряде случаев мифологизируется и символизируется.

Пришвин открывает место в его «онтологической» реальности, а утверждение его как «возможности» и «Центра мира» опирается на местные фольклорные предания, легенды, мифы.

В «карельском тексте» вода является важнейшим первоэлементом, из которого состоит мир, поэтому ряд водных локусов являются для этой территории эмблематичными. В этой связи особое внимание хотелось бы обратить на образ водопада. Благодаря оде Г. Р. Державина «Водопад» Кивач, по замечанию И. А. Разумовой, превращается в эмблему края и «символ Карелии и самой природы» [6]. Пришвин упоминает в очерках онежские водопады – Кивач, Порпор, Гирвас и даже цитирует знаменитую державинскую оду, но со слов «местных литераторов», в отношении к которым прослеживается определенная авторская ирония: «Помню, один при описании Кивача, помянув, как водится, державинское “алмазна сыплется гора”, восклицает вдохновенно: “И не знаешь, чему дивиться, – божественной ли красоте водопада или не менее божественным словам бывшего олонецкого губернатора, из которых каждое есть алмаз”» [4; 52].

Но эти размышления рассказчика предшествуют его личной встрече с Надвоицкими водопадами. Непосредственное созерцание этого природного явления ошеломляет героя-рассказчика не меньше, чем «местных литераторов», и в творческом сознании художника рождается емкий символический образ. «Я остался один на каменной глыбе между елями, окруженный бушующей водой.

…Гул, хаос! Трудно сосредоточиться, немыслимо отдать себе отчет, что же я вижу? Но тянет и тянет смотреть, словно эта масса сцепленных частиц хочет захватить и увлечь с собой в бездну, испытать вместе все, что там случится» [4; 69].

Анализируя «водопадный текст», Михаил Ямпольский пишет: «Наиболее устойчивым образом водопада несомненно является образ бездны. Бездна – наивысшее выражение бесформенности, которая первоначально понимается как выражение деградации макрокосма, но постепенно начинает ассоциироваться с возвышенным» [8; 199]. При соотнесении водопада и возвышенного исследователь цитирует немецкого философа Карла Зольгера: «Наполняя нас ужасом, возвышенное в то же время привлекает величием и великолепием того образа, в котором воплотились силы природы. Я до сих пор хорошо помню чувство, которое испытал на Рейне… Я наблюдал, как пенистый поток обрушивается с порогов водопада. Торжественно и тревожно было у меня на душе; в то же время меня охватило страстное желание погрузиться в эту пучину, которая сразу же за порогами рассыпалась серебряной пылью» [8; 200].

Чувство возвышенного – это чувство удовольствия, связанного со страхом. Пришвинский герой по мере приближения водопадов начинает понимать «всю страшную опасность такой поездки»: «…малейшая ошибка – и конец всему» [4; 69]. Но тем не менее «с замирающим сердцем» рассказчик всматривается в бушующий поток и постепенно начинает различать в нем то, что несет в себе семантику прекрасного. «Возвышенное в водопаде связывается с бесформенностью, хаосом, бурлящей пеной. Прекрасное фиксируется в геометрически правильных формах, которые порождаются из случайного хаоса некой магической силой: в венке, радуге, колоннах или столбах, постоянно возникающих в описании» [8; 200].

Преодолев первое потрясение, герой начинает различать в этом «гуле и хаосе» свою визуальную «геометрию»: «Но, внимательно всматриваясь, замечаешь, что прыгающие брызги у темной скалы не всегда взлетают на одну и ту же высоту… Смотришь на столбики пены. Они вечно отходят в тихое местечко, под навес черной каменной глыбы, танцуют там на чуть колеблющейся воде. Но каждый из этих столбиков не такой, как другой» [4; 69]. Автор предполагает, что на падение воды влияют «какие-то таинственные силы» и весь водопад живет «бесконечно сложной» собственной жизнью.

Образ водопада в тексте очерков Пришвина гораздо глубже прецедентного (державинского) мотива величественной стихии. Пришвиновед Н. П. Дворцова пишет: «Ключевым в повести “В краю непуганых птиц” и во всем творчестве писателя – как исходная для него интуиция мира – является символический образ водопада. Водопад – природно-исторический, а точнее, космический символ Пришвина, в котором раскрывается его представление о судьбе мира и ее постижении человеком: устремленность и движение мира от множества к безусловному единству, от кажущейся бессмысленности к всеобъемлющему смыслу» [2; 16].

Особую символичность водопаду как природному комплексу придает финальная картина книги. Вернувшийся в Петербург автор сравнивает гул Невского проспекта с гулом Надвоицких водопадов. Он замечает, что «божественная красота падающей воды стала понятна только после довольно долгого всматривания в отдельные брызги, в отдельно танцующие в тихих местах столбики пены, когда все они своим разнообразием сказали о единой таинственной жизни водопада» [4; 189]. Водопад становится пришвинским символом единства во множестве.

Рассказчик переносит эту «методологию всматривания» с природы на людей, выделяя в толпе «генерала в красном, трубочиста, барыню в шляпе, ребенка, рабочего и так без конца»: «Вдруг становится легко, разделяющая линия больше не нужна, все понятно. Это не толпа, это не отдельные люди. Это глубина души одного гигантского существа, похожего на человека. Мелькают, сменяются его желания, стремления, ощущения. Но само неведомое существо спокойно шагает вперед и вперед» [4; 180]. Так из «гула и хаоса» жизнетворческим усилием писателя рождается главный образ пришвинского творчества, отражающий авторскую идею Всеединства, – «Весь Человек».

Таким образом, природные доминанты Выговского края перерастают в художественном сознании М. М. Пришвина в символические комплексы «карельского текста», являясь одновременно смыслопорождающими контекстами дальнейшего творчества писателя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. А б а ш е в В. В. Пермь как текст: Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь, 2008. 495 с.
2. Д в о р ц о в а Н. П. Путь творчества М. Пришвина и русская литература начала XX века: Автореф. дис. … д-ра филол. наук. М., 1994. 44 с.
3. З а м я т и н Д. Н. Локальные мифы: модерн и географическое воображение // Литература Урала: история и современность: Сб. ст. Вып. 4. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2008. 496 с.
4. П р и ш в и н М. М. В краю непуганых птиц (Очерки Выговского края) // Пришвин М. М. Собр. соч.: В 8 т. М.: Худож. лит., 1982. Т. 1. С. 41–180.
5. П р и ш в и н М. М. Дневники. 1905–1954 // Пришвин М. М. Собр. соч.: В 8 т. М.: Худож. лит., 1986. Т. 8. 759 с.
6. Р а з у м о в а И. А. «Под вечным шумом Кивача…» (Образ Карелии в литературных и устных текстах) // Геопанорама русской культуры: Провинция и ее локальные тексты. М.: Языки славянской культуры, 2004 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www. librius. net/b/1747/read
7. Щ у к и н В. Г. Российский гений просвещения. Исследования в области мифопоэтики и истории идей. М.: Российская политическая энциклопедия, 2007. 608 с.
8. Я м п о л ь с к и й М. Б. Наблюдатель. Очерки истории видения. М.: Ad marginem, 2000. 287 с.

Trubitsina N. A., Elets State University (Elets, Russian Federation)

STORMY WATERS AS KEYNOTE OF “KARELIAN TEXT” IN MICHAEL PRISHVIN’S BOOK “THE LAND OF UNTAMED BIRDS”

The article analyzes natural images and symbols of “Karelian text” in the book of essays “The land of untamed birds” written by Michael Prishvin. Out of all major natural dominants inherent of Karelia – “wood, water, and stone” – the writer gives priority to stormy waters. The image of the waterfall is examined as a representative symbol of “Karelian text”. We came to a conclusion that in the authors perception the natural dominants of “Vygovskiy edge” transfer into symbolic complexes of “Karelian texts”. These dominants also serve as content inspiring keynotes for further creative work of the author.

Key words: “Karelian text”, symbolic complexes, image of the waterfall

REFERENCES

1. A b a s h e v V. V. *Perm’ kak tekst: Perm’ v russkoy culture i literature XX veka* [Perm as the text: Perm in Russian culture and literature of XX century]. Perm’, 2008. 495 p.
2. D v o r t s o v a N. P. *Put’ tvorchestva M. Prishvina i russkaya literatura nachala XX veka*. Avtoref. diss. dokt. filol. nauk [The path of M. Prishvin’s creative work and Russian literature in the early XX century. Avtoref. dr. philol. sci. diss.]. Moscow, 1994. 44 p.
3. Z a m y a t i n D. N. Local myths and modern geographical imagination [Lokal’nye mify: modern i geograficheskoye voobrazheniye]. *Literatura Urala: istoriya i sovremennost’*: sb. st. Is. 4. Ekaterinburg, Ural. un-t Publ., 2008. 496 p.
4. P r i s h v i n M. M. *V krayu nepuganykh ptits (Ocherki Vygovskogo kraya)* [In the land of not frightened birds (Essays Vygovskogo edge)]. Prishvin M. M. Sobranie sochineniy: V 8 t. Moscow, Khudozh. lit. Publ., 1982. Vol. 1. P. 41–180.
5. P r i s h v i n M. M. *Dnevniki 1905–1954* [Diaries 1905–1954]. Prishvin M. M. Sobranie sochineniy: V 8 t. Moscow, Khudozh. lit. Publ., 1982. Vol. 8. 759 p.
6. R a z u m o v a I. A. “Pod vechnym shumom Kivacha…” (Obraz Karelii v literaturnykh i ustnykh tekstakh) [“Under t perpetual noise of Kivach...” (image of Karelia in the literary and oral texts)]. *Geopanorama russkoy cultury: Provintsiya i ee lokal’nye teksty.* Moscow, Yazyki slavyanskoy kul’tury Publ., 2004. Available at: http://www.librius.net/b/1747/read
7. S h c h u k i n V. G. *Rossiyskiy geniy prosveshcheniya. Issledovaniya v oblasti mifopoyetiki i istorii idey* [Russian genius of enlightenment. Research in the history of ideas and mythopoetics]. Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya Publ., 2007. 608 p.
8. Y a m p o l ’ s k i y M. B. *Nablyudatel’. Ocherki istorii videniya* [Observer. Studies in the History of vision]. Moscow, Ad marginem Publ., 2000. 287 p.

Поступила в редакцию 24.12.2012

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Май, № 3 **Филология** **2013**

УДК 821.161.1–31

МАРИНА ВЛАДИМИРОВНА ЗАВАРКИНА
соискатель кафедры русской литературы и журналистики филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
mvnikuilina@mail.ru

ПОВЕСТЬ-ХРОНИКА А. ПЛАТОНОВА «ВПРОК» В ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ ВРЕМЕНИ*

Рассматривается литературно-политический контекст повести А. Платонова «Впрок». Делается вывод, что художественная структура повести представляет собой «полилог» писателя со статьями И. Сталина, взглядами М. Горького на «раскрестьянивание» деревни, с очерковой литературой начала 1930-х годов, а также с теорией «кооперативной коллективизации» А. Чаянова, что позволяет уточнить авторскую точку зрения в произведении. Ведя «диалог» со Сталиным, Платонов доводит до абсурда сталинские идеи «о перегибах» коллективизации, а используя актуальную для советской литературы форму хроники-очерка, представляет отличный от современной ему очерковой литературы взгляд на сталинскую коллективизацию. Не принимая «антикрестьянской» позиции М. Горького, Платонов сближается со взглядами А. Чаянова на коллективизацию как постепенный, проводимый с уважением к народным традициям процесс подключения советской деревни к происходящим в 1930-е годы преобразованиям.

Ключевые слова: творчество А. Платонова, И. Сталин, А. Чаянов, коллективизация, повесть, очерк, хроника

Повесть «Впрок» А. Платонов завершает весной 1930 года, ее публикация в журнале «Красная новь» в марте 1931 года во многом определила дальнейшую творческую судьбу писателя. Главный читатель СССР И. Сталин оставил на полях «Красной нови» свою оценку: «…рассказ агента наших врагов» [1; 150]. Вслед появляется разгромная самооправдательная статья главного редактора «Красной нови» А. Фадеева «Об одной кулацкой хронике» [13].

Сюжет повести может быть прочитан как диалог со статьями Сталина. В декабре 1929 года на конференции аграрников-марксистов Сталин поставил задачу ускорения коллективизации и призвал к «ликвидации кулачества как класса». Ранее, 3 ноября 1929 года, в газете «Правда» была опубликована статья Сталина «Год великого перелома: к XII годовщине Октября», где утверждалось, что в 1929 году стране удалось добиться «коренного перелома» на всех фронтах «социалистического строительства» [12; 124–125]. На самом деле «курс на форсированную индустриализацию и насильственную коллективизацию вверг страну в состояние гражданской войны» [14; 17]. И в следующем году власти вынуждены были пойти на уступки: 2 марта 1930 года выходит статья Сталина «Головокружение от успехов. К вопросам колхозного движения»; 14 марта – Постановление ЦК ВКП(б) «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении», позволившее распускать колхозы, организованные не на добровольной основе. В апреле появляется статья Сталина «Ответ товарищам колхозникам», в которой признавались некоторые «перегибы», но вся вина перекладывалась на местных активистов.

Платонов не мог не откликнуться на эти события, его «душевный бедняк», хроникер в повести «Впрок», должен был воочию убедиться в происходящем. Об этом свидетельствует точная дата, которой обозначено начало путешествия героя: «В марте месяце 1930 года некий душевный бедняк… сел в поезд дальнего следования… и выбыл прочь из верховного руководящего города» [10; 284]. Обращаясь в повести к теме колхозного строительства, Платонов выбирает актуальную форму очерка-хроники (к тому времени им уже написаны очерки «Огни Волховстроя» (1925), «Че-Че-О» (1928), «В поисках будущего (Путешествие на Каменскую писчебумажную фабрику)» (1929) и др.). Многие очерки Платонов писал по материалам поездок в качестве инженера-мелиоратора. В период работы над «Впрок» Платонов сотрудничает с редакцией газеты «Социалистическое земледелие» и совершает ряд поездок в районы Нижней и Средней Волги [8; 334].

Огромную роль в становлении и развитии жанра советского очерка сыграл М. Горький, который в 1929 году организовал журнал «Наши достижения», а через год редактировал первый выпуск журнала «СССР на стройке». В журнале «Красная новь», где публиковалась повесть Платонова, был раздел «От земли и городов», также посвященный очеркам с производства (включая и колхозное строительство). В нем печатаются в 1930 году очерки Ф. Малова «Самочистка» (январь), К. Большакова «Покорение Днепра» (февраль), Е. Гнедина «На путях к колхозу», С. Канатчикова «Рождение колхоза» (май), в начале 1931 года — очерки Б. Губера «Весенний дневник» (март) и «Три очерка» С. Гехта (апрель). Повесть-хроника Платонова от-

© Заваркина М. В., 2013

крывала мартовский номер за 1931 год и печаталась в разделе художественных произведений.

Статьи Сталина о коллективизации стали идеологическим «образцом» для очерков на тему колхозного строительства: они не только очертили круг вопросов, которые можно и нужно рассматривать, но и «подсказывали» писателю, в каком ключе эти вопросы следует обсуждать. Показательный пример – очерк Е. Гнедина. Гнедин затрагивает те же темы, что и Платонов: о принудительном вступлении крестьянина в колхоз («Местные работники говорили: “В колхоз надо итти, как детей в школу посылать; это не принудительно, но обязательно”» [3; 172]); о низкой урожайности крестьянского хозяйства, которое «не идет в ногу с социалистической промышленностью», «не выполняет заданий Ильича догнать и перегнать» [3; 173]; об антирелигиозной кампании в деревне (главка «Боги жарко горят» [3; 175]); о происках кулака (история учителя Корсакова [3; 178–179]). Однако существенное отличие очерка Гнедина от повести Платонова – четкое выражение авторской позиции. Гнедин везде поддерживает генеральную линию партии: так, главка «Цифры» подтверждает необходимость лозунга «Мы ликвидируем кулака как класс».

Повесть-хроника Платонова в первоначальном варианте была отклонена рецензентами и отправлена на исправление. Среди «недоработок» рецензенты называли жанровую неопределенность произведения: «“Впрок” нельзя назвать ни очерком, ни рассказом, ни сатирой, ни реалистической прозой» [15; 285]. Проблема жанровой специфики повести ставилась в связи с главным вопросом – об авторской позиции. Платонов в начале повести просит не отождествлять автора с «душевным бедняком», но ему «не верят»; рецензенты делают Платонова ответственным «за все промахи “электротехника”», считают, что в повести трудно отделить «фантазии автора» от реальных фактов и что его книга только ставит вопросы, но не решает их [15; 282–284]. Синтез очерково-хроникальной формы и лирико-сатирического пафоса оказался неприемлем для идеологов советского искусства.

Обращаясь к жанрам хроники и очерка, Платонов использует их структурные возможности, позволяющие включить историческое время в хронотоп произведения и сделать главным композиционным приемом путешествие героя. У платоновского героя нет имени, а авторская характеристика «душевный бедняк» может трактоваться двояко: *бедняк* ***душевный*** или ***бедный*** *душой* [2; 298]. В повести есть ироническое пояснение: душевный бедняк – тот, кто не имеет в душе «основной золотой миллиард, нашу идеологию» [10; 301]. В подтексте актуализируются слова Иисуса Христа из Нагорной проповеди о блаженных «нищих духом». А. Платонов, часто использующий христианские мотивы и образы в качестве поэтических метафор, делает главным героем человека, сознание которого «не оглашено» новыми социалистическими идеями: «У такого странника по колхозной земле было одно драгоценное свойство, ради которого мы выбрали его глаза для наблюдения, именно: он способен был ошибиться, но не мог солгать…» [10; 284]. В статье «Великая Глухая» (1931) А. Платонов выступал против излишней «оглушенности» / «оглашенности» советской литературы идеей [8; 583]. В. Перхин поясняет: «Оглашенность… происходит от понятия “оглашаю, учу устно” и означает ознакомление с христианским учением тех, кто желает принять крещение. <…> Об эпохе революции Платонов говорит… как об эпохе принятия новой веры. Причем происходит излишнее “оглашение”, вследствие чего наступает “художественная глухота”» [6; 239]. Платоновский образ-понятие «душевный бедняк» может быть прочитан и как перифраз «Письма селькору-колхознику» (1930) М. Горького, который в начале 1930-х годов поддерживал идею «переделки» деревни и «раскрестьянивания»: «…беднякам ясно было, что единоличное, частное хозяйство на земле – петля для них, видели они, что именно в деревне… плетет крепкую паутину… кулак-мироед… и в душу большинства крестьян глубоко вросло желание… превратиться тоже в кулаков… *кулацкая психика – “душа” – свойственна и беднякам*» (выделено мной. – *М. З.*) [4; 269].

«Душевный бедняк» Платонова – это народный интеллигент, который стоит на пороге новой «обобществленной» жизни в колхозе, но которому трудно отказаться от традиции, крестьянского опыта, своей немного «кулацкой» души. Критики увидели в «душевном бедняке» попытку автора «спрятаться» за образом юродивого, чтобы прикрыть «классово враждебный характер своей хроники» [13; 206]. А. Фадеев, оценивая «Впрок» как «кулацкую хронику», проводит параллель с «чаяновской кулацкой утопией» [13; 208]. В начале 1930-х годов проходит ряд показательных процессов по сфабрикованным делам, в том числе процесс «Трудовой крестьянской партии», по которому был арестован выдающийся ученый-экономист, профессор Московской сельскохозяйственной академии им. К. А. Тимирязева А. В. Чаянов. Чаянов, признавая социалистический путь развития России, тем не менее шел вразрез с главной политико-экономической тенденцией, которая оформилась в стране во 2-й половине 1920-х годов: прекращение НЭПа и тотальная коллективизация. Его идеал – сильная и самостоятельная деревня, где не будет командно-административных методов регулирования, быстрого и бездумного собирания крестьян в колхозы, уничтожения кулака как класса. Вместо «государственного коллективизма» Чаянов предлагал пойти по пути «кооперативной коллективизации» и делал ставку на личный труд большой крестьянской семьи.

Свои идеи Чаянов высказывал не только в научных работах, но и в художественных произведениях, например в повести «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии» (1920). И хроника Платонова, и повесть Чаянова близки на уровне жанровой модификации: оба произведения с открытым диалогом утопии и антиутопии, что позволяет назвать их метаутопиями. Но возникает вопрос: рисует ли Платонов в повести свой идеал советской деревни? «Чаяновскую утопию» Фадеев увидел у Платонова в «С.-х. артели имени Награжденных героев», учрежденной, как следует из повествования, в 1923 году. Несмотря на то что герой-рассказчик уличает в ханжестве зажиточных мужиков артели, Фадеев обвиняет в лицемерии самого писателя, так как «идиллия, описываемая Платоновым, выглядит прямо каким-то кулацким оазисом в пустыне бестолочи и сумятицы» [13; 208]. Однако и Платонов, и его герой, «душевный бедняк», в котором присутствует ряд автобиографических черт, связывали с коллективизацией свои заветные социальные чаяния по поиску смысла «отдельного и общего существования». Но то, какими методами и с какой скоростью она проводилась, заставляло «сомневаться» в истинности происходящего. И здесь взгляды Платонова действительно близки взглядам Чаянова. Платонов, как и Чаянов, верит в торжество «социального начала» в крестьянине и тем ставит себя в очень опасное положение (в связи с проводимыми политическими процессами): «…эти качества (трудолюбие и дружная организация. – *М. З.*) должны остаться и тогда, когда эта ханжеско-деляческая артель станет большевистской. Что же будет в артели, если снабдить ее тракторами, удобрениями, приложить к ее угодьям, вместо сухого рачительства, ударный труд, сменить имущественного скопца на большевика и агронома и, главное, сделать артель действительно трудовым товариществом крестьян-бедняков?» [10; 339]. Однако здесь, как нам кажется, можно увидеть и существенное отличие идей Платонова от программы Чаянова. В конце 1920-х – начале 1930-х годов Чаянову вменялось то, что он не увидел опасности в усилении крестьянских семей, которое в итоге привело бы к развитию капиталистических отношений в деревне. Платонов в это время мечтал о крестьянском будущем, технически вооруженном современной наукой и техникой (в этом солидаризируясь с Чаяновым), но где не будет «своего» и «чужого», а земля станет общим «существом существования».

Модель «крестьянской цивилизации» (С. Залыгин) и у Чаянова, и у Платонова шла вразрез с государственной утопией прежде всего в понимании роли народа и личности в строительстве социализма. В центре полемики окажется и семейная тема. По мнению И. А. Спиридоновой, тема «социализм и семья» в 1930-е годы наполняется у Платонова «своим, вступающим в напряженный диалог, все чаще – конфликт с эпохой, содержанием» [11; 280]. Если в 1920-е годы Платонов сближается с государственной утопией «государство-семья», то в 1930-е уже отходит от нее: ключевая для Чаянова-экономиста, философа, художника мысль о роли традиционной семьи в становлении личности, общества, государства художественно-философски будет раскрыта Платоновым в его рассказах («Среди животных и растений», «Жена машиниста», «Возвращение» и др.). В повести «Впрок» эта тема пока остается «за текстом», но Платонова все больше волнует вопрос: а будет ли *впрок* народу *такая* коллективизация? В словаре В. Даля даются следующие значения слова «впрок»: «в пользу, в выгоду, к добру…» [5; 257]. Однако если в начале произведения жители колхоза «Доброе начало» просят героя помочь отремонтировать искусственное солнце, которое будет им «**впрок**», чтобы «догнать и перегнать в технике, науке и культуре» город [10; 293–294], то в последнем на его пути колхозе под названием «Утро человечества» героя просят решить «великую задачу, чтоб нам догнать, перегнать и не умориться» [10; 287].

Мотив «погашенного» солнца настойчиво звучит в повести. Электрификация – одна из ключевых тем в публицистике и художественных произведениях писателя. Надежды, которые связывал молодой Платонов с электрификацией деревни, были не столько даже технические, сколько метафизические: «…электрический свет и электрический двигатель не только дадут нам вечный день и хлеб, но дадут и новую человеческую товарищескую душу» [7; 159]. В повести «Впрок» писатель приходит к выводу, что насильственная коллективизация, проводимая по абстрактному плану, без уважения к народу и его традициям, ведет не к просвещению и техническому оснащению деревни, а к возвращению к некоему первобытному, полудетскому состоянию, когда «людей придется административно кормить из ложек, будить по утрам и уговаривать прожить очередную обыденку» [10; 256]. М. Геллер справедливо считает, что Платонов показывает коллективизацию как процесс инфантилизации крестьянства [2; 310]. То, что Платонов не мог прямо высказать в художественном произведении, оставалось в его «Записных книжках», сопровождавших каждый этап работы над текстом. В книжке 1929–1930 годов есть запись, которая поясняет художественный гиперболизм повести «Впрок»: «…борьба с перегибами бывает иногда тоже перегибом» [8; 29]. Платонов, создавая в повести панораму событий коллективизации, пытался не только по возможности охватить все проблемы современной деревни, но и показать ее социалистический потенциал. Однако желание автора и героя поведать о том, как много можно взять «впрок» для дела социализма из опыта народной жизни, было оценено как антисоветская пропаганда.

* Статья подготовлена в рамках проекта «Создание и развитие деятельности Центра новых филологических исследований» Программы стратегического развития на 2012–2016 годы «Университетский комплекс ПетрГУ в научно-образовательном пространстве Европейского Севера: стратегия инновационного развития».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б)-ВКП(б), ВЧК-ОГПУ-НКВД о культурной политике. 1917–1953 гг. М., 1999. 869 с.
2. Геллер М. Андрей Платонов в поисках счастья. М.: МИК, 2000. 432 с.
3. Гнедин Е. На путях к колхозу // Красная новь. 1930. № 5. С. 171–182.
4. Горький М. Собр. соч.: В 30 т. М.: Гослитиздат, 1953. Т. 25. С. 268–271.
5. Даль В. Словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. I. М.: Русский язык, 2000. 699 с.
6. Перхин В. В. Русская литературная критика 1930-х: Критика и общественное сознание эпохи. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1997. 306 с.
7. Платонов А. П. Электрификация деревень // Андрей Платонов. Сочинения. Т. I. Кн. 2. Статьи. М.: ИМЛИ РАН, 2004. С. 159–161.
8. Платонов А. П. Записные книжки. Материалы к биографии / Сост., подгот. текста, предисл. и примеч. Н. В. Корниенко. М.: ИМЛИ РАН, 2006. 424 с.
9. Платонов А. П. Фабрика литературы: Литературная критика. Публицистика / Под ред. Н. Малыгиной. М.: Время, 2011. С. 583–586.
10. Платонов А. П. Эфирный тракт: Повести 1920-х – начала 1930-х годов / Под ред. Н. Малыгиной. М.: Время, 2011. С. 284–350.
11. Спиридонова И. А. Тема семьи в рассказах Платонова 1930-х гг. // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. Вып. 5. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 277–290.
12. Сталин И. В. Собр. соч.: В 18 т. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1946–2006. Т. 12. С. 118–135.
13. Фадеев А. Об одной кулацкой хронике // Красная новь. 1931. № 5–6. С. 206–209.
14. Хлевнюк О. В. Политбюро: Механизмы политической власти в 1930-е годы. М.: РОССПЭН, 1996. 295 с.
15. <Четыре внутренние рецензии на рукопись «Впрок»> // Андрей Платонов. Воспоминания современников. Материалы к биографии. М.: Сов. писатель, 1994. С. 281–285.

Zavarkina M. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

A. PLATONOV'S NOVEL "VPROK" IN LITERARY AND POLITICAL CONTEXT

The article is concerned with the literary and political context of A. Platonov's story "Vprok". The art structure of the novel "Vprok" represents "polylog" of the writer with I. Stalin's articles, views of M. Gorky on "raskrestyanivanie" of the village, feature articles of the early 1930th, and A. Chayanov's theory on "cooperative collectivization". A. Platonov elaborates Stalin's idea of "excesses" during collectivization to the point of absurdity and, using popular for the Soviet literature form of chronicles, presents another view on Stalin's collectivization. Without accepting M. Gorky's "antipeasant" position, Platonov shares A. Chayanov's views on collectivization as a gradual process of the Soviet village integration into the process of transformations occurring in the 1930th.

Key words: A. Platonov, I. Stalin, M. Gorky, A. Chayanov, collectivization, story, feature articles, chronicl

REFERENCES

1. Vlast' i khudozhestvennaya intelligentsiya. Dokumenty CK RKP(b)-VKP(b), VChK-OGPU-NKVD o kul'turnoy politike. 1917–1953 [Power and art intelligentsia. Documents of CK RKP(b)-VKP(b), VChK-OGPU-NKVD about cultural policy. 1917–1953]. Moscow, 1999. 869 p.
2. Geller M. *Andrey Platonov v poiskakh schast'ya* [Andrey Platonov in search of happiness]. Moscow, MIK Publ., 2000. 432 p.
3. Gnedin E. On the way to a collective farm [Na putyakh k kolkhozu]. *Krasnaya nov'*. 1930. № 5. P. 171–182.
4. Gor'kiy M. *Sobr. soch.: V 30 t.* [Collected works: in 30 v.] Moscow, Goslitizdat Publ., 1953. Vol. 25. P. 268–271.
5. Dal' V. *Slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: V 4 t.* [Russian dictionary: in 4 v.]. Vol. I. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 2000. 699 p.
6. Perkhin V. V. *Russkaya literaturnaya kritika 1930-kh* [Russian literary criticism of the 1930th]. St. Petersburg, Publ. house of the Petersburg university, 1997. 306 p.
7. Platonov A. P. *Sochineniya* [Works]. Vol. I. Part 2. Moscow, IMLI RAN Publ., 2004. P. 159–161.
8. Platonov A. P. Notebooks [Zapisnye knizhki]. M.: IMLI RAN, 2006. 424 p.
9. Platonov A. P. *Fabrika literatury* [Literature factory]. Moscow, Vremya Publ., 2011. P. 583–586.
10. Platonov A. P. *Efirnyy trakt: Povesti* [Ethereous tract: Stories]. Moscow, Vremya Publ., 2011. P. 284–350.
11. Spiridonova I. A. Family subject in Platonov's short stories of 1930th [Tema sem'i v rasskazakh Platonova 1930-kh gg.]. *"Strana filosofov" A. Platonova*. Vol. 5. Moscow, IMLI RAN Publ., 2003. P. 277–290.
12. Stalin I. Sobranie sochineniy: V 18 t. [Collected works: in 18 v.] M.: State publishing house of political literature, 1946–2006. Vol. 12. P. 118–135.
13. Fadeev A. Chronicles of one kulak [Ob odnoy kulatskoy khronike]. *Krasnaya nov'*. 1931. № 5–6. P. 206–209.
14. Khlevnyuk O. V. *Politbyuro: Mekhanizmy politicheskoy vlasti v 1930-e gg.* [Political bureau: mechanisms of political power in 1930-th]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1996. 295 p.
15. *Andrey Platonov. Vospominaniya sovremennikov* [Andrey Platonov. Memoirs of contemporaries]. Moscow, Sovetskiy pisatel' Publ., 1994. P. 281–285.

Поступила в редакцию 18.02.2013

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Май, № 3 **Филология** **2013**

УДК 82.0

АЛЕНА МИХАЙЛОВНА ТАВРИНА
аспирант кафедры литературы филологического факультета, Вологодский государственный педагогический университет (Вологда, Российская Федерация)
Umberta@inbox.ru

ОБРАЗ БАЙРОНИЧЕСКОГО ГЕРОЯ В РУССКОЙ РОМАНТИЧЕСКОЙ ПОВЕСТИ 30-х ГОДОВ XIX ВЕКА*

Рецепция творчества Байрона в русском обществе начинается после 1815 года. Байронического героя характеризует ряд особенностей, это личность независимая, индивидуалистичная, эгоистичная, разочарованная, одинокая, скитающаяся, бунтующая, таинственная, мятущаяся, гордая, мрачная, задумчивая, вызывающая страх в окружающих, страдающая, страстная. Подобный персонаж был представлен и в русской романтической прозе. У героя повести Е. П. Ростопчиной «Поединок» (1839) можно выделить семь признаков, которыми обладают персонажи «восточных поэм». Герой повести Валевич – личность одинокая, бунтующая, таинственная, мятущаяся, мрачная, задумчивая, страдающая. Современники не только восхищались творчеством Байрона, но и упрекали его в создании однотипных героев. Писатели высмеивали байронических личностей, которые облачались в «гарольдов плащ», чтобы вызвать интерес у светских дам. Такой персонаж становится предметом авторской иронии в повести В. Ф. Одоевского «Черная перчатка» (1838). В русской романтической прозе, ориентированной на произведения английского поэта, можно выделить байронических и «псевдобайронических» героев.

Ключевые слова: псевдобайронический герой, разочарование, одиночество, бунт, раскаяние, преждевременная старость души

Великий, остроумный, мрачный, дикий, безрассудный, неистовый... Эти определения, встречающиеся на страницах русской периодики 1820-х – начала 1830-х годов, характеризуют лорда Дж. Г. Байрона. Мнения об английском барде высказываются различные, нередко противоречащие [7], [10], [11]. Байрона боготворили и глубоко презирали, восхищались и осуждали, ужасаясь его мрачной поэзии. К «великому Байрону» не испытывали лишь равнодушия. Консервативно настроенных личностей пугало излишнее свободолюбие, всеобъемлющий бунт и богоборчество Байрона. Одно из ярких негативных мнений о творчестве английского поэта – письмо Д. П. Рунича в журнал «Русский инвалид», которое осталось неопубликованным. И все же сторонников поэзии Байрона было больше. Даже писатели реалистического направления, сменившего эпоху романтизма, признавали своевременность и ценность явления, именуемого «байронизм». Рецепция творчества английского поэта в русском обществе начинается после 1815 года. Условно можно выделить три этапа восприятия Байрона в России.

1. Начальный этап вхождения Байрона в русскую литературу (1815–1820 годы). На данном этапе русские критики знакомились со взглядами зарубежных коллег, не высказывая собственных суждений. В статьях, переведенных из иностранных периодических изданий, отсутствует единая точка зрения на творчество Байрона.

2. «Подражательный» период (1820-е годы). Появляются многочисленные лиро-эпические поэмы, в которых копируются темы и герои байроновских сочинений: «Чернец» И. Козлова, «Киргизский пленник» Н. Муравьева, «Пещера Кудеяра» С. Степанова, «Разбойник» П. Машкова… Все эти и многие другие нелепые пародии превращают поэму «байронического типа» в литературный шаблон. Постепенно формируется собственная точка зрения на творчество английского барда. Представителей русского аристократического круга того времени, по меткому замечанию М. П. Алексеева, можно разделить на «байронофилов» и «байронофобов» [1].

3. Период критического осмысления (1830–50-е годы). Английского поэта обвиняют в создании однотипных героев. Писатели начинают высмеивать в своих произведениях «отечественных Чайльд-Гарольдов», разочарованных жизнью.

Несмотря на прочное укоренение байронического героя в поэтических жанрах[1], подобный персонаж был представлен и в русской романтической прозе. Прежде чем приступить к рассмотрению русских романтических повестей, ориентированных на поэмы Байрона, остановимся подробнее на концепции личности в его произведениях[2]. Байроновский персонаж – это личность:

1. Независимая. Свобода, которую так жаждали получить романтики, является неотъемлемым условием жизни героя «восточных поэм». Свою волю они признают «единственной истиной, существующей на земле» [8; 89].

2. Индивидуалистичная. По мысли А. М. Зверева, «безграничная свобода» байроновского

© Таврина А. М., 2013

героя, «который считает себя… стоящим выше общества», делает его «законченным индивидуалистом» [8; 89].

3. Эгоистичная. Индивидуализм, доведенный до крайних пределов, превращает героя в эгоиста. Е. Н. Петрова относит эгоизм байроновского персонажа к его отрицательным чертам: «Слабостью героя оказался его эгоизм, его замкнутость, стремление поставить себя над другими людьми» [14; 24].

4. Разочарованная. «Он средь людей тягчайшую из школ – / Путь разочарования – прошел…» [3; 94].

5. Одинокая. «Он здесь один – отступник злой, / Изменник родины святой, / Один без друга, без родных, / В толпе врагов, в толпе чужих» [1].

6. Скитающаяся. Ощущая себя «чужеродцем» в этом мире, герой добровольно (а иногда в силу обстоятельств) становится странником.

7. Бунтующая. Священный гнев звучал в нем как призыв / Отмстить немногим, миру отомстив» [3; 94].

8. Таинственная. «Байронический герой обычно окружен тайной», – отмечает В. М. Жирмунский. «Что я, кто я – никто не знает; / Мой рок мрачнее страшных снов / И многим горе предвещает» [3; 67].

9. Мятущаяся. «Всадник мчался молодой, / Его душе был чужд покой» [3; 11]. Тревожное состояние, характеризующее Гяура, знакомо практически каждому герою «восточных поэм».

10. Гордая. «Всю боль он терпит, но как прежде горд / И злобы полн, – он остается тверд» [3; 111].

11. Мрачная. Сплин, мировая скорбь, утомление, удрученность, опустошенность… Все это синдромы «преждевременной старости души» героев Байрона – модной болезни первой половины XIX века, которая принимает вид эпидемии.

12. Задумчивая. Герой, привыкший к непониманию со стороны окружающих, скрывает от них свои мысли.

13. Вызывающая страх в окружающих. «Но кто вожак? прославленный пират, – / О нем везде со страхом говорят. / Он чужд им, он повелевать привык…» [3; 89].

14. Страдающая. Как правило, прошлое героя «восточных поэм» таит непоправимую ошибку, а возможно, и преступления, в которых он мучительно раскаивается. «Истерзан внутренней тоской, / Воспоминаньями о тех, / Кого казнил за тяжкий грех» [2; 475].

15. Страстная. Несмотря на «души печальный хлад», байроновский герой может являться носителем неукротимых страстей. «Страсть юных лет, надежды лучших дней, / Ключ нежности и ласки – с нею, с ней, / С единственной, кого любить он мог…» [3; 134].

В «восточных поэмах» утверждается внешний облик байроновского героя, описание которого в дальнейшем превратится в пародию на возвышенную романтическую личность. В. Жирмунский выделяет следующие черты, составляющие портрет главного персонажа: «высокий, бледный лоб», «густые черные волосы, ниспадающие на плечи в изобилии и беспорядке», «бледные впалые щеки», «презрительно искривленные бледные губы» [7; 125]. Байрон изображает своих героев в эффектных позах. Излюбленная поза байроновского персонажа – стоять со скрещенными на груди руками, устремив вдаль задумчивый или мрачный взор (так называемая поза Наполеона).

Чертами байронического героя наделен полковник Валевич из повести Е. П. Ростопчиной «Поединок» (1839). Валевич – индивидуалист. Его жизнь, поступки, образ мыслей отличаются от устоявшихся в военной среде традиций. «Красивый стан и приятное лицо», «быстрый ум, истинное образование и отличное воспитание», «знатность родства и связей», богатство – все это давало возможность вращаться в высших кругах общества и наслаждаться жизнью [15; 399]. Но Валевич избирает «особенный образ жизни» – одиночество и нелюдимость. Большую часть времени герой проводит в своей комнате, размышляя, «не сообщая никому своих дум» [15; 398].

Жизнь героя окутана тайной. Валевич служит в Ф…ском полку, куда он «был переведен из гвардии за какой-то проступок, которого начальники не разглашали, оберегая чувствительность виноватого» [15; 399]. Тайна полковника усиливается благодаря странному интерьеру его квартиры. Обстановка жилища Валевича навевала на посетителей «ужас» и «хандру». Стены комнаты полковника были обиты черным сукном. «Его кровать имела совершенно вид и форму гроба» [15; 397]. Мрачное пристанище Валевича наполнено загадочными предметами (пуля со следами запекшейся крови, пистолет, лампада, сделанная из человеческого черепа, портрет прекрасного юноши, «списанный с мертвеца» [15; 398]). Полковник старается избегать контактов с внешним миром. Сознательная изолированность от социума выявляет еще один признак, присущий байроническому типу героя, – бунт. Валевич – бунтарь. Герой не является мятежником, который с оружием в руках протестует против окружающих людей или внешнего мира. И все-таки бунт Валевича трагичнее бунта байроновских персонажей. Он направлен против самого себя, поэтому остается надеяться лишь на примирение с собственной совестью. Однако совесть – неумолимый судья для преступного Валевича.

Внешний облик полковника полностью соответствует портрету героев «восточных поэм». Автор описывает своего героя как человека «высокого и бледного, с седеющими черными кудрями и никогда не улыбающимся лицом» [15; 397].

Даже окружающие видят в герое персонажа, сошедшего со страниц произведений Байрона. На балу Валевич приковывает к себе все внимание провинциальных дам. «Он точно Лара, точно Гяур, и таинствен, и мрачен, и с большими черными глазами!» – говорит предводительская дочь [15; 401]. Причиной страданий полковника является преступление, совершенное им в «бурной молодости». Ради удовлетворения оскорбленного самолюбия Валевич убивает на поединке своего товарища. С тех пор разговоры о дуэлях сделались для него невыносимыми. Герой пытается защитить сослуживцев от ошибки своей юности. «Знаете ли вы, что такое угрызение совести, совести неумолимой, неусыпной?» – восклицает полковник перед слушателями [15; 410]. Совершив страшный поступок, Валевич раскаивается.

Поединок проводит черту между прошлой, беспечной жизнью героя и жизнью настоящей, полной раскаяния в содеянном. Молодой Валевич не имеет ничего общего с тем угрюмым человеком, которого автор изображает в начале повести. «Я не бегал от людей… но живо и весело предавался всем наслаждениям суеты и роскоши, всем удовольствиям избранных этого света» [15; 413]. Валевич ведет жизнь светского щеголя, баловня судьбы, который дорожит лишь своим блестящим положением в обществе. Единственное, что сближает его с байроновским героем, – эгоистичное отношение к окружающим. Самолюбие Валевича уязвлено тем, что красавица Юлия предпочла не его, а Алексея Дольского.

Итак, у героя Ростопчиной можно выделить семь признаков, которыми обладают персонажи «восточных поэм». Валевич – личность одинокая, бунтующая, таинственная, мятущаяся, мрачная, задумчивая, страдающая. Герой иронизирует над расплодившимися «Чайльд-Гарольдами и Онегиными». Однако сам Валевич напоминает окружающим персонажа из произведений «мрачного гения». Он «вжился» в роль неприступного героя только после поединка, так как молодого Валевича трудно причислить к байроническим персонажам. Поэтому «байронизм» полковника – это не сознательное подражание английскому романтику, не моделирование жизни по законам его поэм и не дань тогдашней моде. Валевич – байронический герой не по образу мыслей, а по воле обстоятельств.

В то же время писатели высмеивали байронических личностей, которые облачались в «гароль-дов плащ», чтобы вызвать интерес у светских дам. Подобный персонаж становится предметом авторской иронии в повести В. Ф. Одоевского «Черная перчатка» (1838). Воротынский «принадлежал к числу тех людей нового поколения, которые умеют смеяться не улыбаясь и плакать без слез; которых, кажется, ничто не в состоянии ни удивить, ни тронуть – и не из притворства, а по привычке» [13; 72]. Он старательно копирует внешность, манеры, поведение байроновских героев, доводя их черты до гротеска.

Внешний облик Воротынского полностью соответствует литературной моде того времени: «Он был бледен; черные кудрявые волосы оттеняли холодные, почти безжизненные черты лица его, лишь иногда какой-то минутный огонь сверкал в его глазах и потухал в ту же минуту» [12; 72]. Воротынский убеждает себя в «несчастии быть счастливым», сознательно моделируя жизнь по законам разочарованных байроновских героев.

Заметив, что ее собеседник носит черные перчатки, графиня спрашивает, что они символизируют. Воротынский носит траур.

– Скажите же, по ком вы в трауре? <…>

– По самом себе, – с важным видом сказал молодой человек [12; 72].

Внешние атрибуты траура Воротынского только декорация. Обстановка комнаты Валевича напоминает ему о преступлении, совершенном в молодости. Черные перчатки Воротынского не несут никакой смысловой нагрузки. Они лишь могут вызвать интерес у окружающих и пленить воображение юных светских красавиц. Таким образом, перед нами один из псевдобайронических героев – личность, часто встречающаяся в светском обществе того времени.

Таким образом, в русской романтической прозе эпигонов английского барда можно выделить байронических и псевдобайронических героев. Байронический герой, обладая теми или иными характеристиками персонажей Байрона, не искажает их мировоззрения (Валевич). Герой, который конструирует свою жизнь, следуя литературной моде на байронизм, и «выворачивает наизнанку» принципы байроновской личности, является псевдобайроническим (Воротынский). Как правило, образ такого героя включает в себя элементы сатирической пародийности.

* Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение № 14.B37.21.0036 от 6 июля 2012 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Байроновскими настроениями пронизана поэзия М. Ю. Лермонтова. В ней нашли отражение основные мотивы лирики Байрона: свободолюбие и борьба против тиранов («10 июля (1830), «30 июля (Париж) 1830 года», «Новгород»); одиночество, страдания, преждевременная старость души (циклы «Ночи», «Чума в Саратове», «Отрывок»).

[2] Анализировать концепцию байроновского героя мы будем на примере «Чайльд-Гарольда» и «восточных поэм», поскольку рецепция Байрона в России осуществлялась, как правило, посредством данных произведений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев М. П. Русско-английские литературные связи (XVIII – I половина XIX в.) // Литературное наследство. Т. 91. М., 1982.
2. Байрон Дж. Осада Коринфа [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://az.lib.ru/b/bajron_d_g/text_0510oldorfo.shtml
3. Байрон Дж. Паризина [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://az.lib.ru/b/bajron_d_g/text_0530oldorfo.shtml
4. Байрон Дж. Собр. соч.: В 4 т. Т. 3. М.: Правда, 1981. 367 с.
5. Брандес Г. Литература 19 века в ее главнейших течениях: английская литература: натурализм в Англии, озерная школа, Байрон и его группа / Пер. с нем. М. Колшина. СПб.: Издание Ф. Павленкова, 1898. 339 с.
6. Достоевский Ф. М. Дневник писателя [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://philologos.narod.ru/texts/dost_nekrasov.htm
7. Жирмунский В. М. Байрон и Пушкин. Пушкин и западные литературы. Л.: Наука, 1978. 423 с.
8. Жуковский В. А. О поэте и современном его значении (Письмо к Н. В. Гоголю) // В. А. Жуковский – критик / Сост., вступ. ст. и коммент. Ю. М. Прозорова. М.: Сов. Россия, 1985. С. 180–186.
9. Зверев А. М. Звезды падучей пламень: Жизнь и поэзия Байрона. М.: Детская литература, 1988. 189 с.
10. Кургинян М. Дж. Байрон. М.: Гослитиздат, 1958. 216 с.
11. Надоумко Н. Литературные опасения за будущий год // Вестник Европы. 1828. № 22. С. 83–91.
12. Одоевский В. Ф. Черная перчатка // Одоевский В. Ф. Сочинения: В 2 т. Т. 2. М.: Худож. лит., 1981. С. 58–81.
13. Петрова Е. Н. Байрон. Л., 1959. 42 с.
14. Письмо Д. П. Рунича к издателям «Русского инвалида» от 22 апреля 1820 года // Русская старина. 1896. Т. LXXXIII, октябрь. С. 136.
15. Ростопчина Е. Поединок // Русская романтическая повесть писателей 20–40-х годов XIX в. М.: Пресса, 1992. 463 с.

Tavrina A. M., Vologda State Pedagogical University (Vologda, Russian Federation)

BYRONIC CHARACTER'S IMAGE IN RUSSIAN ROMANIC STORIES IN EARLY THIRTIES OF XIX CENTURY

Acceptance of Byron's works by the Russian society started after 1815. Conventionally, three stages of the English poet perception by the Russian society can be determined: the initial stage of Byron emersion in Russian literature (1815–1820), "imitative" period (1820s), a period of critical understanding (1830–50s). The Byronic hero has several characteristic features. He is independent, individualistic, selfish, disillusioned, lonely, wandering, rebellious, mysterious, restless, proud, gloomy, thoughtful, fearsome, suffering, and passionate. Such type of a character was frequently depicted in the Russian romantic prose. The hero of E. P. Rostopchin's story "Duel" (1839) has seven features inherent to the character of "oriental poems". The hero of the story, Valevich, is a lonely, rebellious, mysterious, restless, gloomy, thoughtful, and suffering person. Contemporaries of the writer not only admired Byron's works but also accused him of creating identical characters. The writers ridiculed Byronic figures who were dressed in "Harold cloak" with the purpose to excite interest in fine ladies. Such a character is a subject of the author's irony in V. F. Odoevskiy's story "Black Glove" (1838). Byronic and "pseudo-Byronic" heroes can be easily identified in Russian romantic prose oriented on the works of the English poet.

Key words: pseudo-Byronic hero, disappointment, loneliness, rout, regret, premature senility of the soul

REFERENCES

1. Alekseev M. P. Russko-angliyskie literaturnye svyazi (XVIII – I polovina XIX v.) [Russian-English literary connections (XVIII – I half of the XIX century)]. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary heritage]. Vol. 91. Moscow, 1982.
2. Byron J. *Osada Korinfa* [Siege of Corinth]. Available at: http://az.lib.ru/b/bajron_d_g/text_0510oldorfo.shtml
3. Byron J. *Parizina* [Parisina]. Available at: http://az.lib.ru/b/bajron_d_g/text_0530oldorfo.shtml
4. Byron J. *Sobr. soch.: V 4 t.* [Collected works: In four volumes]. Vol. 3. Moscow, Pravda Publ., 1981. 367 p.
5. Brandes G. *Literatura XIX veka v ee glavneyshikh techeniyakh: angliyskaya literatura: naturalizm v Anglii, ozernaya shkola, Bayron i ego gruppa* [Literature of the 19th century in its main trends: English literature: naturalism in England, lake school, Byron and his group]. St. Petersburg, Publication of F. Pavlenkov, 1898.
6. Dostoevsky F. M. *Dnevnik pisatelya* [Diary of Writer]. Available at: http://philologos.narod.ru/texts/dost_nekrasov.htm
7. Zhirmunskii V. M. *Bayron i Pushkin. Pushkin i zapadnye litaratury* [Byron and Pushkin. Pushkin and Western literature]. Leningrad, Nauka Publ., 1978. 432 p.
8. Zhukovskiy V. A. *O poete i sovremennom ego znachenii (Pis'mo k N. V. Gogolyu)* [About poet and its modern meaning. Letter to N. V. Gogol']. *Zhukovskiy – kritik* [*Zhukovskiy as critic*]. Moscow, Sov. Rossiya Publ., 1985. C. 180–186.
9. Zverev A. M. *Zvezdy paduchey plamen': Zhizn' i poeziya Bairona* [Falling Star Flame: The Life and Poetry of Byron]. Moscow, Detskaya Literatura Publ., 1988. 189 p.
10. Kurginyan M. *Dzh. Bairon* [J. Byron]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1958. 216 p.
11. Nadoumko N. I. Literaturnye opaseniya za budushchiy god [Literary Concerns for the Next Year]. *Vestnik Evropy.* 1828. № 22. P. 83–91.
12. Odoyevski V. F. Black Gloves [Chernaya perchatka] // Odoyevski V. F. Works in 2 volumes.Vol. 2. Moscow, Khudozestvennaya literatura Publ., 1981. P. 58–81.
13. Petrova E. N. *Bayron* [Byron]. Leningrad, 1959. 42 p.
14. Letter of D. P. Runich to "Russian Invalid" publishers dated April 22, 1820 [Pis'ma D. P. Runicha k izdatelyam "Russkogo invalida" ot 22 aprelya 1820 goda]. *Russkaya Starina.* 1896. Vol. LXXXIII, October. P. 136.
15. Rostopchina E. *Duel* [Duel']. *Russian Romantic Story of Writers in 20–40th years of the nineteenth century* [Russkaya romanticheskaya povest' pisateley 20–40-kh godov XIX veka]. Moscow, Pressa Publ., 1992. 436 p.

Поступила в редакцию 10.01.2012

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Май, № 3 **Философия** **2013**

УДК

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЛЕБЕДЕВ
доктор философских наук, профессор кафедры философии Института переподготовки и повышения квалификации, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация)
saleb@rambler.ru

ПРОБЛЕМА ОПРАВДАНИЯ ИНДУКЦИИ
(метафизический и прагматический подходы)

Рассматривается классическая эпистемологическая проблема, поставленная Д. Юмом: можно ли чисто рационально оправдать использование в повседневной жизни и в эмпирических науках индукции как способа обобщения эмпирических данных или основы для предсказания новых фактов? Обращаясь к анализу философии науки XX века, автор демонстрирует отсутствие в ней положительного решения проблемы индукции. Полученные результаты обогащают традицию философского осмысления науки, способствуя уяснению специфики научного знания.

Ключевые слова: индукция, обоснование, рациональность, вероятность, логический эмпиризм, прагматизм, истина

Если признать, что индуктивные рассуждения занимают важное место в структуре познавательной и поведенческой деятельности человека, то неизбежно возникает вопрос: а можно ли рационально обосновать необходимость опоры на индукцию как метод познания и действия? Этот вопрос, впервые в достаточно четкой форме поставленный Д. Юмом, собственно, и составляет основное содержание так называемой «проблемы индукции». В самом деле, принцип обучения из опыта, которому мы неизменно следуем в своих каждодневных ожиданиях и поступках, с необходимостью предполагает какую-то форму экстраполяции прошлого опыта на будущий, ожидания того, что то, что случалось до сих пор, произойдет при повторении соответствующих обстоятельств и в будущем. Здесь-то и возникает вопрос: может ли эта индуктивная экстраполяция от прошлого к будущему быть как-то рационально обоснована? Нет, отвечал Юм, считая, что в основе нашей уверенности в истинности индуктивного заключения лежит только привычка.

Несмотря на негативный ответ, данный Юмом, проблема индукции не потеряла свою актуальность [1]. Более того, сама невозможность положительного решения данной проблемы рассматривается нередко как «скандал» в философии, как крушение рациональных основ научного и обыденного познания. В этой связи в философии был предпринят ряд попыток положительного решения проблемы индукции. Насколько удачны эти попытки? Преодолевают ли они юмовский скептицизм? Данные вопросы составят предмет нашего дальнейшего рассмотрения.

В философии науки можно выделить следующие основные концепции и виды обоснования индукции: 1) дедуктивное или «метафизическое» (Дж. Ст. Милль, Дж. Кейнс, Б. Рассел); 2) прагматическое (Ч. Пирс, Г. Рейхенбах, В. Салмон); 3) индуктивно-аналитическое (Р. Карнап, Дж. Кемени, Я. Хинтикка); 4) конвенционалистское (А. Пуанкаре, Г. Мильо, А. Леруа); 5) лингвистическое разрушение данной проблемы как неправильно поставленной (М. Блэк, А. Айер, П. Стросон).

МЕТАФИЗИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ ОПРАВДАНИЯ ИНДУКЦИИ

Данная концепция, как и остальные, связана с понятием перечислительной индукции. Перечислительная индукция – такой тип индуктивного рассуждения, когда на основании эмпирически найденного свойства у части членов определенного класса заключают о наличии этого свойства у остальных членов данного класса. Часто этот тип вывода называют также выводом «от прошлого к будущему», «от наблюдаемого к ненаблюдаемому» и т. п. Например, если при нагревании различных кусков фосфора наблюдаем, что они плавились при температуре 44 °С, то отсюда можно сделать вывод, что и другие куски фосфора будут плавиться при данной температуре в подобных условиях, что точка плавления фосфора равна 44 °С. Посылки и заключение выводов перечислительной индукции необязательно должны иметь форму универсальных высказываний. Посылки перечислительной индукции могут содержать и статистическую информацию о том, что не все, а лишь определенная доля среди исследованных членов некоторого класса имеет свойство *P*. Тогда заключение статистической индукции будет утверждать о наличии примерно такой же доли объектов со свойством *P* среди всех членов данного класса. Например, если из урны, содержащей шары белого и черного цвета, взято 20 белых и 10 черных шаров, то

© Лебедев С. А., 2013

отсюда можно заключить, что примерно та же относительная частота белых и черных шаров будет встречаться и впредь, характеризуя соотношение белых и черных шаров как 2:1 во всей популяции. Таким образом, традиционная перечислительная индукция от «некоторых ко всем» может быть рассмотрена как вывод от образца к популяции, когда относительная частота определенного свойства в образце равна 1.

Фундаментальной чертой всех индуктивных выводов является их недемонстративный характер. Заключения индуктивных выводов всегда утверждают больше, чем позволяют посылки сами по себе. Поэтому об индуктивном выводе обычно говорят, что он содержит «индуктивный скачок», что его заключение расширяет и усиливает содержание посылок. Недемонстративный характер индуктивного вывода проявляется в том, что принятие его посылок и вместе с тем отрицание его заключений не приводит к логическому противоречию, как это имеет место в подобной ситуации в дедуктивном выводе. В связи с тем что заключение перечислительной индукции логически не вытекает из содержания ее посылок, закономерно возникает вопрос: что обосновывает этот индуктивный скачок, какой принцип обосновывает веру в то, что нечто произойдет просто потому, что оно происходило до сих пор?

Одна из первых попыток положительного ответа на данный вопрос была предпринята в рамках так называемого *«метафизического»* или *дедуктивного* обоснования индукции (Дж. Ст. Милль и др.). Сторонники этого подхода пытались обосновать индукцию ссылкой на некий общий принцип онтологического характера, присоединение которого в качестве большей посылки к индуктивному выводу превращало бы последний в специфический вид дедуктивного вывода, то есть теперь его заключение следовало бы с логической необходимостью из посылок. Роль такого принципа обычно приписывалась так называемому принципу «единообразия природы». Существуют различные его формулировки: «одна и та же причина – одно и то же действие», «регулярности в природе не зависят от пространства и времени», «ход природы закономерен», «то, что произошло один раз, будет иметь место при достаточно сходных обстоятельствах и вторично – и не только вторично, а и всякий раз, как снова встретятся те же самые обстоятельства» [3; 277]. Главное же заключается в том, что при всех формулировках принципа единообразия предполагалось, что из предложений 1) «А и В всегда (или с частотой m/n) встречались вместе» и 2) «Природа единообразна» будет логически следовать «А и В будут всегда (или с частотой m/n) появляться вместе». Дж. Ст. Милль утверждал: «Положение, что порядок природы единообразен… есть основной закон, общая аксиома индукции» [3; 288]. Очевидно, что с позиций данного подхода вся проблема оправдания индукции упирается в обсуждение статуса принципа единообразия природы.

Прежде всего необходимо отметить, что в любой из своих формулировок принцип единообразия природы не является аналитическим утверждением, то есть таким, истинность которого может быть обоснована путем анализа значений входящих в него терминов и показа того, что оно есть тавтология. Аксиома единообразия природы является синтетическим, фактуальным суждением весьма общего характера, утверждающим нечто о структуре действительности. Следовательно, истинность этой аксиомы может быть доказываема либо дедуктивно, путем ее выведения из еще более общих истин синтетического характера, либо индуктивно, путем апелляции к найденным в природе отдельного рода единообразиям, либо, наконец, просто постулирована. Но первое невозможно, так сказать, по определению, ибо принцип единообразия считается «последним основанием», «аксиомой» индукции. Если же он таковым не считается, а выводится из других принципов более общего характера, тогда именно они будут выполнять роль «аксиомы» индукции и аналогичные вопросы об их статусе могут быть поставлены вновь. Если мы снова будем пытаться найти дедуктивное доказательство для них, тогда ситуация регресса в бесконечность налицо.

Попытка же доказать истинность принципа единообразия индуктивным способом, путем ссылки на существование в природе отдельных единообразий, очевидно, содержит в себе логический круг. Правда, Дж. Ст. Милль, утверждавший, что принцип единообразия является эмпирическим обобщением высшего порядка, пытался избежать логического круга при его обосновании. Он считал, что те единообразия, на основе которых был когда-то сформулирован этот принцип, были получены до и независимо от этого принципа; истинность же последующих единообразий якобы доказывается уже действительно с помощью принципа единообразия. Аргументация Милля не спасает положения, ибо, если принцип единообразия был получен только на основе наблюдавшихся единообразий, тогда он по своей логической сути не может быть истинным высказыванием и есть не более чем гипотеза. Но тогда и все последующие единообразия, которые были получены с его помощью, также не более чем гипотезы. Подобного рода вывод явно идет вразрез с миллевской трактовкой индукции как метода «открытия и доказательства» научных законов. Р. Брейтвейт в связи с этим справедливо отмечал: «Непреодолимым возражением сведению всякой индукции к дедукции является то, что для этого потребовалась бы разумная вера в очень общую эмпирическую посылку (единообразие природы), разу-

мность веры в которую должна быть обоснована другим индуктивным аргументом» [5; 259].

Третий способ обоснования принципа единообразия состоит в том, что его истинность постулируется. Такой способ обычно не приемлется представителями эмпиристской методологии, связывающими подобную постановку вопроса с кантовским учением о синтетических суждениях apriori и видящими в этом рецидив «метафизики». Представляется, однако, что приписывание определенным синтетическим утверждениям статуса истинных положений – в духе современной науки, главное не останавливаться на этом, а смотреть далее, к каким следствиям это ведет. Именно в этом, как известно, состоит суть гипотетико-дедуктивного метода научного познания. Однако, если допустить, что принцип единообразия природы является истинным, тогда увидим, что он «разрешает» слишком много, позволяя делать какие угодно обобщения, правильные и неправильные. Самое главное возражение этому принципу заключается в том, что его использование в качестве большей посылки индукции приводит к противоречивым, взаимоисключающим выводам. Рассмотрим пример с подбрасыванием монеты, чтобы определить вероятность ее выпадения «орлом». Для этого проведем серию испытаний и посмотрим, как часто монета выпадает на «орла» (*О*) и «решку» (*Р*). Предположим, что получена следующая серия исходов опыта: *ОРРРРООРОРРРОООРОО*. Тогда последовательность относительных частот выпадения монеты «орлом» по мере увеличения размера образца будет: 1, 1/2, 1/3, 1/4, 1/5, 2/6, 3/7, … Спрашивается: какое из этих значений относительной частоты может быть экстраполировано на всю последовательность в качестве истинного значения относительной частоты выпадения данной монеты «орлом»? Оказывается, что с точки зрения принципа единообразия природы каждое из этих значений может быть в равной степени рассмотрено как истинное. Однако очевидно, что эти значения исключают друг друга.

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ ОПРАВДАНИЯ ИНДУКЦИИ

В отличие от сторонников дедуктивного, или «метафизического», обоснования индукции, пытавшихся доказать истинность заключений индуктивных выводов с помощью принятия некоего общего онтологического постулата, сторонники *прагматического* оправдания считают, что нет и не может быть какой-либо гарантии, что использование перечислительной индукции в каждом случае приведет к надежному знанию о будущих событиях. Индукция, считают они, не может быть рассмотрена как достаточное условие для знания о будущем, но тем не менее может быть показано, что она является необходимым условием. Если предсказание о будущем возможно, то оно необходимо предполагает использование индукции. Если же отрицать необходимость индуктивных процедур в предсказании будущего опыта, то необходимо отрицать и все другие методы получения знания о будущем, поскольку все они зависят от индукции. Дело в том, что о надежности любых неиндуктивных методов предсказания будущего мы можем рационально судить только на основании их успешного применения в течение длительного времени, то есть с помощью индукции.

Одна из первых попыток прагматического оправдания индукции была предпринята американским философом Ч. С. Пирсом, который выдвинул концепцию индукции как самокорректирующего метода. «Истинная гарантия законности индукции, – утверждал Пирс, – состоит в том, что она является методом получения заключений, который, если упорствовать достаточно долго, будет гарантированно исправлять любую ошибку относительно будущего опыта, к которой он может временно привести нас» [1; 160–161]. Рассмотрим предыдущий пример с подбрасыванием монеты. Если произведено одно испытание и монета выпала «орлом», тогда по индукции должно заключить, что вероятность выпадения монеты «орлом» равна 1. Но уже следующее испытание, когда монета выпадает «решкой», исправляет наше предсказание, и в свете нового опыта, согласно той же индукции, мы заключаем, что вероятность выпадения монеты «орлом» равна 1/2; из последующего опыта заключаем, что относительная частота выпадения данной монеты «орлом» равна не 1/2, а 1/3 и т. д. Пирс утверждал, что если продолжать довольно долго следовать такой индуктивной стратегии, то можно получить значение относительной частоты, которое будет сколь угодно мало отличаться от его истинного значения. Другими словами, предполагается, что по мере увеличения испытаний будет иметь место сходимость индуктивно найденного значения относительной частоты к его действительному значению, иначе ни о каком исправлении «ошибок» не может быть и речи. Но насколько верно такое предположение о сходимости для каждого вида опыта и как мы можем знать о наличии сходимости для бесконечных последовательностей?

Даже если можно привести ряд примеров из статистики, когда такая сходимость действительно имела место, то что этим доказывается? Только то, что иногда индукция приводила к успеху. Отсюда не следует, что она всегда будет приводить к успеху. Притом апелляция к успеху индукции разве не является индуктивным обоснованием индукции?

Другим недостатком концепции индукции как самокорректирующего метода является расплывчатость и крайняя неопределенность поня-

тия «достаточно долго». Даже если допустить, что индукция действительно приведет в «конечном счете» к истинным выводам, если упорствовать «достаточно долго», то нельзя все же сказать, когда именно это случится.

Е. Мадден по этому поводу остроумно замечал: «Долговая расписка в любом случае не является хорошей, если вы никогда не сможете погасить ее» [7; 291]. Нельзя не согласиться с его общей оценкой пирсовского варианта прагматического обоснования индукции: «Взгляд, что индукция является необходимым условием для надежного знания о будущем, не является слишком утешительным. Мы никогда не можем знать, что индукция является адекватным путем знать будущее: мы только знаем, что если она не является, ничто не является. Эта позиция едва ли способна опровергнуть юмовский скептицизм» [7; 290].

Другой вариант прагматического оправдания индукции был предложен Г. Рейхенбахом. Индуктивное правило, которое он защищает, таково: «Если начальная часть *n* элементов последовательности X_i дана и результируется в частоте f^n и если ничего не известно о вероятности второго уровня появления определенного предела *p*, полагай, что частота f^i $(i > n)$ будет достигать предела *p* внутри $f^n \pm б$, когда последовательность увеличивается» [8; 446]. Например, 100 раз подброшена монета, 60 раз она выпала «орлом», тогда относительная частота выпадения монеты «орлом» в начальной части последовательности бросков равна 60/100 или 3/5. Рейхенбаховское правило говорит, что если мы не располагаем более никакой информацией о выпадении монет «орлом», то мы должны полагать (предсказывать) приблизительно то же значение частоты появления «орлов» в «длинном ряду» данной последовательности.

Во-первых, рейхенбаховское правило индукции позволяет делать лишь *приблизительные* выводы. Во-вторых, Рейхенбах считает индукцию самокорректирующим методом не только в смысле Пирса, то есть в смысле исправления индуктивных выводов в свете продолжения опыта одного и того же вида, но и в смысле коррекции индуктивных выводов одного уровня индуктивными выводами других уровней. Для обозначения коррекции индуктивных выводов во втором смысле Рейхенбах вводит понятие перекрестной индукции (cross induction). Например, при подбрасывании монеты в начальной серии бросков относительная частота выпадения ее «орлом» равна 1/2, при этом известно, что монета сильно «искривлена» в сторону «орла». В свете прошлых индукций, которые говорили нам, что сильно искривленные монеты всегда имели для благоприятной стороны значения относительной частоты значительно больше 1/2, будем склонны считать полученное для нашей монеты значение 1/2 несколько заниженным и неправдоподобным. Идея перекрестной индукции, отмечал А. И. Уемов, «заслуживает внимания, и она могла бы быть использована для приближения степени правдоподобия индуктивного вывода к достоверности, но лишь в том случае, если индуктивное умозаключение вообще способно повышать вероятность своего вывода» [4; 13]. С другой стороны, если имеется индуктивный вывод, правдоподобие которого в свете одних индукций уменьшается, а в свете других – увеличивается, то практическое использование перекрестной индукции по существу становится невозможным.

Кроме пирсовского и рейхенбаховского вариантов прагматического оправдания индукции существуют и другие. Такая попытка была предпринята, в частности, В. Салмоном, который считает, что «прагматическая реабилитация индукции… несмотря на многочисленные трудности, есть наиболее обещающий подход» [9; 24–25]. Вслед за Рейхенбахом он пытался доказать, что если вообще существует какой-либо метод успешного предсказания будущего, то перечислительная индукция является таковым. С его точки зрения, решение проблемы индукции должно состоять в показе того, что индуктивное правило вывода, которое само по себе ни истинно, ни ложно, является, по сравнению с другими возможными правилами осуществления предсказаний, вполне приемлемым. Дело в том, «*поддерживается* ли определенное заключение *известными* данными – должно ли в него *рационально верить* – становится ли оно *вероятнее* благодаря наличию связи с определенными данными – зависит от выбора того или иного правила из бесконечного множества правил, которые мы можем мысленно принять» [9; 32]. В качестве таких мысленно возможных правил предсказания Салмон приводит следующие три:

1. *Индукция через перечисление.* Если дано, что m/n наблюдавшихся А были В, выводи, что в «длинном ряду» относительная частота В среди А будет равна m/n.

2. *Априорное правило.* Безотносительно к наблюдаемым частотам выводи, что в «длинном ряду» относительная частота В среди А равна $1/k$, где *k* – число всех возможных исходов.

3. *Контриндуктивное правило.* Если дано, что m/n наблюдавшихся А были В, выводи, что в «длинном ряду» относительная частота В среди А будет равна $(n – m) / n$.

Сравнивая эти три правила, Салмон показывает, что только первое из них является корректным, тогда как остальные приводят к логическому противоречию. Однако, как он сам признает, принятие индукции через перечисление в качестве корректного правила является всегда предположительным и временным и имеет смысл лишь по отношению к данным альтернативным правилам, а не ко всем возможным правилам та-

кого рода. Далее, предпринятая им прагматическая защита индукции через перечисление обосновывает не только данное правило, но и весь класс подобного рода асимптотических правил, то есть таких, в которых различие между наблюдаемой частотой и выводимым значением предела стремится к нулю при увеличении размеров образца. Таким образом, и этот вариант прагматического оправдания индукции не снимает возражений Юма о возможности рационального оправдания индукции. Вместе с тем, помимо метафизических и прагматических концепций оправдания индукции, в философии XX века также имели место конвенционалистская и лингвистическая трактовки проблемы индукции. Специфика этих трактовок и полученные в их рамках результаты будут рассмотрены нами в следующей статье.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лебедев С. А. Индукция как метод научного познания. М.: Изд-во МГУ, 1980. 192 с.
2. Лебедев С. А. Методология науки: проблема индукции. М.: Альфа, 2013. 192 с.
3. Милль Дж. Ст. Система логики силлогистической и индуктивной: Изложение принципов доказательства в связи с методами научного исследования. М.: Ленанд, 2011. 832 с.
4. Уемов А. И. К интенсиональной трактовке выводов из данных опыта // Логика и эмпирическое познание: Сб. ст. М.: Наука, 1972. С. 7–29.
5. Braitwaite R. B. Scientific explanation. A study of function theory, probability and law in science. Cambridge: Cambridge University Press, 1953. 376 p.
6. Lenz J. W. Problems for the practicalist's justification of induction // Philosophical Studies. 1957. Vol. 9 (1). P. 4–8.
7. Madden E. H. The Riddle of Induction // In The Structure of Scientific Thought / Ed. by E. H. Madden. MA: Houghton Mifflin, 1960. P. 318–320.
8. Reichenbach H. The Theory of Probability: An Inquiry into the Logical and Mathematical Foundations of the Calculus of Probability. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1971. 492 p.
9. Salmon W. The justification of inductive rules of inference // The problem of Inductive Logic / Ed. by I. Lakatos. Amsterdam: North-Holland, 1968. P. 24–43.

Lebedev S. A., Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation)

PROBLEM OF INDUCTION JUSTIFICATION (metaphysical and pragmatic approaches)

A classical epistemological problem, posed by Hume, is under investigation. The following questions are considered: Is it possible to justify the use of induction in everyday life? Can we justify induction as a way of synthesis of empirical evidence or a basis for the prediction of new facts? These results enrich a tradition of philosophical understanding of science, contributing by this to the elucidation of specific scientific knowledge.

Key words: induction, justification, rationality, probability, logical empirism, pragmatism, truth

REFERENCES

1. Lebedev S. A. *Induktsiya kak metod nauchnogo poznaniya* [Induction as the scientific investigation method]. Moscow, MGU Publ., 1980. 192 p.
2. Lebedev S. A. *Metodologiya nauki: problema induktsii* [Methodology of science: problem of induction]. Moscow, Al'fa Publ., 2013. 192 s.
3. Mill' Dzh. St. *Sistema logiki sillogisticheskoy i induktivnoy: Izlozhenie printsipov dokazatel'stva v svyazi s metodami nauchnogo issledovaniya* [A System of Logic Rational and Inductive Research]. Moscow, Lenand Publ., 2011. 832 p.
4. Uemov A. I. The intencional interpretation from science data conclusions [K intensional'noy traktovke vyvodov iz dannykh opyta]. *Logika i empiricheskoe poznanie* [Logic and empirical cognition]. Moscow, Nauka Publ., 1972. P. 7–29.
5. Braitwaite R. B. Scientific explanation. A study of function theory, probability and law in science. Cambridge, Cambridge University Press, 1953. 376 p.
6. Lenz J. W. Problems for the practicalist's justification of induction // Philosophical Studies. 1957. Vol. 9 (1). P. 4–8.
7. Madden E. H. The Riddle of Induction // In the Structure of Scientific Thought / Ed. by E. H. Madden. MA, Houghton Mifflin, 1960. P. 318–320.
8. Reichenbach H. The Theory of Probability: An Inquiry into the Logical and Mathematical Foundations of the Calculus of Probability. Berkeley; Los Angeles, University of California Press, 1971. 492 p.
9. Salmon W. The justification of inductive rules of inference // The problem of Inductive Logic / Ed. by I. Lakatos. Amsterdam, North-Holland, 1968. P. 24–43.

Поступила в редакцию 09.04.2013

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Май, № 3 **Философия** **2013**

УДК 168.522

ЛАДА ВЛАДИМИРОВНА ШИПОВАЛОВА
кандидат философских наук, доцент кафедры философии науки и техники философского факультета, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
ladaship@gmail.com

ОБЪЕКТИВНОСТЬ КАК ПРЕДМЕТ КОНФЛИКТОВ*

Рассматриваются два типа дискуссий, связанных с определением понятия объективности в науке. Первый тип проясняется с помощью термина «научные войны» и относится к дискуссиям реалистов и рационалистов с одной стороны и релятивистов и социальных конструктивистов – с другой. Он требует однозначной определенности понятия. Второй тип обнаруживается в социальных и исторических исследованиях науки и допускает многозначность. В ходе сравнительного анализа обнаруживаются плюсы и минусы этих дискуссий. В результате обосновывается тезис о позитивном значении признания многообразия значений объективности. Это отвечает содержанию понятия (объективность как преодоление субъективности), а также конструктивно в контексте исследования его развития. При этом существенно, что объективность сохраняется в качестве важнейшей эпистемической ценности. Кроме того, характер конструктивного научного диалога второго типа дискуссий отвечает духу научных коммуникаций скорее, чем догматизм первого типа. Такой результат важен в контексте современных эпистемологических, социальных и исторических исследований науки, поскольку определяет проблемы и условия возможной междисциплинарности.

Ключевые слова: объективность, конфликт, «научная война», современность

Объективность, являющаяся, по мнению многих исследователей, одной из основных характеристик и признанной ценностью научного знания, не имеет четкого определения и оказывается объектом острых дискуссий и разногласий [5]. Не удивляет пристальное внимание к этому понятию. Его значение призвано очертить контуры лица научного знания и придать определенность тому, кто от этого лица выступает. Заставляет задуматься другое – невозможность достижения согласия и единого мнения как в вопросе о возникновении понятия, так и в закреплении однозначного современного звучания. Является ли случайным такое положение дел, связанное с одним из основных понятий, характеризующих научные исследования? Есть ли позитивный смысл в том, что объективность науки не просто существует в качестве неопределенной, но в том, что сама ее определенность оказывается объектом конфликтов? Для того чтобы ответить на эти вопросы, обратим внимание на два основных типа дискуссий, которые создают и поддерживают проблемный статус научной объективности. Под проблемным статусом будем понимать следующую ситуацию: с одной стороны, объективность сохраняется в качестве ведущей ценности, определяющей научные исследования. С другой стороны, ее содержательный смысл, отсылающий к независимости теории, а также ее объектов от субъекта науки, подвергается сомнению во многих областях современной науки. В этой связи возникает естественное стремление уточнить, трансформировать, изменить, расширить содержательно смысл понятия или оправдать и утвердить его привычное употребление.

Существенными при прояснении проблемного понятия объективности оказываются две возможности его конфликтного (дискуссионного) рассмотрения. Принципиальное различие между ними, позволяющее ограничиться именно двумя типами, – это ответ на вопрос о том, может или должно ли быть дано однозначное определение объективности и, соответственно, о том, конструктивен ли сам по себе конфликт в его отношении. Если предполагается, что однозначное определение может быть дано, то конфликт неконструктивен и дискуссии должны завершиться принятием одного из значений. Если объективность принципиально многозначна, то конфликт конструктивен и должен продолжаться, имея целью выявление новых смыслов и обсуждение их противоречивого единства и возможностей их сосуществования.

В контексте первого типа дискуссий объективность предполагается однозначно определяемой и выступает предметом так называемых «научных войн» современности. Термин «научная война» описывает ситуацию эпистемологических дискуссий, последовавших после знаменитой мистификации А. Сокала между так называемыми реалистами или эпистемологическими рационалистами с одной стороны и релятивистами и конструктивистами – с другой[1]. Предмет этих дискуссий на первый взгляд – значение объективности для научных исследований и познавательной деятельности вообще. Одна сторона утверждает, что сущность научного

© Шиповалова Л. В., 2013

знания определяется единой природой его объектов, другая – многообразной культурой его субъектов. При этом создается впечатление, что первая сторона утверждает значение объективности для науки, а вторая его отрицает. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что обе стороны более или менее явно признают значение объективности, однако по-разному его определяют. В первом случае – как независимость теории и ее объектов от субъекта. Во втором случае – как интерсубъективность или как то, что имеет основание в исторически изменяющихся социальных научных практиках. Этот тип конфликтных дискуссий отличается невозможностью примирения сторон. Однозначность необходимого ответа на вопрос о том, существенна объективность для науки или нет, в данной ситуации не допускает двусмысленности в прочтении понятия. Потому, даже если у одной из сторон будут обнаружены ссылки на позитивное значение объективности как научной ценности, они не будут услышаны до тех пор, пока не будет признано именно то значение термина, которое предполагает другая сторона. В этом смысле борьба идет не просто за признание объективности как ценности, но за единственность и точность значения понятия.

Непримиримость позиций в данной ситуации и неспособность противников слышать друг друга может быть отчасти объяснена претензией сторон на единоличную власть независимо от того, чем эта власть удостоверяется и в чем выражается – в праве на экономическую поддержку, в признании в качестве ведущих авторитетов в научном сообществе или в возможном политическом участии в той или иной форме. Главное здесь – что эта власть единолична, а значит, предполагает единое и универсальное основание, которое в философской традиции было ранее названо трансцендентальным субъектом, формы суждения которого в своей всеобщности и необходимости не должны допускать множественности, вариативности, плюрализма, противоречий. Только этой претензией можно объяснить неспособность одной стороны (стороны релятивизма) заметить, что на уровне здравого смысла для всех очевидно, что наука всегда есть «теория действительности», что это – простейший смысл объективности и спорить с этим – выходить за рамки языка повседневности, что невозможно. Только этой претензией можно оправдать нежелание другой стороны (стороны реализма и рационализма) увидеть за этим здравомыслием историю понятия науки, полную неожиданных разворотов, таинственность которых раскрыть самой науке не под силу. Радикальность разногласий связана с тем, что в определении объективности, а также описании тех конкретных практик, в которых она достигается, конфликтующие стороны исходят из разных предпосылок, не подвергая их сомнению и не замечая, что сами эти предпосылки – социальные интересы субъектов или идея «независимой реальности» были сформированы в ходе исторических трансформаций и их противоречие может и должно быть понято как конструктивное. Это различие догматически принятых предпосылок приводит к тому, что конфликт в данной ситуации должен вести к собственному завершению – уничтожению противника как значимого авторитета в области исследований науки.

Любопытно, что если посмотреть на позиции спорящих вне ситуации спора, то обнаружится возможность относительной совместимости значений, возможность перевода смыслов.

Так, например, определяемая «конструктивистом» Б. Латуром объективность как способность предмета возражать (to object), «давать сдачи», несомненно, предполагает предметы знания как существующие независимо от исследователя (определение, под которым подпишется так называемый реалист) [2]. Любопытно подчеркнуть проблематичность этого качества объектов: с одной стороны, это независимость, свобода действовать по собственной природе, быть достойными собственного языка. С другой стороны, эту независимость как раз и должны предоставить ученые для того, чтобы вещь раскрылась как вещь. При этом объективность не отрицается, но напротив, становится задачей научного поиска, действия научных субъектов и состоит в том, чтобы позволить объекту влиять на результат. Представление о том, что научные объекты конструируются учеными исходя из их социальных интересов, было бы также не вполне корректной интерпретацией идей Латура, поскольку даже в более ранних работах он пишет о том, что Общество (субъект) в той же мере конструируемо, как и Природа (объект) в непосредственном научном опыте [10; 99, 144].

Что касается рационализма, то, например, понятие постнеклассической научной рациональности, введенное классиком отечественной эпистемологии В. С. Степиным, предполагает, что объективность в современных научных исследованиях определяется необходимостью учитывать при исследовании объекта идеалы и ценности субъекта деятельности [4; 633–634]. В этом смысле такое понимание объективности не так уж далеко от признания определенной правоты установок социальных исследований науки.

Однако эта относительная совместимость чаще остается скрытой от защитников указанных позиций, поскольку для них важна собственная однозначная правота, а не возможность и тем более необходимость выслушивания мнения противника.

Итак, первый способ «обсуждения» понятия объективности предполагает однозначность понятия и тем самым сведение его лишь к терми-

ну, который не имеет в своем основании явного противоречия и возможности многообразных интерпретаций. То, что достигается при этом, – строгость определений, лежащих в основании исследования, научная серьезность и упорство в поиске эмпирических и теоретических аргументов в их пользу, а также разделение дисциплинарных пространств (в частности, пространств эпистемологии и социальных исследований науки). То, что оказывается упущенным, – возможность развития понятия и, соответственно, программ научных исследований из-за неспособности к диалогу и взаимодействию с противником.

Вторая возможность конфликтов по поводу понятия объективности может быть раскрыта с помощью герменевтического понятия «конфликта интерпретаций» П. Рикера. Здесь принципиальна возможность взаимной дополнительности позиций, которая сама по себе должна быть еще исследована. Сборник статей «Переосмысление объективности» представляет собой один из ярких примеров обнаружения такого конфликта. Один из возможных поводов переосмысления термина объективности – напряжение между его частым использованием в академическом и публичном дискурсе и неоднозначностью его смысла. Именно задача определения типов многообразных употреблений термина стояла перед редактором сборника А. Мегиллом [11]. Во введении он определяет четыре смысла объективности, которые более или менее выраженно присутствуют в статьях сборника, представляющих различные направления современных философских и научных исследований. Эти смыслы часто взаимосвязаны и переплетены в конкретных научных практиках, но могут быть концептуально различны. Первый смысл объективности – философский, или абсолютный, который производен, хотя не может быть отождествлен с идеей «репрезентации вещей как они есть». Этот смысл играет значительную роль в современной философской традиции. Он определяет стремление к неискаженному пониманию реальности, стремление, которое должно разделять любое исследование. Второй смысл – дисциплинарный, который предполагает согласие того или иного научного сообщества по поводу конкретной определенности стандартов объективности. Третий – диалектический смысл, определяющий в качестве значимого взаимодействие субъекта и объекта знания. Четвертый – процедурный смысл. Он связан с определением конкретных внеперсональных методов научного исследования и администрирования. В завершающем разделе введения автор предупреждает против ожиданий разрешения проблемы объективности, за которым, возможно, стоит предчувствие единого смысла. Цель, которую осуществляет данное издание, – осветить многообразие перспектив рассмотрения темы. Мораль, которую читатель мог бы приписать тексту А. Мегилла, состоит в том, что объективность может (и должна) быть сохранена в качестве значимой характеристики научных исследований не в последнюю очередь благодаря многообразию ее смысловых прочтений. Подвергаемая сомнению в одном смысле, она тем не менее утверждается в другом[2].

То же многообразие смыслов понятия «объективность» можно обнаружить в работах Л. Дэстон, некоторые из них написаны в соавторстве с П. Галисоном [1], [8], [9]. Однако, если из двух перечисленных выше «дискуссий» проблематично извлечь смысл многообразия определений объективности в их единстве и необходимой дополнительности, то в работах Л. Дэстон и П. Галисона можно найти ответ на этот вопрос. Симптоматично название одной из первых статей, посвященных данной теме, – «Образ объективности», в которой речь идет о механической объективности как об одном из образов того, что по сути своей и по факту исторического функционирования в реальных научных практиках много-образно. Среди этих образов коммунитарная объективность, выступающая ценностью научных исследований в области ботаники, механическая – преследуемая по преимуществу в области физиологии, структурная – обнаруживающая свою значимость в математике.

Объективность в работах Л. Дэстон обретает содержательность и полноту неслучайных многообразных вариаций. Она перестает быть вечной идеей, всегда уже предположенной научному исследованию, и становится объектом человеческой заботы; не только ясной и отчетливой целью, но предметом необходимых изменений. Ореол вечной ценности снимается с объективности хотя бы уже тем, что ставится вопрос о ее возникновении, причем это возникновение не связывается ни с началом европейской культуры и научности, ориентированной по преимуществу на математический идеал в античной культуре, ни с научной революцией XVII века. По мнению Л. Дэстон, наука могла существовать без выраженного утверждения объективности как ценности в современном значении этого термина; отождествление научности и объективности представляется неконструктивным и искажающим не только смысл понятия, но и реалии научных исследований. Стремление к объективности как независимости от субъекта возникает лишь тогда, когда становятся в высшей степени угрожающими научному исследованию человеческие, слишком человеческие черты субъекта науки. Сиюминутность увлечений, ограниченность интересов, захваченность страстями, определенность теоретических перспектив, ограниченность пространственного и временного опыта – все это всегда было с человеком, никогда ранее, однако, не претендовавшим на то, чтобы быть предельным основанием пол-

ного и универсального познания мира. Только в контексте этой претензии, выражением которой является путь философской мысли, пройденный от Декарта до Канта, преодоление эмпирического субъекта становится важной, однако бесконечной и практически безнадежной задачей. Эта задача сопровождает и определяет существо научного исследования в качестве его базовой ценности, ценности объективности. Именно эту бесконечность и безнадежность задачи преодоления эмпирического субъекта символизирует необходимое изменение образов объективности. Так, например, появившаяся в XIX веке механическая объективность, практики которой связаны с точностью и индивидуальностью образов, создающихся с помощью фотографии и самопишущих устройств, преодолевающих возможную теоретическую ангажированность ученого и тем самым его волю к реализации определенной схемы видения природы, в XX веке сменяется объективностью структурной [2; 253–296]. Возникновение нового идеала научной объективности объясняется осознанием невозможности полного преодоления субъективности на путях механической объективации. «Механическая объективность оказывается никогда не достижимым идеалом», поскольку сами практики, связанные с ней, нуждаются в субъекте в определенной позиции видения, способном на интерпретацию показаний приборов, обладающим определенным уровнем знаний [8; 185]. В новой ситуации идеала структурной объективности объектом критики и преодоления выступает уже не субъект волящий, но субъект частный, со своим экспериментальным миром. Ставится задача отбросить уже не теоретические предпочтения, отдавшись конкретному видению индивидуального предмета исследования, но все собственные ощущения и идеи ради актуализации формальных структур мышления, «общих всем разумным существам» [8; 257]. Образцом научности, реализующей ценность структурной объективности, оказывается уже математика. Понятно, что в этой ситуации многообразие смыслов объективности, дополняющих друг друга, является необходимым, поскольку оно симметрично многообразию тех никогда окончательно не преодолимых определений эмпирического субъекта, редукцией которых озабочена современная наука в лице трансцендентального субъекта.

Может возникнуть некоторое сомнение, не релятивизирует ли такой подход смысл объективности, а через него и смысл самой научности. Подкрепляет это опасение то соображение, что в рассмотренных работах не только многообразие ликов объективности утверждается как необходимое, но и сама объективность ставится в ряд иных эпистемических ценностей, которые не так уж чисты в смысле стремления к редукции эмпирической субъективности. Причем многообразие этих ценностей, как и в случае с объективностью, описывается на основании анализа научных практик в различных областях исследований XVIII–XX веков. Среди них – «верность природе» и «подготовленное суждение» (trained judgement). Любопытно, как определяется историческое взаимоотношение указанных ценностей. «Возникновение объективности как новой эпистемической ценности в XIX веке не уничтожает предшествующий научный идеал “верности природе”, так же как и поворот к “подготовленному суждению” в XX веке не элиминирует объективность». Скорее речь идет о некоторой пролиферации и их усложняющемся взаимодействии в пространстве научных практик. Образ этих историко-научных трансформаций – карта звездного неба: появившаяся новая звезда не замещает старую, но изменяет конфигурацию небесных светил [8; 18].

Для того чтобы ответить на это сомнение, нужно повторить поставленный в начале статьи вопрос о конструктивном смысле неоднозначного определения научной объективности, о конфликте ее интерпретаций, который не должен быть завершаем. Отчасти ответ на него уже был дан в контексте критики первого типа конфликтных дискуссий. Борьба за однозначность терминологического звучания лишает понятие объективности развития и тем самым закрывает возможность работы над современным смыслом проблемы. Борьба за строгость понятия не отвечает и существу многообразных научных практик, организуемых стремлением к объективности как ценности науки.

Еще один ответ на этот вопрос может быть связан с определением современного смысла научной рациональности. Если субъект современности, выживший во всех контекстах, обоснованно провозглашающих его смерть, все же продолжает существовать, оставаясь при этом в том числе субъектом науки, то ему как современному субъекту пристало быть субъектом историческим. Это значит постоянно переступать свои пределы, свою определенность и однозначность [6]. Как ни странно, в противоположность мнению тех, кто опасается за науку и ее значение для современного человечества, эта историчность не противостоит требованию объективности. Она обнаруживается в конкретных научных исследованиях, в формировании себя научным субъектом, знающим о своей необходимой эмпирической определенности и преодолевающим ее. Стремящимся тем самым к объективности, всякий раз по-новому, на историческом бесконечном пути безнадежного, но не бессмысленного стремления.

* Работа подготовлена при поддержке гранта РГНФ. Проект № 12–03–00560.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Одна из работ, в которой данная мистификация разбирается в контексте дискуссии о проблеме объективности в науке: Broun J. R. Who Rules in Science? An Opinionated Guide to the Wars [7]. Также характерный пример конфликта такого рода отчасти представляет собой дискуссия «Релятивизм как эпистемологическая проблема» (Институт философии РАН) [3].

[2] Также показательной в этом смысле является публикация материалов симпозиума по социальной истории объективности в журнале «Social Studies of Science» (1992. Vol. 22), где представлены работы Л. Дэстон, П. Диара и Т. Портера.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дэстон Л. Научная объективность со словами и без слов // Наука и научность в исторической перспективе. СПб.: Алетейя, 2007. С. 37–71.
2. Латур Б. Когда вещи дают сдачи: возможный вклад «исследований науки» в общественные науки // Вестник МГУ. Сер. «Философия». 2003. № 3. С. 20–39.
3. Релятивизм как эпистемологическая проблема. Панельная дискуссия: Микешина Л. А., Розов М. А., Касавин И. Т., Никифоров А. Л., Мамчур Е. А. Маркова Л. А., Дубровский Д. И. // Эпистемология и философия науки. М., 2004. Т. 1. № 1. С. 53–83.
4. Степин В. С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 744 с.
5. Шиповалова Л. В. Объективность в науке. Основные контексты философской проблемы [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://philosophy.spbu.ru/library
6. Фуко М. Что такое просвещение? // Ступени. Петербургский альманах. 2000. № 1 (11). С. 136–148.
7. Broun J. R. Who Rules in Science? An Opinionated Guide to the Wars. Cambridge; London: Harvard University Press, 2001. 236 p.
8. Daston L., Galison P. Objectivity. N. Y.: Zone Books, 2007. 502 p.
9. Daston L., Galison P. The Image of Objectivity // Representation. 1992. Aut. № 40. Special Issue: Seeng Science. P. 81–128.
10. Latour B. Science in Action. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1987. 302 p.
11. Megill A. Introduction: Four Senses of Objectivity // Rethinking Objectivity / Ed. by A. Megill. Durham; London, 1994. P. 1–20.

Shipovalova L. V., Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation)

OBJECTIVITY AS SUBJECT OF CONFLICT

The paper considers two types of discussions related to the definition of objectivity in science. The first type is clarified by the term “science wars” and refers to a discussion of realists and rationalists, on the one hand, and relativists and social constructionists on the other. It requires a single definition of the concept. The second type is found in social and historical studies of science and allows for ambiguity in the notion of objectivity. A comparative analysis revealed the pros and cons of the discussions and substantiated a thesis of positive recognition of variable notions of objectivity, which corresponds to the content of the concept (objectivity as overcoming subjectivity) It is significant that objectivity remains the most important epistemic value. In addition, the nature of the constructive scientific dialogue of the second type corresponds with the spirit of scientific communication more than dogmatism of the first type. This theoretical conclusion is important in the context of contemporary epistemological, social, and historical studies. It helps to define the problems and conditions of possible interdisciplinarity.

Key words: objectivity, conflict, “science wars”, modernity

REFERENCES

1. Deston L. Scientific objectivity with and without words [Nauchnaya ob”ektivnost’ so slovami i bez slov]. Nauka i nauchnost’ v istoricheskoy perspective. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2007. P. 37–71.
2. Latur B. When thinks strike back – a possible contribution of ‘science studies’ to the social sciences [Kogda veshchi dayut sdachi: vozmozhnyy vklad “issledovaniy nauki” v obshchestvennye nauki]. *Vestnik MGU*. Ser. “Filosofiya”. 2003. № 3. P. 20–39.
3. Relyativism as an epistemological problem. Panel discussion: Mikeshina L. A., Rozov M. A., Kasavin I. T., Nikiforov A. L., Mamchur E. A. Markova L. A., Dubrovskiy D. I. [Relyativizm kak epistemologicheskaya problema. Panel’naya diskussiya: Mikeshina L. A., Rozov M. A., Kasavin I. T., Nikiforov A. L., Mamchur E. A. Markova L. A., Dubrovskiy D. I.] *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology and Philosophy of Science]. Moscow, 2004. Vol. 1. № 1. P. 53–83.
4. Stepin V. S. *Teoreticheskoe znanie* [Theoretical knowledge]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2000. P. 744.
5. Shipovalova L. V. *Ob”ektivnost’ v nauke. Osnovnye konteksty filosofskoy problemy* [Objectivity in science. The main contexts of philosophical problem]. Available at: http://philosophy.spbu.ru/library
6. Fuko M. What is Enlightenment [Chto takoe prosveshchenie?]. *Stupeni. Peterburgskiy al’manakh* [Steps. Petersburg Almanac]. 2000. № 1 (11). P. 136–148.
7. Broun J. R. Who Rules in Science? An Opinionated Guide to the Wars. Cambridge; London, Harvard University Press, 2001. 236 p.
8. Daston L., Galison P. Objectivity. N. Y., Zone Books, 2007. 502 p.
9. Daston, L., Galison P. The Image of Objectivity // Representation. 1992, Aut. No 40, Special Issue: Seeing Science. P. 81–128.
10. Latour B. Science in Action. Harvard University Press; Cambridge, Mass., 1987. 302 p.
11. Megill A. Introduction: Four Senses of Objectivity // Rethinking Objectivity / Ed. by A. Megill. Durham; London, 1994. P. 1–20.

Поступила в редакцию 01.04.2013

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Май, № 3 **Экономика** **2013**

УДК 658

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ БОРОДИН
доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и финансов фирмы факультета экономики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Российская Федерация)
aib-2004@yandex.ru

МОДЕЛЬ КОНТРОЛЯ ФИНАНСОВЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ ПРЕДПРИЯТИЯ

Показано, что на формирование финансового результата предприятия оказывает влияние ряд разнонаправленных как внутренних, так и внешних факторов, которые определяют конечный показатель – прибыль (убыток) предприятия. В мировой практике с целью контроля за финансовыми результатами широко используется модель Дюпона, которая исследует зависимости между различными показателями, влияющими на экономическую рентабельность предприятия. Построена экономико-математическая модель контроля финансовых результатов предприятия энергетической отрасли, основным видом деятельности которого является генерация электроэнергии. Основной фактор, влияющий на доходы, – производственные возможности предприятия за период времени, который зависит от установленной электрической мощности на предприятии и количества часов в рассматриваемом периоде. Вторым фактором, влияющим на доходы, является коэффициент использования установленной мощности, который характеризует уровень загрузки имеющихся в наличии мощностей в рассматриваемом периоде. Третий фактор – коэффициент полезного отпуска электроэнергии. Четвертым фактором, включенным в модель доходов генерирующего предприятия, является цена отпускаемой электроэнергии в оптовый рынок электроэнергии, которая изменяется вследствие работы предприятия в базовом или пиковом режимах. В результате была построена модель, в которую были включены все существенные факторы, оказывающие влияние на прибыль предприятия, занимающегося генерацией электроэнергии. Построенная модель на методологическом уровне решает задачу выявления резервов получения прибыли предприятия. Более того, модель позволяет контролировать финансовый результат предприятия путем выявления факторов, оказавших отрицательное воздействие на финансовый результат в определенном периоде. Построенная модель позволяет осуществлять оценку мероприятий, связанных с увеличением либо уменьшением показателей, входящих в модель. Следовательно, разработанная модель предоставляет возможность контролировать финансовый результат как всего генерирующего предприятия в целом, так и отдельной станции, включающей в себя несколько блоков, а также отдельного генерирующего блока.

Ключевые слова: финансовые результаты предприятия, прибыль предприятия, модель Дюпона, внешний контроль, внутренний контроль

В условиях рыночных отношений и в условиях плановой экономики функция контроля имеет существенное значение в управлении прибылью предприятия. Различные подходы к контролю финансовых результатов предприятия можно условно разделить на два основных направления: внешний контроль и внутренний контроль. Выбор подхода к контролю обусловлен различными целями при осуществлении контроля [4].

Внешний контроль, как правило, связан с государственной деятельностью, в частности с выполнением государственными органами своей фискальной функции. Контроль сводится к целому ряду методик, прописанных в законодательных актах, которые регламентируют порядок формирования, отражения и налогообложения финансовых результатов предприятия. Центральное место в контроле за финансовыми результатами предприятия занимают налоговые органы государства, которые систематически осуществляют внешний контроль за финансовыми результатами предприятия как базой налогообложения прибыли. Также внешний контроль может осуществляться по инициативе кредиторов предприятия (банков, крупных поставщиков). Такой контроль, как правило, сводится к проведению на предприятии внешних аудиторских проверок или сбору различных данных о деятельности предприятия [7].

Внутренний контроль финансовых результатов предприятия преследует иные цели и, как правило, осуществляется в целях нахождения путей более эффективного управления предприятием, изыскания резервов для повышения финансовых результатов хозяйствующего субъекта и как следствие – выполнения основной цели финансового менеджмента – повышения благосостояния собственников предприятия [9].

На формирование финансового результата предприятия оказывает влияние ряд разнонаправленных внутренних и внешних факторов, которые определяют конечный показатель –

© Бородин А. И., 2013

прибыль (убыток) предприятия. Как в зарубежной, так и в отечественной практике в качестве эффективных инструментов контроля за финансовыми результатами предприятия используются экономико-математические модели, позволяющие выявить резервы по увеличению прибыли предприятия [5].

В мировой практике с целью контроля за финансовыми результатами широко используется модель Дюпона [3]. Эта модель была впервые использована менеджерами фирмы Дюпон с целью исследования зависимости между различными показателями, влияющими на экономическую рентабельность предприятия. Следует отметить, что контроль за финансовыми результатами предприятия может осуществляться как по абсолютной величине финансового результата, так и по относительным показателям, характеризующим прибыльность предприятия. В сжатом виде формула Дюпона имеет следующий вид:

$$R_A = R_S \times T_A, \quad (1)$$

где R_A – рентабельность активов предприятия; R_S – рентабельность продаж; T_A – коэффициент оборачиваемости активов.

В расширенном виде формула Дюпона имеет следующий вид:

$$R_C = R_S \times T_A \times {}^{A}\!/_{C}, \quad (2)$$

где R_C – рентабельность собственного капитала; A – активы предприятия; C – собственный капитал предприятия.

Отечественные ученые-экономисты также уделяют немалое внимание построению многофакторных моделей, позволяющих осуществлять контроль за финансовыми результатами предприятия [1].

Для предприятий, производящих один вид продукции, предложены следующие модели:

$$I = \frac{b(pd - K_N \cdot r) - (1-r)(1+f)}{p-1}, \quad (3)$$

где I – индекс прибыли предприятия; b – коэффициент изменения объема производства и реализации товарной продукции; p – коэффициент рентабельности производства товарной продукции в базисном периоде; d – коэффициент изменения цены реализации товарной продукции; K_N – коэффициент изменения переменных затрат базисного периода в анализируемом периоде; r – коэффициент переменных затрат в базисном периоде; f – коэффициент изменения постоянных затрат в анализируемом периоде.

Если же в представленной формуле заменить следующие показатели их эквивалентными значениями:

$$K_N \times r = g - (1 - r), \quad (4)$$

где g – коэффициент изменения себестоимости продукции базисного периода под влиянием изменения ее переменных составляющих, то можно получить вторую параметрическую модель, адекватную первой. Она будет иметь следующий вид:

$$I = \frac{b(pd - g) - (1-r)(b-1-f)}{p-1}. \quad (5)$$

Обе модели равнозначны, и выбор какой-то из них определяется обстоятельствами и наличием исходной информации.

Преобразование представленных моделей в модели, относящиеся к предприятиям, имеющим многономенклатурное производство, не представляет сложности [2]. Для этого достаточно изменить способ расчета факторов, входящих в параметрическую модель, относительно многономенклатурного производства.

Все вышеприведенные модели позволяют осуществлять контроль за финансовыми результатами предприятия. Однако ни одна из моделей не учитывает специфику деятельности предприятия в различных отраслях экономики, что делает их неприменимыми в практике управления конкретными хозяйствующими субъектами. На наш взгляд, специфика функционирования предприятий в различных отраслях в условиях рыночных отношений является основным критерием, согласно которому на предприятии должна быть разработана модель, позволяющая осуществлять контроль и изыскивать резервы повышения прибыльности хозяйствующего субъекта. Наиболее специфическими отраслями в экономике любого государства являются естественные монополии, тяжелая и легкая промышленность, торговые предприятия [8].

Обобщение процесса контроля финансовых результатов предприятия для различных отраслей нецелесообразно, так как наглядными являются различия в факторах, влияющих на величину прибыли. Например, для торговых предприятий основным показателем, влияющим на финансовый результат, является маржинальный доход, который определяется как разность между ценой закупки и ценой реализации. При этом предприятие торговой отрасли практически не несет издержек, связанных с процессом производства. Иными словами, к основным переменным издержкам торговых предприятий можно отнести транспортные затраты, которые в большинстве случаев целесообразно включать в закупочную цену товаров. При этом для оценки влияния следует выбирать факторы, характеризующие процесс реализации продукции, такие как интенсивность продаж, скорость обслуживания и др. [6].

Предприятия, занимающиеся добычей полезных ископаемых, также имеют свою специфику, которая обусловливает наличие факторов, влия-

ющих на финансовый результат. Однако следует отметить, что предприятия, добывающие различные виды ресурсов, также имеют существенные особенности в формировании финансового результата.

Разработаем экономико-математическую модель контроля финансовых результатов предприятия энергетической отрасли, основным видом деятельности которого является генерация электроэнергии. Для описания факторной модели генерирующего предприятия используем традиционный подход к расчету прибыли:

$$PU = RU - VCU - FCU, \quad (6)$$

где PU – прибыль генерирующего предприятия; RU – доходы генерирующего предприятия; VCU – переменные расходы генерирующего предприятия; FCU – постоянные расходы генерирующего предприятия.

Следует отметить, что доходы и переменные расходы генерирующего предприятия, входящие в аддитивную модель (6), рассматриваются как отдельные мультипликативные параметрические модели. Рассмотрение процессов формирования доходов и переменных расходов генерирующего предприятия позволяет оценить наметившиеся тенденции и установить, за счет каких факторов происходит изменение. При построении доходов и переменных расходов был выполнен ряд требований:

1. Величина промежуточного результативного показателя равняется произведению включенных в модель факторов, которые отображают отдельные стороны экономической деятельности предприятия.

2. Результативный показатель может быть представлен качественными или количественными характеристиками. Определим и опишем факторы, влияющие на доходы предприятия, производящего электроэнергию.

Основным фактором, влияющим на доходы, являются производственные возможности предприятия за период времени, который, в свою очередь, зависит от установленной электрической мощности на предприятии и количества часов в рассматриваемом периоде. Производственные возможности определяются как произведение установленной мощности на предприятии и количества часов в рассматриваемом периоде. Увеличение производственных мощностей вызывает увеличение доходов предприятия, так как большие производственные мощности обусловливают больший объем выработки электроэнергии при неизменном уровне загрузки мощностей.

Вторым фактором, влияющим на доходы, является коэффициент использования установленной мощности, который характеризует уровень загрузки имеющихся в наличии мощностей в рассматриваемом периоде. Увеличение уровня коэффициента использования установленной мощности влечет за собой выработку большего объема электроэнергии, а следовательно, рост доходов предприятия.

Третьим фактором, определяющим доходы генерирующего предприятия, является коэффициент полезного отпуска электроэнергии. Этот показатель характеризует объемы собственных нужд предприятия в электроэнергии. Предприятие, генерирующее электроэнергию, уделяет особое внимание снижению собственных нужд в электроэнергии, так как это позволяет оказывать существенное влияние на доходы предприятия. Чем меньше собственные нужды, тем больше полезный отпуск электроэнергии, а следовательно, и доходы.

Четвертым фактором, включенным в модель доходов генерирующего предприятия, является цена отпускаемой электроэнергии в оптовый рынок электроэнергии (ОРЭ), которая изменяется вследствие работы предприятия в базовом или пиковом режимах. Работа в пиковых режимах нагрузки позволяет генерирующему предприятию рассчитывать на большую цену электроэнергии, однако работа в пиковых режимах связана с повышением затрат в виде удельного расхода топлива. Повышение цены электроэнергии, отпускаемой в ОРЭ, увеличивает объем доходов предприятия.

Запишем уравнения модели доходов генерирующего предприятия.

Производственные возможности предприятия:

$$PC = C \times T, \quad (7)$$

где C – установленная мощность, МВт; T – продолжительность периода, ч.

Коэффициент использования установленной мощности:

$$KIUM = \frac{QP}{PC}, \quad (8)$$

где QP – выработка электроэнергии, кВт-ч.

Коэффициент полезного отпуска электроэнергии:

$$RUT = \frac{D}{QP}, \quad (9)$$

где D – отпуск электроэнергии.

Цена отпускаемой электроэнергии в ОРЭ:

$$PE = \frac{RU}{D}. \quad (10)$$

Доходы генерирующего предприятия:

$$RU = PC \times KIUM \times RUT \times PE = \\ = PC \times \frac{QP}{PC} \times \frac{D}{PC} \times \frac{RU}{D}. \quad (11)$$

Определим и опишем факторы, влияющие на переменные расходы предприятия, производящего электроэнергию.

Основным фактором, определяющим переменные расходы, является выработка электро-

энергии. Расходы топлива, используемого для производства электроэнергии, возрастают при увеличении объемов выработки.

Вторым фактором является удельный расход топлива на выработку 1 кВт-ч электроэнергии. Этот фактор является качественным и характеризует как режимы работы электростанции (при пиковых режимах существенно увеличивается удельный расход топлива), так и техническое состояние блоков электростанции и вид используемого топлива. При работе электростанции на газовом и мазутном топливе удельный расход топлива существенно снижается, однако его цена не всегда позволяет использовать эти виды топлива. Увеличение удельных расходов топлива приводит к увеличению совокупных условно-переменных расходов на генерацию электроэнергии.

Третьим показателем, влияющим на расходы компании, является удельная цена используемого в периоде работы топлива. Этот показатель отражает как изменение цен на все виды топлива, используемого при генерации электроэнергии, так и структуру потребления различных видов топлива (газового, мазутного, угольного). Повышение цены единицы условного топлива увеличивает условно-переменные расходы на генерацию электроэнергии [3].

Запишем уравнения модели условно-переменных расходов генерирующего предприятия.

Удельный расход топлива на выработку 1 кВт-ч электроэнергии:

$$FR = \frac{QF}{QP}, \tag{12}$$

где QF – общий расход топлива (т. у. т.).

Удельная цена топлива:

$$FP = \frac{CF}{QF}, \tag{13}$$

где CF – стоимость топлива.

Условно-переменные расходы генерирующего предприятия:

$$VCU = QP \times FR \times FP = QP \times \frac{QF}{QP} \times \frac{CF}{QF}. \tag{14}$$

Условно-постоянные затраты генерирующего предприятия нормируются в зависимости от объемов установленной мощности и включены в модель отдельным фактором.

Таким образом, влияние различных факторов на прибыль электрогенерирующего предприятия может быть представлено следующим образом:

$$PU = PC \times KIUM \times RUT \times PE - QP \times FR \times FP - FCU. \tag{15}$$

После построения модели методом элиминирования возможно наблюдать влияние каждого из факторов на изменение прибыли предприятия, а следовательно, выявлять резервы повышения прибыли. Изменение прибыли за счет изменения производственных возможностей предприятия:

$$\Delta PU_{PC} = \Delta PC \times KIUM_0 \times RUT_0 \times PE_0 - QP_0 \times FR_0 \times FP_0 - FCU_0. \tag{16}$$

Изменение прибыли за счет изменения коэффициента использования установленной мощности:

$$\Delta PU_{KIUM} = PC_1 \times \Delta KIUM \times RUT_0 \times PE_0 - QP_0 \times FR_0 \times FP_0 - FCU_0. \tag{17}$$

Изменение прибыли за счет изменения коэффициента полезного отпуска электроэнергии:

$$\Delta PU_{RUT} = PC_1 \times KIUM_1 \times \Delta RUT \times PE_0 - QP_0 \times FR_0 \times FP_0 - FCU_0. \tag{18}$$

Изменение прибыли за счет изменения цены отпускаемой электроэнергии в ОРЭ:

$$\Delta PU_{PE} = PC_1 \times KIUM_1 \times RUT_1 \times \Delta PE - QP_0 \times FR_0 \times FP_0 - FCU_0. \tag{19}$$

Изменение прибыли за счет изменения выработки электроэнергии:

$$\Delta PU_{QP} = PC_1 \times KIUM_1 \times RUT_1 \times PE_1 - \Delta QP \times FR_0 \times FP_0 - FCU_0. \tag{20}$$

Изменение прибыли за счет изменения удельного расхода топлива на выработку 1 кВт-ч электроэнергии:

$$\Delta PU_{FR} = PC_1 \times KIUM_1 \times RUT \times PE_1 - QP_1 \times \Delta FR \times FP_0 - FCU_0. \tag{21}$$

Изменение прибыли за счет изменения удельной цены топлива:

$$\Delta PU_{FP} = PC_1 \times KIUM_1 \times RUT_1 \times PE_1 - QP_1 \times FR_1 \times \Delta FP - FCU_0. \tag{22}$$

Изменение прибыли за счет изменения доходов:

$$\Delta PURU = \Delta RU - QP0 \times FR0 \times FP0 - FCU0. \tag{23}$$

Изменение прибыли за счет изменения условно-переменных расходов:

$$\Delta PU_{VCU} = PC_1 \times KIUM_1 \times RUT_1 \times PE_1 - \Delta VCU - FCU_0. \tag{24}$$

Изменение прибыли за счет изменения условно-постоянных расходов:

$$\Delta PU_{FCU} = PC_1 \times KIUM_1 \times RUT \times PE_1 - QP_1 \times FR_1 \times FP_1 - \Delta FCU. \tag{25}$$

Таким образом, была построена модель, в которую были включены все существенные факторы, оказывающие влияние на прибыль предприятия, занимающегося генерацией электроэнергии. Построенная модель на методологическом уровне решает задачу выявления резервов получения прибыли предприятия.

Назовем основные преимущества модели.

1. Модель позволяет контролировать финансовый результат предприятия путем выявления факторов, оказавших отрицательное воздействие на финансовый результат в определенном периоде.

2. Построенная модель позволяет осуществлять оценку мероприятий, связанных с увели-

чением либо уменьшением показателей, входящих в модель.

3. Контроль финансовых результатов может осуществляться ежемесячно, ежеквартально, ежегодно, что позволяет своевременно реагировать на негативные изменения факторов.

4. Разработанная модель предоставляет возможность контролировать финансовый результат как всего генерирующего предприятия в целом, так и отдельной станции, включающей в себя несколько блоков, а также отдельного генерирующего блока.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богатин Ю. В., Швандар В. А. Производство прибыли: Учеб. пособие для вузов. М.: Финансы: ЮНИТИ, 1998. 256 с.
2. Богачев В. Н. Прибыль?!.. О рыночной экономике и эффективности капитала. М.: Финансы и статистика, 1993. 287 с.
3. Бородин А. И., Катков Е. В. Организация обеспечения процессов инновационного развития предприятий // Вестник РЭА им. Г. В. Плеханова. 2010. № 4. С. 50–54.
4. Долгосрочная и краткосрочная финансовая политика предприятия: Учеб. пособие. М.: Вузовский учебник, 2007. 288 с.
5. Крылов Э. И., Власова В. М., Журавкова И. В. Анализ финансовых результатов, рентабельности и себестоимости продукции. М.: Финансы и статистика, 2005. 528 с.
6. Кузин Б., Юрьев В., Шахдинаров Г. Методы и модели управления фирмой: Учебник. СПб.: Питер, 2001. 432 с.
7. Нечитайло А. И. Учет финансовых результатов и использования прибыли. М.: Санкт-Петербург, 2011. 286 с.
8. Остапенко В. В. Прибыль в промышленности: формирование и факторы роста // Финансы. 2008. № 11. С. 8–11.
9. Ульянов И. С. О взаимосвязи между некоторыми показателями нормы прибыли // Финансы. 2010. № 1. С. 9–13.

Borodin A. I., National Research University «Higher School of Economics» (Moscow, Russian Federation)

MODEL TO CONTROL ENTERPRISE'S FINANCIAL RESULTS

It is shown that a number of multidirectional internal and external factors have impact on financial results – profits (losses) of an enterprise. The Dupont model, used worldwide to control financial results of the enterprise, helps to reveal dependences of various indicators influencing economic profitability of the enterprise. Economic-mathematical model employed to control financial results of the power enterprise is constructed. The major factor influencing the enterprise's profit is its production capability during a particular period of time, which in turn depends on the established electric power at the enterprise and a number of hours in considered period. The second factor influencing the volume of gained profits is the rated capacity efficiency, which characterizes the loading level of the available capacities during considered period. The third factor defining profits of the power generating enterprise is the coefficient of power efficiency output. The fourth factor, included into the model, is the price of the power released in the wholesale market. The wholesale price of provided electricity varies depending upon working regimes of the enterprise – basic or peak modes. As a result, a model including all factors influencing the price of the provided power and profits of the enterprise was constructed. The constructed model helps to reveal reserves of the possible profits at methodological level. Moreover, the model is instrumental in controlling financial results of the enterprise by revealing factors, which have negative impact on the enterprise's profits during a certain period. The constructed model helps to assess actions leading to the increase or reduction of indicators inherent to the model. Therefore, the developed model provides an opportunity to supervise financial results of a generating enterprise as a whole, of a separate station containing a number of generating blocks, and of a separate generating block.

Key words: financial results of the enterprise, enterprise profits, Dupont's model, external control, internal control

REFERENCES

1. Bogatin Yu. V., Shvandar V. A. *Proizvodstvo pribyl*i [Production of profit]. Moscow, Finansy Publ.: UNITI Publ., 1998. 256 p.
2. Bogachev V. N. *Pribyl'?!.. O rynochnoy ekonomike i effektivnosti kapitala* [Profit?!.. About market economy and efficiency of the capital]. Moscow, Finansy i statistika Publ., 1993. 287 p.
3. Borodin A. I., Katkov E. V. Organization of the enterprise innovative development [Organizatsiya obespecheniya innovatsionnogo razvitiya predpriyatiy]. *Vestnik REA im. G. V. Plekhanova* [The messenger of REA of G. V. Plekhanov]. 2010. № 4. P. 50–54.
4. *Long-term and short-term financial policy of the enterprise* [Dolgosrochnaya i kratkosrochnaya finansovaya politika predpriyatiya]. Moscow, Vyzovskiy uchebnik Publ., 2007. 288 p.
5. Krylov E. I., Vlasova V. M., Zuravkova I. V. *Analiz finansovykh rezul'tatov i sebestoimosti produktsii* [Analysis of financial results, profitability and production cost]. Moscow, Finansy i statistika Publ., 2005. 528 p.
6. Kuzin B., Uriev V., Shakhdinarov G. *Metody i modeli upravleniya firmoy* [Methods and models of company management]. St. Petersburg, Piter Publ., 2001. 432 p.
7. Nechitaylo A. I. *Uchet finansovykh rezul'tatov i ispol'zovaniya pribyli* [The accounting of financial results and profit use]. Moscow, Sankt Peterburg Publ., 2011. 286 p.
8. Ostapenko V. V. Profit in the industry: formation and growth factors [Pribyl' v promyshlennosti: formirovanie i faktory rosta]. *Finansy* [Finance]. 2008. № 11. P. 8–11.
9. Ul'yanov I. S. About interrelation between some indicators of rate of return [O vzaimosvyazi mezhdu nekotorymi pokazatelyami normy pribyli]. *Finansy* [Finance]. 2010. № 1. P. 9–13.

Поступила в редакцию 19.09.2012

Май, № 3 **Экономика** **2013**

УДК 338.24.021.8

АЛЕКСЕЙ СЕВАСТЬЯНОВИЧ РЕВАЙКИН
доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории и менеджмента экономического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
asr@sampo.ru

ВОСПРОИЗВОДСТВО НАСЕЛЕНИЯ В РЕГИОНАХ СЗФО: СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ*

Рассматриваются основные показатели воспроизводства населения в регионах СЗФО (рождаемость, смертность, детская смертность, чистый прирост населения, заболеваемость, миграция, естественная прибыль, естественная убыль, ожидаемая продолжительность жизни), а также показатель социально-экономического развития. Проведен сравнительный анализ регионов СЗФО с Российской Федерацией и развитыми странами с рыночной экономикой. По сравнению с развитыми странами в России и регионах СЗФО высока смертность и большое отставание по ожидаемой продолжительности жизни. Показано, что существует зависимость уровня социально-экономического развития развитых стран РФ и регионов СЗФО. Чем выше уровень социально-экономического развития, тем ниже смертность и больше ожидаемая продолжительность жизни населения.

Ключевые слова: рождаемость, смертность, естественный прирост, население, миграция

В статье приведены данные Госкомстата РФ «Регионы России. Основные социально-экономические показатели» по воспроизводству населения регионов СЗФО. В качестве исходных данных рассматриваются показатели воспроизводства населения России и регионов СЗФО с 1900 года и за советский период. Сравнения производятся с 2007–2010 годами. Основные показатели воспроизводства населения оформлены в таблицах.

Численность населения в 2010 году по сравнению с 1990 годом в России уменьшилась на 9,6 %. Уменьшение за этот же период в процентах составило: Республика Карелия – 12,6, Республика Коми – 7,2, Архангельская область – 12,6, Вологодская область – 8,8, Калининградская область – 10,6, Ленинградская область – 9,7, Мурманская область – 14,7, Новгородская область – 8,4, Псковская область – 7,5, Санкт-Петербург – 9,7. Наибольшее уменьшение населения наблюдается в Республике Карелия, Архангельской и Мурманской областях.

Основными причинами сокращения населения в 2010 году по сравнению с 1990 годом явились превышение смертности над рождаемостью, структура населения, сокращение продолжительности жизни граждан.

Рассмотрим численность родившегося и умершего населения (табл. 1).

Общемировой тенденцией является снижение рождаемости. Так, например, по данным за 2007 год, в развитых европейских странах рождаемость составляет от 11,1 на 1000 населения (Финляндия) до 12,7 (Франция и Великобритания). Сходные данные были получены в 2007 году по РФ и регионам СЗФО. При этом рождаемость в 2010 году по сравнению с 1990 годом снизилась.

Таблица 1

Численность родившихся (числитель) и умерших (знаменатель) в регионах СЗФО на 1000 населения[1]

Регион	Год				
	1990	2007	2008	2009	2010
Российская Федерация	23,4 11,2	11,3 14,6	12,1 14,6	12,4 14,2	9,6 14,2
Республика Карелия	13,2 10,1	10,6 15,9	11,1 16,2	11,5 15,5	12,1 16,2
Республика Коми	13,4 7,4	11,9 12,7	12,2 12,7	12,4 12,8	12,9 13,1
Архангельская область	13,5 9,8	11,9 14,7	12 14,6	12,3 14,4	12,6 14,6
Вологодская область	13,4 11,9	11,6 15,9	12 16,3	12,4 16,2	12,5 14,6
Калининградская область	12,7 9,8	10,9 15,4	11,3 15,3	11,5 14,6	11,4 16,8
Ленинградская область	11 12,5	8,3 18,2	8,8 18	9,2 17	8,8 15,8
Мурманская область	11,5 6	10,3 11,7	10,7 12	10,8 12	11,7 11,9
Новгородская область	12,2 14,1	10,6 20,9	10,6 20,9	11,2 20,4	11,3 20,1
Псковская область	11,9 15,1	9,7 20,9	10 21,7	10,4 20,9	10,5 21,2
г. Санкт-Петербург	10,8 12,2	9,5 14,8	10,4 14,6	11,3 14,1	11,5 13,5

В то же время общемировой тенденцией является снижение смертности, а в России и регионах СЗФО наоборот – увеличение смертности. Так, например, в Финляндии она составила 9,3 на 1000, в Великобритании – 10,3. В России – 14,2, а в Псковской области – 21,2. По сравнению с 1990 годом смертность в России и регионах СЗФО заметно возросла. По данным академика А. Г. Аганбегяна, в России ежегодно умирает 600 тыс. трудоспособных людей [1]. По грубым подсчетам, Россия теряет 470 тыс. трудоспособных граждан сверх западноевропейских показателей. В России мужчины умирают на 16 лет раньше, чем в Западной Европе, а женщины – на 9 лет. То же самое происходит и в регионах

© Ревайкин А. С., 2013

СЗФО. В 2010 году в РФ значительно сократилась смертность населения. В Республике Карелия, Республике Коми, Архангельской, Вологодской, Мурманской, Новгородской, Псковской, Калининградской, Ленинградской областях рождаемость сократилась, а в Мурманской области и Санкт-Петербурге произошло увеличение рождаемости. Причем значительна дифференциация между регионами – от 0,1 человека до 4,2. Смертность населения во всех регионах СЗФО увеличилась; межрегиональная дифференциация этого показателя также значительна. Уровень смертности, особенно у мужчин, обусловлен распространенностью алкоголизма, наркомании, табакокурения. Значительная смертность связана с ростом заболеваемости.

В 2010 году по сравнению с 1992 годом заболеваемость в России и регионах СЗФО значительно возросла. По здоровью населения Россия, по данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), находится на 127-м месте в мире. В Концепции «Демографическая политика России до 2025 года» отмечается: «Не созданы условия, побуждающие людей бережно относиться к собственному здоровью и здоровью своих детей. Недостаточно развиты формы досуга, способствующие ведению здорового образа жизни (физическая культура, спорт, туризм, активный отдых и другие)». Это в полной мере относится и к регионам СЗФО.

Госкомстат РФ рассчитывает коэффициент младенческой смертности, который показывает число детей, умерших в возрасте до 1 года. Значительно сократилась детская смертность в 2010 году по сравнению с 1990 годом в России и регионах СЗФО. Рождаемость населения в России и регионах СЗФО примерно в 2 раза выше, чем в развитых европейских странах.

Важным показателем является чистый коэффициент воспроизводства населения, который показывает, сколько в среднем девочек, рожденных одной женщиной на протяжении всей ее жизни, дожило бы до возраста матери, если бы в каждом возрасте сохранялись уровни рождаемости и смертности данного периода. Чистый коэффициент воспроизводства представляет собой обобщенную характеристику уровней рождаемости и смертности, существующих в данный период, а не ближайших перспектив роста населения. К сожалению, данных о чистом коэффициенте воспроизводств за 1990, 2009 и 2010 годы по регионам нет. Поэтому рассмотрим динамику за 2002–2008 годы.

В России и регионах СЗФО, кроме Республики Карелия и Псковской области, чистый коэффициент воспроизводства в 2007–2008 годах по сравнению с 2002 годом возрос. Это означает, что степень замещения поколения женщин их дочерьми при длительном сохранении существующих уровней рождаемости и смертности повысилась.

В 1990 году в Российской Федерации и в большинстве регионов СЗФО наблюдался прирост населения. В период 2007–2010 годов в Российской Федерации и во всех регионах СЗФО была естественная убыль населения. Убыль населения уменьшает численность населения. Высокое превышение смертности над рождаемостью, детская смертность определяют ожидаемую продолжительность жизни (табл. 2).

Таблица 2

Ожидаемая продолжительность жизни при рождении в РФ и регионах СЗФО[2]

Регион	Год			
	1990	2007	2008	2009
Российская Федерация – все население, в том числе:	69,2	67,51	67,88	68,67
мужчины	63,8	61,39	61,83	62,77
женщины	74,3	73,90	74,16	74,67
Республика Карелия – все население, в том числе:	69,29	65,12	65,48	66,56
мужчины	63,75	58,70	59,12	60,02
женщины	74,23	71,97	72,23	73,4
Республика Коми – все население, в том числе:	68,52	65,83	66,2	66,54
мужчины	63,35	59,77	60,15	60,55
женщины	73,62	72,25	72,61	72,89
Архангельская область – все население, в том числе:	69,5	66,27	66,94	67,62
мужчины	63,99	59,79	60,43	61,27
женщины	74,68	73,33	73,98	74,39
Вологодская область – все население, в том числе:	69,77	66,96	66,91	67,27
мужчины	64,12	60,27	60,38	60,70
женщины	74,94	74,29	74,04	74,43
Калининградская область – все население, в том числе:	69,04	65,79	66,51	67,67
мужчины	63,95	59,86	60,55	62,31
женщины	73,66	72,26	72,84	73,06
Ленинградская область – все население, в том числе:	68,68	64,58	65,22	66,73
мужчины	62,99	58,10	58,78	60,35
женщины	73,96	71,66	72,19	73,46
Мурманская область – все население, в том числе:	70,27	66,72	66,70	67,19
мужчины	65,34	60,82	60,72	61,23
женщины	74,41	72,57	72,66	73,03
Новгородская область – все население, в том числе:	67,87	63,96	63,62	64,48
мужчины	61,56	57,24	56,56	57,70
женщины	73,95	71,26	71,64	71,79
Псковская область – все население, в том числе:	68,54	64,09	63,62	64,52
мужчины	62,76	57,82	56,85	58,23
женщины	74,12	71,09	71,44	71,44
г. Санкт-Петербург – все население, в том числе:	70,12	69,86	70,48	71,19
мужчины	65,20	64,03	64,88	65,91
женщины	74,27	75,43	75,76	76,08

В предкризисный 2007 год по сравнению с 1990 годом ожидаемая продолжительность жизни при рождении в России и регионах СЗФО у всего населения, кроме г. Санкт-Петербурга, сократилась. В России и во всех регионах СЗФО в 2008–2009 годах по сравнению с 2007 годом

средняя продолжительность жизни у всего населения увеличилась. По средней продолжительности жизни Россия находится на 130-м месте в мире (из 150). Женщины, как уже отмечалось выше, живут дольше. Рассмотрим разницу по продолжительности жизни у женщин по сравнению с мужчинами (табл. 3).

Таблица 3

Разница по продолжительности жизни при рождении у женщин и мужчин, лет

Регион	Год			
	1990	2007	2008	2009
Российская Федерация	5,01	8,78	12,33	7,04
Республика Карелия	10,53	13,27	13,11	13,38
Республика Коми	10,27	12,48	12,46	12,34
Архангельская область	10,69	13,54	13,55	13,12
Вологодская область	10,82	14,02	13,66	13,73
Калининградская область	5,71	12,4	12,29	10,75
Ленинградская область	10,97	13,56	13,41	13,11
Мурманская область	9,07	11,75	11,94	11,8
Новгородская область	12,34	14,02	15,08	14,09
Псковская область	11,36	13,27	14,59	13,21
г. Санкт-Петербург	9,07	11,4	10,88	10,17

В 1990 и 2007 годах продолжительность жизни женщин в России и во всех регионах СЗФО была больше, чем у мужчин. Причем во всех регионах СЗФО в 2007 год по сравнению с 1990 годом разница по продолжительности жизни у женщин возросла. В 2008 году по сравнению с 2007 годом женщины в России, в Архангельской, Мурманской, Новгородской и Псковской областях стали жить дольше, чем мужчины, а в 2009 году эта тенденция наблюдалась только в двух регионах – Республике Карелия и Калининградской области, а в остальных регионах, как и в целом, разница по продолжительности жизни у женщин по сравнению с мужчинами сократилась. Нормальная разница в самых развитых европейских странах – 4–6 лет.

Ожидаемая продолжительность жизни зависит от структуры населения, прежде всего от возрастного состава и соотношения мужчин и женщин. Чем моложе население, больше соотношение мужчин и женщин, тем больше продолжительность жизни.

Рассмотрим возрастной состав населения и соотношение мужчин и женщин. Эти показатели оказывают влияние на продолжительность жизни (табл. 4).

В предкризисный 2007 год по сравнению с 1990 годом структура населения по возрасту и соотношению мужчин и женщин в России и регионах СЗФО ухудшилась: население постарело и количество женщин в расчете на 1000 мужчин возросло. Чем моложе население, тем больше рождаемость и продолжительность жизни. Чем больше женщин, тем больше продолжительность жизни. В 2009 году в России и регионах СЗФО возрастная структура несколько улучшилась, и в большинстве регионов СЗФО стало больше женщин. В 2010 году по сравнению с 2009 годом в России и в большинстве регионов СЗФО на 1000 мужчин приходилось меньше женщин.

Таблица 4

Население моложе трудоспособного возраста, в % от общей численности населения (числитель), количество женщин на 1000 мужчин (знаменатель)[3]

Регион	Год				
	1990	2007	2008	2009	2010
Российская Федерация	24,3 1127	15,8 1182	15,9 1162	16,1 1162	1159
Республика Карелия	25,4 1110	15,4 1184	15,4 1186	15,7 1187	1188
Республика Коми	27,7 993	17,2 1107	17,3 1110	17,5 1113	1114
Архангельская область	26,4 1055	16,3 1143	16,3 1145	16,6 1147	1140
Вологодская область	24,5 1133	15,8 1180	15,9 1181	16,1 1183	1170
Калининградская область	23,1 1075	14,8 1121	14,8 1123	15 1123	1127
Ленинградская область	23 1148	13,2 1180	13,1 1179	13,2 1178	1161
Мурманская область	26,1 979	15,5 1068	15,6 1068	15,8 1069	1094
Новгородская область	22,4 1186	14,1 1245	14,7 1247	14,9 1246	1227
Псковская область	21,2 1183	14,1 1206	14,1 1209	14,3 1210	1182
г. Санкт-Петербург	19,9 1214	12,3 1234	12,5 1234	12,9 1232	1194

Как известно, численность населения зависит от естественного прироста и естественной убыли, от миграционного прироста или миграционной убыли, а также от численности вынужденных переселенцев и беженцев.

Данные о миграции Госкомстат России получает в результате разработки документов статистического учета прибытия и выбытия, составленных территориальными органами Федеральной миграционной службы при регистрации и снятии с регистрационного учета населения по месту жительства. Понятия «прибывшие» и «выбывшие» характеризуют миграцию с некоторой условностью, так как одно и то же лицо может в течение года менять место постоянного жительства не один раз.

Госкомстат России рассчитывает коэффициенты миграционного прироста (убыли) по субъектам РФ – миграционный прирост (убыль) за год на 10 000 человек населения.

Данные показывают, что в советский период (1990 год) в России, Калининградской, Ленинградской, Псковской областях и г. Ленинграде миграционный прирост несколько сократил уменьшение численности населения. В то же самое время в республиках Карелия и Коми, Архангельской, Вологодской, Мурманской, Новгородской областях миграционная убыль увеличила сокращение численности населения. В 2007 году в России, Республике Карелия, Калининградской, Ленинградской, Новгородской областях, г. Санкт-Петербурге миграционный прирост был, что сказалось на увеличении населения. В Республике Коми, Архангельской, Мурманской, Псковской областях миграционная убыль уменьшила численность населения. В 2010 году в России и в Вологодской, Калинин-

градской, Ленинградской, Новгородской областях и г. Санкт-Петербурге был миграционный прирост, а в остальных регионах наблюдалась миграционная убыль. В 2010 году сохранялась аналогичная ситуация (за исключением Вологодской области).

При этом необходимо учитывать, что не все мигранты регистрируются. Значительна часть так называемых нелегальных мигрантов, особенно в крупных городах.

Данные свидетельствуют о существенной межрегиональной дифференциации коэффициентов миграционного прироста и миграционной убыли.

Как уже отмечалось, численность населения зависит от численности вынужденных переселенцев и беженцев. Регистрация вынужденных переселенцев началась с 1 июля 1992 года, беженцев – с 20 марта 1993 года. Численность вынужденных переселенцев и беженцев существенного влияния на численность населения не оказывает. Так, в целом по России с начала регистрации на 1 января 2011 года численность вынужденных переселенцев составила всего 50 275 человек, а беженцев – 801 человек. Численность вынужденных переселенцев составила: Республика Карелия – 56 человек, Республика Коми – 31, Архангельская область – 23, Вологодская область – 292, Калининградская область – 358, Ленинградская область – 465, Мурманская область – 7, Новгородская область – 416, Псковская область – 264, г. Санкт-Петербург – 662. Беженцы были только в Архангельской и Псковской областях (по 1 чел.) и в г. Санкт-Петербурге – 31 чел.

Демографическая ситуация во многом зависит от социально-экономического положения и демографической политики.

Обобщенным показателем социально-экономического развития в России является валовой внутренний продукт, а в регионах – валовой региональный продукт. В предкризисный 2007 год в России валовой внутренний продукт на душу населения составлял 198,8 тыс. руб., в СЗФО – 206,2 тыс. руб., в регионах СЗФО валовой региональный продукт в тыс. руб.: Республика Карелия – 151,2; Республика Коми – 249,6; Архангельская область – 224,9; Вологодская область – 199,1; Калининградская область – 155,7; Ленинградская область – 191; Мурманская область – 225; Новгородская область – 133,7; Псковская область – 89; г. Санкт-Петербург – 242,8. Данные показывают, что в Республике Карелия, Калининградской, Вологодской, Новгородской и Псковской областях валовой региональный продукт был меньше, чем валовой внутренний продукт России, а в этих же регионах меньше, чем в СЗФО.

По данным Госкомстата РФ, в 2007 году смертность в России составила в расчете на 1000 человек населения 14,6, ожидаемая продолжительность жизни – 67,5 года при ВВП на душу населения по ППС 20,3 тыс. долларов; в Финляндии смертность составила 9,3, ожидаемая продолжительность жизни – 79,6 года при ВВП в 2008 году 37,8 тыс. долларов. Таким образом, между смертностью населения, ожидаемой продолжительностью жизни и ВВП есть прямая связь.

Как известно, в 2006–2007 годах в России и ее регионах был реализован приоритетный национальный проект «Здоровье», в рамках которого региональные медицинские учреждения получили современное оборудование, участковым медицинским работникам повысили заработную плату. В 2011–2012 годах реализуются региональные программы модернизации здравоохранения, направленные на повышение качества и доступности медицинской помощи. Эти программы финансируются в том числе за счет средств бюджета федерального фонда ОМС. Деньги выделяются в виде субсидий региональным территориальным фондам ОМС. Правительством РФ утверждены правила финансирования. Между Минздравсоцразвития России, Федеральным фондом ОМС и высшими исполнительными органами власти регионов заключаются соглашения о финансировании. Обязательным условием является наличие утвержденной в субъекте Федерации программы модернизации здравоохранения (с обоснованием стоимости мероприятий) и бюджетных ассигнований на ее реализацию. Субсидии направляются на укрепление материально-технической базы государственных и муниципальных учреждений здравоохранения (включая приобретение санитарного транспорта) и установку современных информационных систем для перехода на полисы ОМС единого образца.

Часть средств предназначается на внедрение стандартов и повышение доступности амбулаторной медпомощи. Полученные средства тратятся на обеспечение медорганизаций необходимыми лекарствами и расходными материалами, комплектование врачами-специалистами и средним медперсоналом для оказания амбулаторной медпомощи, введение ориентированной на результаты системы оплаты труда. При этом на оплату труда указанных сотрудников должно направляться не менее 70 % средств.

При несоблюдении условий соглашения и сроков реализации мероприятий программы субсидирование может быть приостановлено. В то же время субъектам Федерации, достигшим наилучших показателей, выделяются дополнительные ассигнования.

Указом Президента РФ от 9 октября 2007 года утверждена Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года. В Концепции дается оценка современной демографической ситуации в России,

тенденций ее развития, определяются принципы демографической политики РФ. Осуществляется выбор по каждому направлению демографического развития проблемных вопросов, учет региональных особенностей демографического развития, координация действий законодательных и исполнительных государственных органов на всех уровнях. В Концепции определены основные задачи демографической политики РФ:

- сокращение уровня смертности граждан, прежде всего в трудоспособном возрасте;
- сокращение уровня материнской и младенческой смертности, укрепление репродуктивного здоровья населения, детей и подростков;
- сохранение и укрепление здоровья населения, увеличение продолжительности активной деятельности жизни, формирование мотивации для ведения здорового образа жизни, существенное снижение уровня заболеваемости;
- повышение уровня рождаемости;
- укрепление института семьи, возрождение и сохранение духовно-нравственных традиций семейных отношений.

К 2025 году предполагается:

- обеспечить постепенное увеличение численности населения (в том числе за счет замещающей миграции) до 145 млн человек.

В регионах России планируется:

- увеличить ожидаемую продолжительность жизни до 75 лет;
- увеличить в 1,5 раза по сравнению с 2006 годом суммарный коэффициент рождаемости, снизить уровень смертности в 1,6 раза;
- обеспечить миграционный прирост на уровне более 300 тыс. человек ежегодно.

Концепция призвана переломить отрицательную демографическую тенденцию. Как показывают приведенные данные, происходят положительные изменения: в 2008–2009 годах увеличилась рождаемость, сократилась детская смертность, увеличилась средняя продолжительность жизни, уменьшилась естественная убыль, а в некоторых регионах достигнут естественный прирост, улучшилась возрастная структура. В то же время медленно увеличивается продолжительность жизни населения. Это связано с тем, что заболеваемость растет, а смертность находится на высоком уровне.

* Работа выполнена при поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Численность населения / Регионы России. Социально-экономические показатели. 2004 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/B04_14/IssWWW.exe/Stg/d010/i010090r.htm
[2] Демографический ежегодник России. 2010: Стат. сб. / Росстат. М., 2010. С. 103–104.
[3] Соотношение мужчин и женщин в общей численности населения / Регионы России. Социально-экономические показатели. 2011: Сбор. сб. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/B11_14p/IssWWW.exe/Stg/d01/03–04.htm

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лория Г. Здоровую экономику создает только здоровая нация [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://argumenti.ru/society/n303/121624
2. Полозков Д. В. Анализ изменений демографической структуры [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.demographia.ru/articles_N/index.html? idR=20&idArt=2027

Revaykin A. S., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

POPULATION REPRODUCTION IN REGIONS OF NORTHWESTERN FEDERAL DISTRICT: CONDITION, PROBLEMS

The main indicators of the population reproduction in northern regions of the Northwestern Federal District (birth rate, mortality, child mortality, population increase, morbidity, migration, natural population increase, natural population decline, life expectancy) and indicators of social and economic development are considered. A comparative analysis of the regions located in the Northwestern Federal District with the Russian Federation and some developed countries with market economy was carried out. The obtained results show that the high mortality rate and low life expectancy are characteristic of the Russian Federation and regions of the Northwestern Federal District. A correlation between levels of social and economic development in developed countries and Russia inclusive of northwestern regions is shown. High level of the social and economic development increases the level of life expectancy.

Key words: birth rate, mortality, natural population growth, population, migration

REFERENCES

1. Loriya G. *Zdorovuyu ekonomiku sozdaet tol'ko zdorovaya natsiya* [The healthy economy is created by only the healthy nation]. Available at: http://argumenti.ru/society/n303/121624
2. Polozkov D. V. *Analiz izmeneniy demograficheskoy struktury* [Analysis of changes of demographic structure]. Available at: http://www.demographia. ru/articles_N/index. html? idR=20&idArt=2027

Поступила в редакцию 17.01.2013

Май, № 3 **Экономика** **2013**

УДК 338.46:339.178:004

НАДЕЖДА ВИКТОРОВНА МИРОНЕНКО
кандидат экономических наук, доцент кафедры теории хозяйства и управления человеческими ресурсами факультета экономики и менеджмента, Орловский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Орел, Российская Федерация)
mironenkonv@rambler.ru

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ НА РЫНКАХ СЕТЕВОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ПОСРЕДНИЧЕСТВА НА ОСНОВЕ КЛАСТЕРООБРАЗОВАНИЯ

Институциональные изменения на рынках информационного посредничества являются составной частью процесса глобализации, а также результатом развития онлайнового обслуживания в развитых странах, ставшего причиной формирования нового типа сетевых отношений. В настоящее время формируются современные перспективные принципы развития экономики, принципы моделирования новых экономических связей, принципы поддержания и развития устойчивых кластерных систем локального и «сетевого», или внегеографического, характера, то есть происходит создание нужной институциональной формы на основе представления о том, как связывать и соорганизовывать разноформационные знания. Базовым принципом формирования кластерного объединения является стремление экономических акторов к максимизации своих конкурентных преимуществ за счет создаваемой добавленной стоимости и экономии на трансакционных издержках и устранении асимметрии информации. В качестве методов исследования мы использовали различные процедуры корреляционного и кластерного анализов, реализованные с помощью пакета анализа данных общественных наук SPSS Base 11.0. Мы пришли к выводу, что в регионах Центрального федерального округа идет постепенное формирование сетевой модели публичного государственного управления, первоначально основанной на двенадцати базовых электронных услугах для граждан (G2C). Формирование системы кластера сетевого информационного пространства в ближайшем будущем позволит сформировать новую парадигму виртуального рыночного пространства.

Ключевые слова: сети, рынки информационного посредничества, кластеры, система, информационное взаимодействие

Сетевой сектор информационных технологий экономики России и связанных с ними производств подтвердил свои преимущества в 2008–2011 годах в условиях нестабильности экономических отношений. Кризисные явления могли иметь более тяжелые последствия, причем как в базовых отраслях экономики, так и в общественно-экономических отношениях в целом, если бы в стране не уделялось должного внимания развитию различных форм информационных связей и формированию при поддержке государства устойчивых моделей информационного посредничества.

В процессе практического применения модели определенным образом изменялись и приобрели институциональные черты, в которых мы видим и особенности новых экономических реалий. Таким образом, формируются современные перспективные принципы развития экономики. Это принципы инновационного характера, моделирования новых экономических связей, поддержания и развития устойчивых кластерных систем локального и «сетевого», или внегеографического, характера. Иными словами, современные информационные системы и возникшие на их основе посреднические информационные услуги стали основой развития качественно нового уровня экономики, которую уже называют неоэкономической.

Трансформационные процессы взаимодействия на основе развития сетевого информационного посредничества

Принцип инновационности институциональных изменений означает, что на всех уровнях изменений (национальном – макроуровне, локальном – мезоуровне и индивидуальном – микроуровне) решающую

© Мироненко Н. В., 2013

роль играют институциональные, изначально системные инновации, которые осуществляются всеми субъектами изменений. Возникает система новых социально-экономических связей, в основе укрепления которых лежат различные формы информационного посредничества, что представлено на рисунке.

Как видно из рисунка, по вертикали эти формы отражают изменения в экономической политике государства в соответствии с текущими потребностями экономического и социального характера и являются существенной частью управленческой системы, позволяющей в режиме реального времени влиять на ситуацию, осуществлять взаимный контроль и проводить согласованную политику на всех уровнях власти.

По горизонтали это более сложный эволюционный процесс. В первую очередь, развитие информационных технологий, и прежде всего компьютерных сетей, позволяет на более высоком уровне осуществлять контакты между акторами и способствует активному внедрению новых технологических решений в рамках структуры и задач новой информационной формации.

Структура, содержание, сервисы, услуги, дополнительные ссылки сайтов администраций находятся сегодня под пристальным вниманием интернет-сообщества, и это еще одна форма контроля эффективности власти. Ведется постоянный мониторинг активности сайтов по муниципалитетам, областям, федеральным округам и стране. Так, в первой половине 2010 года в Центральном федеральном округе (ЦФО) в лидерах значились Белгородская и Липецкая области, что оправдано по показателям структуры, содержания, сервисам, дополнительным услугам, предоставляемым на сайтах. В некоторых регионах число предоставляемых государственных услуг доведено до 130 и более, и, судя по динамике развития ИТ в регионах, это далеко не предел [3].

Вместе с тем использование информационных технологий в деятельности федеральных органов государственной власти имеет ряд существенных недостатков. В современных условиях во избежание «институциональных ловушек» [5] необходима разработка методики мониторинга по результатам автоматизации деятельности органов власти, поскольку только создается единая система стандартов и регламентов, регулирующая данную область.

Россия активно переходит на мировой стандарт развитых стран: большая часть экономических отношений заимствует сфера услуг.

Конечно, предоставление населению виртуальных общественных благ должно рассматриваться как дополнительный вид услуг, и только с ростом компьютерной грамотности современных управленческих кадров, инновационного потенциала и ИКТ-инфраструктуры онлайновое обслуживание в конечном счете заменит большинство традиционных каналов предоставления услуг. Такие условия подступают столь стремительно, что вопрос встречного опережающего движения со стороны органов государственной власти является существенным моментом управленческой грамотности. Возможно поэтому растущий доступ к сети Интернет не сопровождается автоматическим увеличением использования ресурсов электронного правительства, поскольку степень интереса значительной части пользователей по различным причинам пока относительно невелика.

Отмечается, в частности, что предоставление онлайновых общественных услуг имеет лучший показатель «эффективность – стоимость», чем при предоставлении услуг с использованием других каналов; например, наибольшую эффективность дают интернет-порталы по налогообложению.

Учитывая мировой опыт активизации инновационных процессов в экономике и, следовательно, формирование конкурентных преимуществ экономических систем, не без помощи государства на различных уровнях обеспечивается формирование и функционирование монопрофильных образований кластерного типа.

Анализируя процессы институциональных изменений, Ю. В. Громыко указывает, что «кластер предполагает специальное эпистемическое проектирование – создание нужной институциональной формы на основе представления о том, как связывать и соорганизовывать разноформационные знания» [1]. Построение кластера информационного пространства во многом обусловлено необходимостью конструирования новых узлов инфраструктуры, агрегирования разных технологических решений для того, чтобы информационная инфраструктура функционировала устойчиво.

В рамках функциональной концепции системообразующим отношением выступает отношение между системой кластера информационного посредничества и внешней средой и их взаимное воздействие. Кластер сетевого информационного пространства имеет конкретную нацеленность на решение экономических и социальных задач посредством создаваемых внутри него кластерных механизмов. Их проявлением может выступить разработанная стратегия развития информационной и интернет-индустрии. Центральным звеном могут являться интернет-блоги, интернет-сообщества, основанные на экономических и юридических отношениях с фирмами, образующими кластер сетевого информационного пространства.

Формирование системы кластера сетевого информационного пространства в ближайшем будущем позволит сформировать новую парадигму. В частности, неограниченное виртуальное рыночное пространство; высокую кон-

курентоспособность и выход на крупнейшие международные рынки; продуктивность малого и среднего бизнеса; гибкие организации; поддержку партнеров внутри страны (в пределах кластера); ориентацию на инновации.

Теоретически деятельность кластера сетевого информационного пространства заключается в определении того влияния, которое она оказывает на частный бизнес, национальное хозяйство и общество как единое целое. Экономическое содержание кластера сетевого информационного пространства выражено во взаимоотношениях хозяйствующих субъектов, государства и общества (как потребителя информации) по поводу предоставления информационных услуг и получения дохода. Воздействуя на потребление, инвестирование и распределение дохода, социальный кластер воздействует и на распределение ресурсов внутри частного сектора. Учитывая, что экономическая категория отражает в абстрактном виде наиболее существенные стороны отдельных экономических явлений, процессов, механизмов, законов и закономерностей, кластер сетевого информационного пространства представляет собой экономические отношения в регионе, рынке и обществе.

Осуществим многомерную классификацию [2] субъектов ЦФО РФ по следующим статистическим показателям, отражающим индекс инвестиций в основной капитал на душу населения (%) и индекс затрат на информационные и коммуникационные технологии (ИКТ) (%), а также осуществим многомерную классификацию субъектов ЦФО РА по следующим статистическим показателям, отражающим информационную открытость сайтов государственных органов власти субъектов Российской Федерации в 2010 году: степень открытости сайтов государственных органов исполнительной власти (%) и степень открытости сайтов государственных органов законодательной власти субъектов РФ (%). Из рассматриваемой совокупности мы исключили Москву и Московскую область, так как они характеризуются экстремальными значениями по рассматриваемым показателям. В качестве методов исследования используем различные процедуры корреляционного и кластерного анализов, реализованные с помощью пакета анализа данных общественных наук SPSS Base 11.0 [7].

Статистическая независимость рассматриваемых показателей позволяет выполнить кластерный анализ. Рассмотрим трехкластерные решения. При выделении 3 кластеров в первый кластер входят 2 субъекта, во второй – 4, в третий – 10 субъектов.

Для первого кластера формируется единое ИЭП поставщиков, производителей и потребителей, предприятие (или фирма) получает возможность управлять спросом. Для субъектов второго кластера характерна модель «управляемой прозрачности» из внешней среды, доступны только разрешенные информационные ресурсы предприятия; доступ к внешним ресурсам практически не ограничивается.

Модель действенной координации основана на организации и развитии обратных связей, позволяющих имитировать в реальном времени экономические решения, в которых задействовано большое количество участников.

Идентификацию кластеров можно выполнить по их арифметическим средним. Результаты для трехкластерной модели приведены в таблице.

Принадлежность субъектов ЦФО РФ к кластерам (компоновка по методу Уорда) [5; 33]

Кластер	Среднее значение индексов развития ИКТ		Субъекты ЦФО РФ (области)
	Индекс инвестиций в основной капитал на душу населения	Индекс затрат на ИКТ	
1	1,14	0,00867	Калужская, Липецкая
2	0,39	0,00781	Брянская, Ивановская, Костромская, Орловская
3	0,72	0,01124	Белгородская, Владимирская, Воронежская, Курская, Рязанская, Смоленская, Тамбовская, Тверская, Тульская, Ярославская

Примечание. Рассчитано нами в системе SPSS Base 11.0 – по данным мониторинга Института развития свободы информации.

Из таблицы видно, что самые высокие показатели по индексу затрат на ИКТ – в областях третьего кластера, они превышают средние по ЦФО РФ от 0,72 до 2,2. Остальные регионы распределены достаточно симметрично. Так как инвестиционные потоки являются более сбалансированными, можно отметить более равномерное и симметричное распределение по областям ЦФО РФ. Поэтому можно сделать вывод, что масштабы информационной деятельности в регионах ЦФО позволяют говорить об их переходе к информационному обществу, что подтверждается и активным использованием органами государственного управления системы электронного правительства в регионах.

Как видно из таблицы, при анализе полученного решения первый полученный кластер характеризуется высокими средними значениями степени открытости сайтов государственных органов как исполнительной, так и законодательной власти субъектов. Второй кластер при низком среднем значении степени открытости сайтов государственных органов исполнительной власти характеризуется повышенным средним уровнем открытости сайтов государственных

органов законодательной власти. Для третьего кластера характерно значение первого показателя, близкое к среднему по РФ, и высокое значение второго показателя. Таким образом, статистический анализ показателей индексов инвестиций в основной капитал на душу населения и затрат на ИКТ позволил выявить основные закономерности, а также установить однородные группы субъектов Российской Федерации.

Базовым принципом формирования кластерного объединения является стремление экономических акторов к максимизации своих конкурентных преимуществ за счет создаваемой добавленной стоимости и экономии на трансакционных издержках.

Однако проведенный нами анализ некоторых сайтов администраций областей ЦФО показал, что административно-творческие решения имеют существенные качественные отличия. Вопрос, на наш взгляд, не в программном обеспечении или технологических решениях, а в понимании открытости и форм этой открытости администраторами сайтов и чиновниками аппаратов управления.

Следует отметить, что в регионах идет процесс информатизации экономики, который представляет собой развитие информационной деятельности и информационных технологий. Он характеризуется удельным весом информационного сектора экономики в ВРП, а также численностью людей, основная деятельность которых связана с использованием ИКТ, передачей и обработкой информации в разных ее формах.

Сетевая модель публичного сетевого государственного управления основана на следующих базовых электронных услугах для граждан (G2C): пользование публичными библиотеками (доступность каталогов, поисковые средства); подача заявлений на поступление в учебные заведения; декларирование подоходного налога; поиск работы через службы занятости; оформление социальной помощи (пособия по безработице и на ребенка, возмещение затрат на медицинские услуги, оплата учебы). На сегодняшний день перечисленные услуги сформированы и предоставляются. Они активно используются населением по мере необходимости.

Ко второй по популярности группе относят: оформление персональных документов (паспорт, водительское удостоверение); регистрация автомобиля (нового, подержанного, импортированного); подача заявлений на строительство; информирование полиции (например, в случае кражи и т. п.); оформление свидетельств (о рождении, браке) – запрос и предоставление; информирование о смене места жительства; услуги, связанные с медициной (интерактивные консультации, доступность медицинских услуг в различных учреждениях, заявки на лечение в конкретном госпитале и др.). Вторая группа пока находится в стадии формирования.

На основе проведенного исследования мы пришли к выводу, что в регионах ЦФО идет постепенное формирование сетевой модели публичного государственного управления в регионах ЦФО, и в части освоения базовых услуг для бизнеса (G2B) нами структурирована следующая последовательность их активности:

- декларирование корпоративных налогов и других налоговых процедур;
- функционирование системы государственных закупок;
- подача статистических данных;
- предоставление сведений о мигрантах.

К сожалению, еще находятся в стадии освоения такие базовые процедуры, как регистрация новой компании и таможенное декларирование.

В результате наблюдаемой в настоящее время высокой интенсивности процессов, формирующих бизнес-систему кластера сетевого информационного пространства, в ближайшие 10 лет почти 90 % бизнес-организаций в экономически развитых странах будут использовать в своей деятельности интернет-технологии и сетевые формы управления. Следовательно, в той или иной степени все они станут участниками кластера сетевого информационного пространства, а его особенности и возможности будут иметь для субъектов этого кластера большой нтерес.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Громыко Ю. В. Институт опережающих исследований. Что такое кластеры и как их создавать? // Альманах «Восток». 2007. Вып. 1 (42) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.situation.ru/app/j_art_1178.htm
2. Конева В. В. Управление интеллектуальным капиталом печатного периодического издания // Проблемы теории и практики управления. 2009. № 1. С. 16.
3. Кулькова В. Ю. Проектные технологии как метод социсследований: опыт и проблемы преподавания // Материалы IV конференции «Современные проблемы формирования методного арсенала социолога». М.: Институт социологии РАН, 2010.
4. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Начала, 1997. 180 с.
5. Результаты оценки официальных сайтов // Институт развития свободы информации [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.svobodainfo.org
6. Полтерович В. М. Институциональные ловушки и экономические реформы // Экономика и математические методы. 1999. Т. 35. № 2. С. 9–13.
7. Федеральные целевые программы / Министерство экономического развития РФ [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://fcp.economy.gov.ru
8. SPSS Base 8.0 для Windows. Руководство по применению. М.: СПСС Русь, 1998. 397 с.

Mironenko N. V., Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Orel, Russian Federation)

INSTITUTIONAL CHANGES IN NETWORK MARKET BASED ON INFORMATION CLUSTERING

Institutional changes in the area of information markets are an integral part of globalization and a result of the on-line services development in developed countries. They have become the cause of a new type of network relationships. At present new principles of economic development, principles of modeling new economic dependences, principles of maintaining and developing sustainable local cluster systems and "network" are formed. In other words, the process of creation necessary institutional forms based on new understanding of how to communicate and organize different knowledge is taking place. The basic principle of information clustering is a pursuit of economic agents to maximize their competitive advantage through created added value and savings gained on transaction, as well as elimination of information asymmetry. The research methods used in the study are based on a variety of correlation procedures and cluster analysis. The research was also conducted with the help of a package of data analysis of social sciences SPSS Base 11.0. We came to a conclusion that a network model of public governance is gradually settling in the regions of the Central Federal District. The model was originally based on twelve basic electronic services for citizens (G2C). Development of the network clusters will facilitate in the establishment of a new paradigm of the virtual market space.

Key words: networks, markets, the clusters, system, information mediation

REFERENCES

1. Gromyko Yu. V. Institute for Advanced Studies. What is a cluster, and how to create them? [Institut operezhayushchikh issledovaniy. Chto takoe klastery i kak ikh sozdavat'?]. *Al'manakh "Vostok"* [Almanac "East"]. 2007. Is. 1 (42). Available at: http://www.situation.ru/app/j_art_1178.htm2
2. Koneva V. V. Managing intellectual capital periodicals [Upravlenie intellektual'nym kapitalom pechatnogo periodicheskogo izdaniya] *Problemy teorii i praktiki upravleniya* [Problems of the theory and practice of management]. 2009. № 1. P. 16.
3. Kul'kova V. Yu. Project technology as a method of sociological research: experience and problems of teaching [Proektnye tehknologii kak metod sotsissledovaniy: opyt i problemy prepodavaniya]. Proceedings of the IV Conference "Modern Problems of Methodological Arsenal Development in A Sociologist" [Materialy IV konferentsii "Sovremennye problemy formirovaniya metodnogo arsenala sotsiologa"]. Moscow, Institute of Sociology Publ., 2010.
4. Nort D. *Instituty, institutsional'nye izmeneniya i funktsionirovanie ekonomiki* [Institutions, Institutional Change and Economic Performance]. Moscow, 1997. 180 p.
5. *Rezul'taty otsenki ofitsial'nykh saitov* [Evaluation results of official websites]. Available at: http://www.svobodainfo.org
6. Polterovich V. M. Institutional traps and economic reforms [Institutsional'nye lovushki i ekonomicheskie reformy]. *Ekonomika i matematicheskie metody* [Economics and Mathematical Methods]. 1999. Vol. 35. № 2. P. 9–13.
7. *Federal'nye tselevye programmy* / Ministerstvo ekonomicheskogo razvitiya RF [Federal programs / Ministry of Economic Development]. Available at: http://fcp.economy.gov.ru
8. *SPSS Base 8.0 dlya Windows. Rukovodstvo po primeneniyu* [SPSS Base 8.0 for Windows. Application manual]. Moscow, JCSS Rus' Publ., 1998. 397 p.

Поступила в редакцию 25.09.2012

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Май, № 3 **Экономика** **2013**

УДК 339.9

ОЛЬГА ГЕННАДЬЕВНА ТУЖИКОВА
преподаватель кафедры экономики и управления производством экономического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
olgeza80@mail.ru

ИННОВАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВЕ

Рассматриваются явления внешней среды, осложняющие переход российской экономики на инновационную модель развития. В качестве одной из ключевых проблем становления инновационной экономики указывается отсутствие инновационной культуры в предпринимательской среде. Как вариант решения обозначенной проблемы предложена модульная образовательная программа по инновационной культуре для малого и среднего бизнеса. Минимально необходимый объем знаний данной программы может содержать информацию в области понятийного аппарата, созидательного мышления, маркетинга и бизнес-планирования инновационной деятельности. Важным аспектом предлагаемой образовательной программы является четкое деление инновационного предпринимательства на две группы: наукоемкое инновационное предпринимательство и так называемое рыночное инновационное предпринимательство. Выделение названных категорий связано с принципиальной разницей между «лабораторной» и «рыночной» инновационной деятельностью, что вызывает объективную необходимость разного концептуального и методического подхода к ним.

Ключевые слова: инновации, инновационная экономика, национальная инновационная система, инновационная культура, инновационное предпринимательство

Правительство Российской Федерации своим Распоряжением от 8 декабря 2011 года № 2227-р утвердило Стратегию инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года (далее – Стратегия). Стратегия была разработана на основе положений Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года (далее – Концепция) и в соответствии с Федеральным законом «О науке и государственной научно-технической политике».

Данная Стратегия предполагает, что через десять лет страна сможет претендовать на 10 % мирового рынка интеллектуальных услуг, а доля инновационного сектора в ВВП вырастет до 20 %. Единственным возможным способом достижения этих целей является переход экономики на инновационную, социально ориентированную модель развития[1]. Однако этот путь значительно осложнен явлениями внешней среды; ключевыми угрозами являются следующие:

1. Ускорение технологического развития мировой экономики.

Многие развивающиеся страны, например государства – участники Содружества Независимых Государств, сегодня становятся реальными конкурентами России наряду со странами – лидерами в сфере инноваций. Так, например, Правительством Казахстана разработан Межотраслевой план научно-технологического развития страны до 2020 года, в рамках которого определены приоритеты для исследований по 5 ведущим отраслям. Финансирование науки в Казахстане в 2012 году по сравнению с 2011 годом возросло в 2,8 раза, создан Единый банк данных инновационных проектов, принят Закон Республики Казахстан от 03.07.2002 № 333–2 «Об инновационной деятельности». В 2011 году в Казахстане построено 350 новых предприятий инновационного типа, внедрено 13 инструментов поддержки инноваций, создано 9 офисов коммерциализации, 2 международных центра трансферта технологий с Францией и Кореей. Разработана методология и стратегия коммерциализации совместно с CNP (Великобритания) и т. п.[2] В России такого уровня инновационной активности не наблюдается.

2. Развитые страны в рамках антикризисных мероприятий направили десятки миллиардов долларов дополнительных инвестиций на развитие медицины, биотехнологий, альтернативной и возобновляемой энергетики, атомной отрасли и информационных технологий. У России нет таких возможностей. Большая страна требует больших социальных и управленческих расходов, а также значительных средств на поддержание своей обороны и безопасности граждан.

Федеральным законом № 371-ФЗ от 30 ноября 2011 года «О Федеральном бюджете на 2012 год и на плановый период 2013 и 2014 годов» расходная часть бюджета России на 2012 год определена на уровне 12 656,4 млрд руб. При этом расходы на оборону и безопасность составляют 3 675,3 млрд руб., что занимает 29 % в структуре бюджетных расходов, расходы на социальную политику – 3 895,9 млрд руб. (30,78 %), расходы на содержание госаппарата – 832,9 млрд руб. (6,58 %)[3].

© Тужикова О. Г., 2013

Расходы федерального бюджета на научные исследования и разработки гражданского назначения в 2012 году составят всего лишь 323,3 млрд руб., или 2,55 %. При этом перечень статей государственного финансирования не содержит отдельной строки по финансированию инновационной деятельности[4].

Более того, в течение планового 3-летнего бюджетного периода обнаруживается тенденция снижения государственных расходов на финансирование инновационного направления. Так, в 2013 году на научные исследования и разработки гражданского назначения в бюджете предусмотрено 327,7 млрд руб., а в 2014 году – уже 283,6 млрд руб. По сравнению с 2011 годом, когда в бюджет на инновации было формально заложено 604 млрд руб., сокращение финансирования инновационной сферы составляет: в 2012 году – 47 %, в 2013-м – 45,7 %, в 2014-м – 53 %.

В структуре совокупных государственных расходов в плановом периоде доля финансирования инноваций также снижается: в 2012 году она составляет 2 %, в 2013-м – 2,38 %, а в 2014-м – 1,9 % (!). Такая динамика идет вразрез с целевым показателем одобренной правительством Стратегии инновационного развития, так как документом предполагается довести расходы на НИР до 2,5–3 % ВВП к 2020 году[5].

Таким образом, Россия уступает развитым странам не только по объемам финансирования инновационной деятельности, которые у нас уже сейчас ниже в несколько раз и имеют дальнейшую тенденцию к снижению, но и по определению приоритетов государственного финансирования.

3. Усиление конкурентной борьбы в мире, в первую очередь за высококвалифицированную рабочую силу, привлекающую в проекты новые знания и компетенции, то есть за факторы, определяющие конкурентоспособность инновационных систем. Поэтому создание национальной инновационной системы отнесено к числу высших приоритетов государственной политики Российской Федерации [3; 390].

Под национальной инновационной системой подразумевается совокупность управляющих и хозяйствующих субъектов, взаимодействующих в процессе создания и реализации инновационной продукции (услуг), осуществляющих свою деятельность на основе соответствующей нормативно-правовой базы в рамках проводимой государством политики [1; 53].

В целом российской национальной инновационной системы как не было, так и нет. Вероятно, главной причиной этого выступает недостаточная ориентированность инновационной политики России на ключевой ее элемент – человека, человеческий капитал. Поэтому под национальной инновационной системой следует понимать не только сумму взаимосвязанных экономических агентов (предприятий, научных организаций, вузов, фондов, инвесторов и др.), но и такие связующие элементы, как общественные ценности, социальные гарантии, достойная заработная плата, институт развития личности человека и т. п. Иначе отток из страны конкурентоспособных кадров, технологий, идей и капитала будет продолжаться.

4. Отсутствие инновационной предпринимательской культуры.

Эта причина, препятствующая становлению российской инновационной экономики, заслуживает наибольшего внимания.

Во-первых, это один из немногих факторов инновационной активности, на который реально можно воздействовать на уровне гражданского общества. Во-вторых, именно от предпринимателя в конечном счете зависит то, станет новшество инновацией или нет. Сегодня, например, частный сектор экономики не проявляет достаточной заинтересованности во внедрении инноваций.

По данным Росстата, в 2010 году в стране было вновь зарегистрировано 2830 ед. юридических лиц. Из них в материальной сфере – 1050 ед., в нематериальной сфере – 1780 ед., в том числе 1353 ед. [4] – предприятия в области торговли, операций с недвижимостью, гостиницы, рестораны и т. п., то есть такие виды экономической деятельности, в которых инновации слабо применимы, а если и случаются, то, как правило, размыты, без однозначной их идентификации. В целом на неемкие в плане использования инноваций виды экономической деятельности приходится 47,8 % зарегистрированных предприятий. Фактически это означает, что из 10 предпринимательских структур только 5 могут потенциально проявлять инновационную активность. Добавив к этому субъективный фактор – уклонение от участия в рисковых проектах (какими как раз и являются инновационные проекты), можем получить вообще ноль игроков на инновационном рынке.

Тем не менее даже нематериальная сфера производства может вносить значительный вклад в формирование инновационной экономики. Сегодня благодаря «Руководству Фраскати», «Руководству Осло» и определенной нормативно-правовой базе в экономике сформировалось понимание того, что инновация – это конечный результат деятельности в виде нового или усовершенствованного продукта, внедренного на рынке, нового или усовершенствованного технологического процесса, используемого в практической деятельности либо в новом подходе к социальным услугам [5; 31]. Таким образом, понятие инновации абсолютно точно применимо не только к материальной сфере, но и к области услуг.

Однако, как показывает практика проведения образовательных программ и семинаров для предпринимателей в регионах Карелии, в предпринимательских структурах не понимают, ни что такое инновации, ни что такое инновационный подход, ни что такое инновационная деятельность и каким образом все это может быть связано с конкретным бизнесом. Кроме того, оказывается, что предпринимателям неизвестно о том, какие на данный момент имеются гарантии и предложения по стимулированию инновационного бизнеса со стороны государства. Из группы средней численностью 20 человек, как правило, находятся только 1–2 человека, которые считают, что инновации, возможно, применимы в их сфере деятельности. Остальные участники убеждены, что инновации не для них.

Между тем реальная восприимчивость людей к новшествам в экономике, образовании, управлении, способность и готовность их понять, поддержать и превратить в товары, услуги, методы – это и есть инновационная культура, называемая сегодня стратегическим ресурсом инновационной экономики.

Заместитель руководителя президентской администрации, зампредседателя Комиссии при Президенте России по модернизации и технологическому развитию экономики Владислав Сурков в своем интервью выделил два направления инновационной работы: 1) «непосредственно модернизация, то есть подтягивание экономики до современного уровня», и 2) «создание особого культурного и психологического климата» [6].

Таким образом, путь инновационного развития экономики однозначно обусловлен уровнем инновационной культуры населения, а повышение этого уровня, в свою очередь, – вполне решаемая задача.

Способствовать формированию национальной инновационной системы через повышение инновационной предпринимательской культуры должны образовательные учреждения всех уровней – от дошкольных до вуза. Следует разработать единую комплексную программу по воспитанию инновационно ориентированного человека, который будет ясно понимать, что только инновации способны обеспечивать рост благосостояния населения и повышать качество жизни самого человека. В первом приближении образовательная программа по инновационной культуре может выглядеть как система модулей примерно такого содержания:

1. Понятийный аппарат. Здесь следует раскрыть базовые понятия инновационной деятельности. При этом следует учитывать, что инновация как самостоятельная экономическая категория и все, что с ней связано, – это вещи, действительно трудные для понимания. Ситуация усугубляется и тем, что в России до сих пор отсутствует федеральный закон об инновациях и инновационной политике.

2. Созидательное мышление. Этот модуль может быть представлен тренингами и практическими занятиями по активизации творческого процесса. К таким методам относятся «мозговой штурм» А. Осборна, «синектика» У. Гордона, «алгоритм изобретения», «ТРИЗ» Г. С. Альтшуллера, морфологический анализ и т. п. Эти техники давно известны и хорошо отработанны, но они до сих пор не используются повсеместно. Остается только удивляться этому.

3. Маркетинг инноваций. Здесь особого внимания заслуживает разница между ориентацией на технологию и ориентацией на решение проблемы потребителя. Следует однозначно подразделять инновации на «втягиваемые спросом», то есть вызванные к жизни наблюдаемыми потребностями, и на «вталкиваемые лабораторией», то есть основанные на фундаментальных исследованиях и возможностях технологии [4; 276].

Кроме того, серьезной проблемой является объединение в одну категорию «инновационное предпринимательство» наукоемких и иных видов экономической деятельности. Мы считаем правильным произвести разделение понятия «инновационное предпринимательство» на две группы:

1) Рыночное инновационное предпринимательство – коммерческие структуры, изначально создаваемые исключительно ради прибыли, для которых инновация является только средством достижения цели;

2) Наукоемкое инновационное предпринимательство – предпринимательские структуры, занятые в трансферте технологий. Цель их создания – коммерциализация инноваций.

Далее выделенные группы следует конкретизировать, дать их описательную характеристику по ряду параметров, выработать критерии отнесения к ним и в конечном счете работать с представителями данных групп по-разному.

4. Бизнес-планирование инноваций. На данном этапе особенности бизнес-плана инновационного продукта представляются слабо. Однако специфика бизнес-плана для инновационной компании уже определяется. Это связано с программами государственной поддержки малого и среднего инновационного предпринимательства.

В настоящее время Минэкономразвития Карелии реализует различные грантовые программы по предоставлению субсидий на инновационные проекты. Финансирование осуществляется на конкурсной основе. Условия участия в конкурсе и требования к претендентам определяют особенности разработки бизнес-планов в рамках данных мероприятий.

Итак, предложенная образовательная программа поспособствует не только формированию у слушателей необходимого инновационно-

го образа мышления, но и позволит привлечь к участию в конкурсах на гранты для инновационных компаний большее число предпринимателей. Причем это как раз та ситуация, когда количество перерастает в качество, потому что, чем больше инновационных идей, тем выше уровень конкуренции между ними, в результате чего качество инновационных идей повышается.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Распоряжение Правительства РФ от 8 декабря 2011 г. № 2227-р «Об утверждении Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://base.consultant.ru
[2] Сайт премьер-министра Казахстана Карима Масимова [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://pm.kz/
[3] Федеральный закон от 30.11.2011 № 371-ФЗ «О федеральном бюджете на 2012 год и на плановый период 2013 и 2014 годов» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://base.consultant.ru
[4] Расходы федерального бюджета на 2012 год и на плановый период 2013 и 2014 годов / Пояснительная записка к бюджету РФ [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://info.minfin.ru

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Валентей С. Формирование национальной инновационной системы: проблемы и условия // Человек и труд. 2006. № 2. С. 52–57.
2. Делия В. П. Устойчивое развитие и инновационная стратегия экономики России // Перспективы науки. 2011. № 26. С. 138–142.
3. Егорова С. Б. Проблемы становления отечественной инновационной экономики // Вестник Чувашского университета. 2011. № 4. С. 390–394.
4. Маркова В. Д. Особенности маркетинга инноваций // Проблемы современной экономики. 2009. № 4.
5. Руководство Осло. Рекомендации по сбору и анализу данных по инновациям. М.: Организация экономического сотрудничества и развития, 2010. 107 с.
6. Суровкин Н. Национальная инновационная система: с чего начать? [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.planet-kob.ru/articles/517

Tuzhikova O. G., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

INNOVATIVE CULTURE IN BUSINESS

Environment phenomena, which complicate transition of the Russian economy to innovation-driven development model, are considered in the article. The absence of innovation culture in business environment is specified as one of the key problems of innovative economy. A modular educational program for small and medium scale businesses is proposed as one of the ways to solve the problem. The minimum knowledge needed to work the program may include knowledge of categories and concepts, as well as skills to think creatively and to do marketing and business planning. An important aspect of the proposed educational program is a clear division of innovative entrepreneurship into two different groups: “science-based innovative entrepreneurship” and the so-called “market-based innovative entrepreneurship”. These two categories are marked by fundamental difference between “laboratory-based” and “market-based” innovation activities. This means that they should be studied with the use of different conceptual and methodological approach.

Key words: innovations, innovative economy, national innovative system, innovative culture, innovative business

REFERENCES

1. Valentey S. Formation of a national innovation system: problems and conditions [Formirovanie natsional’noy innovatsionnoy sistemy: problemy i usloviya]. *Chelovek i trud* [Rights and Labor]. 2006. № 2. P. 52–57.
2. Deliya V. P. Sustainable development and innovation strategy of Russian economy [Ustoichivoe razvitie i innovatsionnaya strategia Rossii]. *Perspectivy nayki* [Future science]. 2011. № 26. P. 138–142.
3. Egorova S. B. The problems of establishing national innovation economy [Problemy stanovleniya otechestvennoy innovatsionnoy economiki]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta* [Chuvash University Gazette]. 2011. № 4. P. 390–394.
4. Markova V. D. Features of marketing innovation [Osobennosti marketinga innovatsij]. *Problemy sovremennoy ekonomiki* [Problems of the modern economy]. 2009. № 4.
5. Oslo Manual: Guidelines for Collecting and Interpreting Innovation Data, 3rd Edition, OECD/EC, 2005.
6. Surovkin N. National innovation system: where to start? [Natsional’naya innovatsionnaya sistema: s chego nachat’?]. Available at: www.planet-kob.ru/articles/517

Поступила в редакцию 08.11.2012

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Май, № 3 **Юридические науки** **2013**

УДК 342

ЮРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ПЕТРОВСКИЙ
аспирант кафедры международного и конституционного права юридического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
petrovsky@zakon-zp.ru

КРИТЕРИИ МАЛОЗНАЧИТЕЛЬНОСТИ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ*

Исследуются наиболее актуальные проблемы применения ст. 2.9 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ), в соответствии с которой лицо, совершившее административное правонарушение, может быть освобождено от административной ответственности. Проводится анализ частых в судебных актах дополнительных критериев, по которым правонарушение признается малозначительным. На сегодняшний день в российском законодательстве нет закрепленного исчерпывающего перечня критериев, по которым то или иное административное правонарушение могут признать малозначительным. Признаком малозначительности принято считать отсутствие существенной угрозы общественным отношениям, однако непонятно, как определить, что такая угроза действительно отсутствует. На практике судья, орган либо должностное лицо, уполномоченное решить дело об административном правонарушении, трактуют это каждый по-своему. Вынося решение, уполномоченные на то лица в качестве основания для применения статьи 2.9 КоАП РФ ссылаются на совершенно разные критерии малозначительности. Делается попытка определения основных и дополнительных критериев, по которым правонарушение может быть признано малозначительным.

Ключевые слова: Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, критерии малозначительности, совершение административного правонарушения впервые, судебная практика, малозначительность правонарушения

В судебной практике возникает много проблем при единообразном применении статьи 2.9 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, в соответствии с которой при малозначительности совершенного административного правонарушения судья, орган, должностное лицо, уполномоченные решить дело об административном правонарушении, могут освободить лицо, совершившее административное правонарушение, от административной ответственности и ограничиться устным замечанием[1]. Конечно, малозначительность деяния является оценочным признаком и устанавливается в зависимости от конкретных обстоятельств дела. Но всегда ли возможна сама постановка вопроса о малозначительности; в отношении всех ли составов административных правонарушений и любых лиц, привлекаемых к административной ответственности? Так, постановление Пленума Верховного суда РФ от 24.03.2005 № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» и постановление Высшего арбитражного суда (ВАС) РФ от 02.06.2004 № 10 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях» лишь в самом общем виде определяют критерии малозначительности административных правонарушений, их перечень не может быть исчерпывающим.

Высшими судами подчеркивается, что применение статьи 2.9 КоАП РФ и признание совершенного правонарушения малозначительным возможно только в том случае, когда отсутствует существенная угроза охраняемым общественным интересам, то есть с учетом тех последствий для общественных отношений, которые наступили в результате совершения правонарушения. Это основной критерий (основание) для применения данной административно-правовой нормы. При этом возможность или невозможность квалификации деяния в качестве малозначительного не может быть установлена абстрактно, в связи с чем выводы судов о признании правонарушения малозначительным всегда должны быть мотивированы[2].

С другой стороны, при наличии исключительных обстоятельств, свидетельствующих об отсутствии существенной угрозы охраняемым общественным отношениям, суды зачастую отказывают в применении статьи 2.9 КоАП РФ по формальным составам, мотивируя решения тем, что угроза общественным отношениям выражается не в наступлении каких-либо материальных последствий правонарушения, а в пренебрежительном отношении нарушителя к исполнению своих публично-правовых обязанностей, к формальным требованиям публичного права.

Практика судов общей юрисдикции и арбитражных судов позволяет сделать вывод о следующей тенденции: в настоящее время суды признают малозначительными административно наказуемые деяния в широких пределах, независимо от объекта (предмета посягательства), круга лиц, привлекаемых к ответственности.

© Петровский Ю. А., 2013

При этом суды указывают, что норма статьи 2.9 КоАП РФ является общей и может применяться к любому составу административного правонарушения, предусмотренного КоАП РФ, если судья, орган, рассматривающий конкретное дело, признает, что совершенное правонарушение является малозначительным. Тем самым подтверждается допустимость применения статьи 2.9 КоАП РФ в отношении как материальных, так и формальных составов административных правонарушений, а также в отношении физических и юридических лиц, привлекаемых к административной ответственности.

Следует отметить, что в юридической литературе имеется лишь несколько работ, посвященных малозначительности административных правонарушений [2], несмотря на актуальность этого вопроса.

На основе обобщения судебной практики мы попытались выделить наиболее частые в судебных актах дополнительные критерии, по которым правонарушение признается малозначительным.

Первый критерий – *совершение административного правонарушения впервые.* В качестве примера использования данного критерия рассмотрим постановление от 29.10.2007 по делу № А05-7280/2007. Федеральным арбитражным судом Северо-Западного округа оставлено без изменения решение Арбитражного суда Архангельской области, которым было признано незаконным и отменено постановление налогового органа о привлечении к административной ответственности по статье 14.5 КоАП РФ предпринимателя за неприменение контрольно-кассовой техники или бланков строгой отчетности при осуществлении наличных денежных расчетов за оказание услуг по перевозке двух пассажиров общей стоимостью 60 рублей. Суд указал, что данное правонарушение не может повлечь применения к предпринимателю установленных названной нормой права санкций; указанное правонарушение с учетом его характера, отсутствия прямого умысла, привлечения предпринимателя к ответственности впервые, признания им факта правонарушения, незначительности стоимости оплаченной услуги, а также отсутствия вредных последствий не повлекло за собой существенного нарушения охраняемых общественных отношений и является малозначительным[3]. Таким образом, суд признал правонарушение малозначительным не по одному критерию – совершение административного правонарушения впервые, а указал на совокупность критериев, в том числе признание факта правонарушения и отсутствие вредных последствий.

Второй критерий – *устранение нарушения, его последствий, вреда сразу же после его совершения.* В п. 18 постановления Пленума ВАС РФ от 02.06.2004 указано, что добровольное устранение последствий правонарушения само по себе не является обстоятельством, свидетельствующим о малозначительности правонарушения[4].

Поэтому суды, как правило, также применяют данный критерий в совокупности с другими обстоятельствами, например, если административное правонарушение совершено впервые и нарушения устранены сразу же после его совершения. При применении данного критерия следует учитывать особенности некоторых материальных и формальных составов, исходить из оценки конкретной ситуации и учитывать, что наказание должно быть справедливым.

Третий критерий – *незначительный пропуск срока исполнения соответствующей публично-правовой обязанности.* В судебной практике нет какого-либо единообразия по данному вопросу. Малозначительным признается пропуск в несколько дней (3, 10 и др.), исполнение обязанности до выявления нарушения и т. д. Представляется, что необходимо выяснить причину пропуска срока (она может быть и уважительной), а уже после этого определять, какой срок следует считать незначительным.

Данный критерий, как и другие, широко применяется судами прежде всего из-за отсутствия в КоАП РФ должной дифференциации ответственности в зависимости от характера правонарушения. Поэтому последние изменения законодательства, по нашему мнению, учитывают практику правоприменения и направлены на то, чтобы административное наказание соответствовало нарушению. Так, Федеральным законом № 311 от 16.11.2011 внесены дополнения в статью 15.25 КоАП РФ об ответственности за непредоставление отчетности по валютным операциям, а именно определено различное наказание за нарушение срока предоставления документов не более чем на 10 дней, от 10 до 30 дней, более чем на 30 дней[5]. Думается, такое решение законодателя будет способствовать и большему единообразию судебной практики в признании малозначительными правонарушений, предусмотренных данной нормой КоАП РФ.

Четвертый критерий – *несоразмерность наказания характеру допущенного нарушения.* Данный критерий рассматривается судами в совокупности с другими критериями, но в ряде случаев и сам по себе является основанием для признания правонарушения малозначительным, особенно по формальным составам. При этом суды, как правило, ссылаются на определение Конституционного суда РФ № 349-0 от 05.11.2003, где указано, что по смыслу ст. 55 (ч. 3) Конституции РФ установление конкретной санкции за административное правонарушение должно быть соразмерным характеру совершенного деяния.

Применение данного критерия, очевидно, связано с отсутствием должной дифференциации ответственности по многим составам КоАП РФ, особенно по штрафным санкциям, определенные размеры которых (нередко в сотни тысяч

рублей) практически неощутимы для крупного бизнеса, монополий, но разорительны для индивидуальных предпринимателей, малого бизнеса, бюджетных учреждений.

В ряде случаев решения судов первой инстанции, использующих критерий несоразмерности наказания как единственный при признании нарушения малозначительным, отменяются вышестоящими инстанциями.

Так, постановлением от 12.10.2011 по делу № А21-2546/2011 Тринадцатый арбитражный апелляционный суд отменил решение Арбитражного суда Калининградской области о признании незаконным и отмене постановления Регионального отделения Федеральной службы по финансовым рынкам в Северо-Западном федеральном округе (РО ФСФР) о привлечении к административной ответственности ЗАО «Автотор» по статье 19.7.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Как следует из материалов дела, в результате проведенной камеральной проверки установлено, что общество, самостоятельно осуществляющее ведение реестра владельцев именных ценных бумаг, не представило в РО ФСФР ежегодную отчетность за 2009 год в установленный срок. По данному факту составлен протокол от 08.12.2010, а постановлением РО ФСФР от 21.12.2010 № 72-11-120/пн общество привлечено к административной ответственности по статье 19.7.3 КоАП РФ в виде штрафа в размере 500 000 рублей. Удовлетворяя требования общества, суд первой инстанции исходил из доказанности административным органом события административного правонарушения и состава в действиях юридического лица. Одновременно, оценив конкретные обстоятельства данного дела, суд счел возможным применить статью 2.9 КоАП РФ и признать совершенное правонарушение малозначительным.

Однако апелляционная инстанция посчитала неправильными выводы суда о малозначительности вмененного обществу правонарушения, о несоразмерности примененной РО ФСФР санкции характеру совершенного правонарушения[6].

Пятый критерий – *поведение лица и принятие им мер в целях предотвращения и недопущения правонарушения*. Здесь должны учитываться те действия, которые предпринимались лицами для того, чтобы сделать все возможное для предотвращения правонарушения. Данный критерий может быть единственным, чтобы признать правонарушение малозначительным.

Шестой критерий – *наличие конкретных, чрезвычайных обстоятельств, препятствующих субъекту исполнить соответствующую публично-правовую обязанность*. Данный критерий применяется, как правило, в совокупности с другими критериями. При этом надлежит исследовать вопрос, виновен ли вообще субъект правонарушения при таких обстоятельствах.

Седьмой критерий – *ошибочность толкования нормативных актов и противоречивость судебной практики*. Здесь возможны различные ситуации. Так, если правонарушение совершено из-за действий органа власти, принятия правового (в том числе нормативного) акта, не соответствующего законодательству, то прежде всего (как и в случае с шестым критерием) необходимо исследовать вопрос о виновности или невиновности лица, то есть наличии состава административного правонарушения. И лишь в случае, если административный орган (суд) устанавливает вину лица, рассматривается вопрос о малозначительности правонарушения.

Малозначительность правонарушения – оценочное понятие, которое может быть по-разному истолковано различными судебными инстанциями и судьями разных судов. Очевидно, что данный вопрос нуждается в более тщательном правовом регулировании: необходима упорядоченная система законодательно установленных и четко определенных критериев, с помощью которых суд смог бы применять норму о малозначительности административного правонарушения, имея в виду укрепление законности и справедливости судебных решений, основанных на убеждении судьи с учетом судейского усмотрения [1; 99].

Разумный баланс всех принципов юридической ответственности призван гарантировать законное и справедливое судебное разбирательство, найти оптимальный и максимально эффективный вариант придания спорным отношениям характера бесспорных. Безусловно, не следует переоценивать значение критериев. Применение положений закона о малозначительности правонарушения должно быть мотивировано. С другой стороны, представляется необходимым обоснование административными органами и судами и неприменения нормы КоАП РФ о малозначительности, особенно в случае, если лицо, привлекаемое к ответственности, считает свое правонарушение малозначительным, учитывая возможность обжалования решения и его пересмотра.

* Работа выполнена при поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон от 30 декабря 2001 № 195-ФЗ (в ред. Федерального закона от 04.05.2012 № 44-ФЗ) // Российская газета. 2001. № 256.

[2] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2005 № 5 (в ред. 09.02.2012) «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // Российская газета. 2005. № 80.
[3] Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 29.10.2007. № А05-7280/2007 «О привлечении к административной ответственности по статье 14.5 КоАП РФ» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://fasszo.arbitr.ru
[4] Постановление Пленума ВАС РФ от 02.06.2004 № 10 (в ред. 10.11.2011) «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях» // Вестник ВАС РФ. 2004. № 8.
[5] Федеральный закон «О внесении изменений в статью 15.25 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» от 16.11.2011 № 311-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 47. Ст. 6601.
[6] Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 12.10.2011 № А21-2546/2011 «О привлечении к административной ответственности по статье 19.7.3 КоАП РФ» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://13aas.arbitr.ru

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анохин В. С. Малозначительность правонарушения не исключает наличие вины // Арбитражная практика. 2012. № 6. С. 99.
2. Подвальный И. О. К вопросам о малозначительности административных правонарушений, возникшим в практике арбитражных судов Северо-Западного округа // Арбитражные споры. 2009. № 1. С. 107–130.

Petrovskiy Yu. A., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

CRITERIA OF LOW SIGNIFICANCE FOR ADMINISTRATIVE OFFENSE

The article deals with current problems of Article 2.9 of the Code of Administrative Offences application according to which a person who commits an administrative offense may be discharged from liability. The analysis of additional criteria frequently mentioned in judicial acts, which define significance of administrative offence, is provided. Contemporary Russian legislation does not contain an exhaustive, fixed list of criteria according to which a particular administrative offense may be defined as insignificant. It is considered that the absence of the real threat to public relations is an attribute of little significance, but it is unclear how to determine the real absence of such threat. In practice a judge, an authority, or an official authorized to decide on administrative violations treat it in their own way. Consequently, it presents uncertainty for a judge, an official, or an authority while examining cases involving administrative offences. They have to assess every offense on the grounds of their inner conviction. Thus, an authorized person passing judgments refers to quite different criteria from Article 2.9 of the Administrative Code to prove insignificance of an offence. The author attempts to determine the main and additional criteria for an offense to be considered insignificant.

Key words: The Code of Administrative Offences of the Russian Federation, criteria of insignificance, first time administrative offense, court practice, low significance of infraction

REFERENCES

1. Anokhin V. S. Low Significance of Infraction doesn't Except Availability of a Guilt [Maloznachitel'nost' pravonarusheniya ne isklyuchaet nalichie viny]. *Arbitrazhnaya praktika*. 2012. № 6. P. 99.
2. Podval'nyy I. O. About questions of Low Significance of Administrative Infraction in Practice of Arbitration Courts of North-West Circuit [K voprosam o maloznachitel'nosti administrativnykh pravonarusheniy, voznikshim v praktike arbitrazhnykh sudov Severo-Zapadnogo okruga]. *Arbitrazhnye spory*. 2009. № 1. P. 107–130.

Поступила в редакцию 17.12.2012

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Май, № 3 **Юридические науки** **2013**

УДК 336.7

ПЕТР ВСЕВОЛОДОВИЧ ЩЕРБУХИН
соискатель кафедры международного и конституционного права юридического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
psherbuhin@filroi.rosinkas.ru

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНКАССАЦИИ

Работа посвящена некоторым аспектам правового регулирования инкассации как вида финансово-хозяйственной деятельности и рассмотрению вопросов, связанных с неоднозначностью толкования и применения понятия инкассации в российском законодательстве. Инкассация относится к банковским операциям, правовое регулирование которых осуществляет Центральный банк России. Вместе с тем до недавнего времени точное правовое определение инкассации наличных денег в российском праве отсутствовало и было впервые закреплено Банком России для кредитных организаций наряду с правовым понятием перевозки наличных денег, разграничением этих терминов и установлением правил их осуществления. Однако наряду с банковским правом термин «инкассация» употребляется для схожих операций и в других областях экономической деятельности, например в области оказания услуг связи и страхового дела, услуг ЖКХ и торгового мореплавания. При этом правила осуществления инкассации установлены лишь для кредитных организаций, в иных хозяйственных секторах они отсутствуют и выпадают из сферы правового регулирования Банка России. Такое положение дел создает правовую неопределенность в области регулирования инкассаторской деятельности и ведет к ослаблению требований, предъявляемых Банком России к ее осуществлению, что может привести к неоправданным человеческим жертвам. Целесообразно закрепление правового определения термина «инкассация» в нормах административного права как наиболее динамичного раздела права.

Ключевые слова: наличное денежное обращение наличные деньги, инкассация, перевозка наличных денег

Под понятием «инкассация» подразумевают специальный вид деятельности, связанный с кассовым обслуживанием и транспортировкой наличных денег, ценных бумаг и других ценностей юридических и физических лиц, однако правовое определение инкассации, единое для всех лиц, вовлеченных в эту деятельность, отсутствует и по сей день, затрудняя правовое регулирование в этой области. Исследованию случаев неоднозначного толкования и применения понятия инкассации в российском законодательстве посвящена предлагаемая работа.

Инкассация наличных денег является одной из составляющих организации наличного денежного обращения, правила которого, согласно ст. 4 Федерального закона от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», устанавливает Банк России в силу своей правовой компетенции. Им же, согласно ст. 34 указанного закона, регулируются и правила хранения, перевозки и инкассации наличных денег для кредитных организаций[1], которые являются, таким образом, объектом банковского права и предметом административно-правового регулирования.

Согласно ст. 5 Федерального закона от 02.12.1990 № 395-I «О банках и банковской деятельности», инкассация денежных средств, векселей, платежных и расчетных документов и кассовое обслуживание физических и юридических лиц относятся к осуществляемым по установленным Банком России правилам банковским операциям, выполнение которых, согласно ст. 13 названного закона, возможно только на основании лицензии, выдаваемой Банком России. Исключение касается Банка развития и внешнеэкономической деятельности (Внешэкономбанк)[2] и случаев, указанных в Федеральном законе от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе», не затрагивающих вопросы регулирования инкассации.

Наконец, инкассация денежных средств, векселей, платежных и расчетных документов и кассовое обслуживание юридических лиц п. 4 ст. 18 Федерального закона «О защите конкуренции» до недавнего времени были отнесены к финансовым услугам, оказываемым финансовыми организациями.

Прежде понятие «инкассация» вообще не имело точного правового определения. Правила доставки и инкассации денежной наличности и других ценностей были установлены Положением ЦБР от 09.10.2002 № 199-П «О порядке ведения кассовых операций в кредитных организациях на территории Российской Федерации», не содержавшим определения термина «инкассация», как и более ранние правовые акты, использующие понятие «инкассация»[3]. В 2008 году Банком России было издано Положение № 318-П[4], которое в настоящее время является основным документом, регламентирующим правила перевозки и инкассации для кредитных организаций. Им,

© Щербухин П. В., 2013

в частности, установлено, что «кредитная организация, ВСП (внутреннее структурное подразделение. – *П. Щ.*) могут осуществлять сбор, доставку наличных денег клиентов в кредитную организацию, ВСП (за исключением обменного пункта), в том числе сданных клиентами через автоматические сейфы, с последующим зачислением (перечислением) их сумм на банковские счета, счета по вкладам (депозитам) клиентов, открытые в этих или иных кредитных организациях (далее – инкассация наличных денег)». Этим же документом инкассация отграничивается от перевозки наличных денег, под которой понимается «транспортировка принятых ими наличных денег в кредитной организации, ВСП, учреждении Банка России, осуществляющем кассовое обслуживание кредитной организации, ВСП, и сдача их в кредитную организацию, ВСП, учреждение Банка России, осуществляющее кассовое обслуживание кредитной организации, ВСП, или передача клиенту, а также изъятых из программно-технических средств и подлежащих вложению в программно-технические средства наличных денег»[5].

При этом правилами осуществления инкассации предусмотрено обязательное применение автотранспорта, оборудованного броневой защитой в соответствии с установленными требованиями законодательства Российской Федерации[6], средствами радиосвязи, переговорными устройствами и другими средствами, необходимыми для обеспечения безопасности инкассаторских, кассовых работников, водителей автотранспорта и обеспечения сохранности перевозимых ценностей, а также то, что она осуществляется инкассаторскими работниками[7], которые в целях самообороны и для обеспечения сохранности наличных денег снабжаются служебным оружием[8] в соответствии с Федеральным законом «Об оружии»[9].

Таким образом, с момента принятия Банком России Положения № 318-П термин «инкассация» в отношении наличных денег как предмета выполняемой в отношении них финансово-хозяйственной операции приобрел свое толкование, отличное от понятия «перевозка наличных денег», однако лишь для кредитных организаций.

Вместе с тем всеобъемлющего однозначного правового определения термин «инкассация» не имеет до сих пор, а изданное Банком России «Положение о порядке ведения кассовых операций с банкнотами и монетой Банка России на территории Российской Федерации» от 12.10.2011 № 373-П лишь усложнило ситуацию, установив ст. 1.11, что мероприятия по обеспечению сохранности наличных денег при ведении кассовых операций, их хранении и транспортировке юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями определяются самим юридическим лицом, индивидуальным предпринимателем. Неопределенность в правовое регулирование инкассации добавляют и некоторые судебные решения, в которых она подразделяется на «банковскую» и «небанковскую», причем в отношении последней, по мнению суда, законодательство не устанавливает ограничений в использовании труда привлеченных лиц [2; 229].

Так, согласно ст. 18 Федерального закона от 17.07.1999 № 176-ФЗ «О почтовой связи» организации федеральной почтовой связи осуществляют на договорной основе не только распространение печатных изданий, но и инкассацию и доставку денежной выручки, однако правила хранения, перевозки и инкассации наличных денег, установленные Банком России для кредитных организаций, на сферу федеральной почтовой связи не распространяются.

Действительно, правовое регулирование отношений в области почтовой связи в Российской Федерации, согласно ст. 4 указанного закона, осуществляется самим этим законом, Федеральным законом от 07.07.2003 № 126-ФЗ «О связи», другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, международными договорами Российской Федерации, а также законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации в пределах их полномочий. А порядок оказания услуг почтовой связи регулируется правилами оказания услуг почтовой связи, утверждаемыми уполномоченным Правительством Российской Федерации федеральным органом исполнительной власти[10].

Однако ни указанными федеральными законами, ни утвержденными в их рамках положениями об оказании услуг того или иного вида связи правил осуществления инкассации организациями федеральной почтовой связи не установлено.

В сфере организации страхования также широко используется термин «инкассация»[11], в частности, выполняемая за вознаграждение инкассация страховых премий (взносов) страховыми агентами [3; п. 6.2] в соответствии с закрепленными в доверенности агента полномочиями [1; 9]. Вместе с тем каких-либо специальных правил осуществления инкассации страховыми организациями также не существует.

Использует термин «инкассация» и законодательство, регулирующее систему ЖКХ. Так, разделом 2 нормативно-методических материалов по реализации Концепции реформы жилищно-коммунального хозяйства в Российской Федерации, утвержденных Приказом Госстроя РФ от 11.12.1997 № 17–132, предприятию по сбору коммунальных платежей с населения и предприятиям в составе своих подразделений рекомендуется иметь подразделение сбора, хранения, транспортировки и инкассации денежных средств, задачами которого, согласно пункту 2 раздела 3 указан-

ного документа, являются: организация пунктов сбора и хранения денежных средств; организация транспортировки и инкассации денежных средств; организация безопасной работы сотрудников в местах сбора денежных средств, а также в местах хранения или при транспортировке денег. Однако правила организации и проведения инкассации отсутствуют и здесь.

Наконец, правом осуществлять сбор (инкассирование) фрахта и иных сумм, причитающихся судовладельцу по договорам морской перевозки груза, согласно статье 237 Кодекса торгового мореплавания РФ в редакции Федерального закона от 30.04.1999 № 81-ФЗ, наделен морской агент. Вместе с тем правил осуществления указанной операции действующим законодательством, как и в приведенных выше случаях, не установлено.

Имеются и курьезные случаи. Так, в Письме Минфина РФ от 09.07.1993 № 4–03–12 «О налоге на добавленную стоимость», адресованном председателю Центрального банка Российской Федерации, указывается, что инкассация денег является платной специфической транспортной услугой, связанной с обеспечением сохранности денежной наличности. Эта же позиция была поддержана Высшим арбитражным судом Российской Федерации, создавшим судебный прецедент по указанному вопросу[12]. Однако организация того же ведомства, Государственная налоговая инспекция по г. Москве, в письме от 31.01.1996 № 11–13/1670 «О характере деятельности учреждений Центрального банка России по инкассации денежной наличности» занимает диаметрально противоположную позицию, утверждая, в частности, что «на перевозки денежной наличности, в порядке инкассации, не распространяются действия транспортных уставов, и их нельзя считать транспортными услугами».

В марте 2009 года Банк России в связи с участившимися случаями вооруженных нападений на работников кредитных организаций, осуществляющих перевозку и инкассацию наличных денег, а также на клиентов кредитных организаций, получающих наличные деньги в кредитных организациях, направил в адрес кредитных организаций Письмо № 38-Т «О соблюдении требований по перевозке и инкассации наличных денег»[13], в котором еще раз обратил внимание на соблюдение кредитными организациями требований Положения № 318-П в части организации ими перевозки и инкассации наличных денег, особенно отметив необходимость использования при этом технически исправного автотранспорта, оборудованного броневой защитой в соответствии с установленными требованиями законодательства Российской Федерации[14].

Таким образом, инкассация денежных средств, векселей, платежных и расчетных документов является относящейся к банковским операциям специфической финансовой деятельностью, осуществляемой по правилам, установленным Банком России, и на основании лицензии Банка России. Однако этот же термин в понимании, аналогичном банковскому законодательству финансовой операции, имеющей своим предметом наличные деньги и иные ценности, применяется в иных сферах хозяйственной деятельности. При этом правила осуществления инкассации установлены лишь для кредитных организаций и в иных хозяйственных секторах отсутствуют, выпадая из сферы правового регулирования Банка России, что, соответственно, создает правовую неопределенность в этой области и ведет к ослаблению требований, предъявляемых Банком России к ее осуществлению, приводящему, в свою очередь, к неоправданным человеческим жертвам[15]. При таких обстоятельствах для единообразного понимания и применения термина «инкассация» закрепление его правового определения в нормах административного права как наиболее динамичного раздела права представляется наиболее целесообразным.

ИСТОЧНИКИ

[1] О порядке ведения кассовых операций и правилах хранения, перевозки и инкассации банкнот и монет Банка России в кредитных организациях на территории Российской Федерации»: Положение ЦБР от 24 апреля 2008 г. № 318-П (с измен. от 27 февраля 2010 г. № 2405-У) // Вестник Банка России. 2008. № 29–30 (06.06); 2010. № 18 (31.03).

[2] О банке развития: Федеральный закон от 17 мая 2007 № 82-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2007. № 22. Ст. 3.

[3] О порядке ведения кассовых операций в кредитных организациях на территории Российской Федерации: Положение ЦБР от 25 марта 1997 г. № 56 // Финансовая газета. 1997. № 30–32; О введении в действие Положения «О пруденциальном регулировании деятельности небанковских кредитных организаций, осуществляющих операции по расчетам, и организаций инкассации» (вместе с Положением от 08 сентября 1997 г. № 516): Приказ Банка России от 08 сентября 1997. № 02–390 (ред. от 01 декабря 2003 г.) // Вестник Банка России. 1997. № 59; Финансовая газета (Региональный выпуск). 1997. № 39.

[4] О порядке ведения кассовых операций и правилах хранения, перевозки и инкассации банкнот и монет Банка России в кредитных организациях на территории Российской Федерации»: Положение ЦБР от 24 апреля 2008 г. № 318-П (с измен. от 27 февраля 2010 г. № 2405-У) // Вестник Банка России. 2008. № 29–30 (06.06); 2010. № 18 (31.03).

[5] О порядке ведения кассовых операций и правилах хранения, перевозки и инкассации банкнот и монет Банка России в кредитных организациях на территории Российской Федерации»: Положение ЦБР от 24 апреля 2008 г. № 318-П (с измен. от 27 февраля 2010 г. № 2405-У) // Вестник Банка России. 2008. № 29–30 (06.06); 2010. № 18 (31.03). Ст. 1.5.

[6] Об утверждении технического регламента о безопасности колесных транспортных средств: Постановление Правительства РФ от 10 сентября 2009 г. № 720 // Собрание законодательства РФ. 2009 г. № 38. Ст. 4475. Приложение 6. Глава 1.15.

[7] О порядке ведения кассовых операций и правилах хранения, перевозки и инкассации банкнот и монет Банка России в кредитных организациях на территории Российской Федерации»: Положение ЦБР от 24 апреля 2008 г. № 318-П (с измен. от 27 февраля 2010 г. № 2405-У) // Вестник Банка России. 2008. № 29–30 (06.06); 2010. № 18 (31.03). Ст. 7.1.

[8] О порядке ведения кассовых операций и правилах хранения, перевозки и инкассации банкнот и монет Банка России в кредитных организациях на территории Российской Федерации»: Положение ЦБР от 24 апреля 2008 г. № 318-П (с измен. от 27 февраля 2010 г. № 2405-У) // Вестник Банка России. 2008. № 29–30 (06.06); 2010. № 18 (31.03). Ст. 7.2.

[9] Об оружии: Федеральный закон от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 51. Ст. 12; О мерах по обеспечению юридических лиц с особыми уставными задачами боевым ручным стрелковым оружием: Постановление Правительства РФ от 22 апреля 1997 г. № 460 // Собрание законодательства РФ. 1997. № 17. Ст. 2010. Раздел 3.

[10] Об утверждении Правил оказания услуг почтовой связи: Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2005 г. № 221 // Собрание законодательства РФ. 2005. № 17. Ст. 1556.

[11] О формах бухгалтерской отчетности страховых организаций и отчетности, представляемой в порядке надзора: Приложение № 3 к Приказу Минфина РФ от 11 мая 2010 г. № 41 н // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2010. № 25. П. 36.

[12] О практике рассмотрения споров по вопросам налогообложения в 1993 году: Приложение № 2 к Письму Госналогслужбы РФ от 14.06.1994 № ВП-6–08/210 (Обзор практики рассмотрения споров между налогоплательщиками и налоговыми органами в 1993 году (по материалам Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации и арбитражных судов, часть 1 «Противоречия и пробелы в законодательстве») // Правовая система «КонсультантПлюс», 2012.

[13] О соблюдении требований по перевозке и инкассации наличных денег: Письмо Банка России от 23 марта 2009 г. № 38-Т // Вестник Банка России. 2009. № 21.

[14] Об утверждении технического регламента о безопасности колесных транспортных средств: Постановление Правительства РФ от 10 сентября 2009 г. № 720 // Собрание законодательства РФ. 2009 г. № 38. Ст. 4475. Приложение 6. Глава 1.15.

[15] О соблюдении требований по перевозке и инкассации наличных денег: Письмо Банка России от 23 марта 2009 г. № 38-Т // Вестник Банка России. 2009. № 21; О мерах усиления контроля при работе с инкассацией: Письмо Московского ГТУ Банка России ОПЕРУ от 12.08.2008 № 33–06–01/57095 // Правовая система «КонсультантПлюс», 2012.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамов В. Ю., Рыбкин И. В., Григорьева О. Н., Брызгалов Д. В., Цыганов А. А., Колесниченко Н. А. Развитие агентской сети страховой компании: Методическое пособие. Кн. 2. М.: БДЦ-пресс, 2006. 216 с.
2. Брызгалин А. В., Головкин А. Н., Берник В. Р. Учетная политика предприятия для целей налогообложения на 2010 год. М.: Налоги и финансовое право, 2009. 263 с.
3. Савченко О. С. Большая книга бухгалтера страховой компании (БКБСК) // Ежегодный справочник-альманах 2006–2007 гг. Ч. II. Бухгалтерский учет [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ahmerov.com/book_766_chapter_31_6.2._Uchet_raschetov_so_strakhovymi_posrednikami.html

---

Shcherbukhin P. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

SOME ASPECTS OF LAW REGULATION ON CASH COLLECTION

The article is concerned with some aspects of law regulations on cash collection as a type of financial activity. It deals with some questions related to the ambiguity in understanding and usage of thes notion “cash collection” in Russian legislation. Encashment relates to bank operations, which are regulated by the Central Bank of Russia. At the same time, until recently, the exact legal definition of cash collection was absent in the Russian law. The definition was initially introduced by the Bank of Russia for credit institutions. Definition of the legal concept of cash transport, differentiation of these terms, and rules for their implementation followed. However, together with the banking law, terms “encashment” or “cash collection” are used to denote similar transactions in other areas of economic activity, such as provision of postal or insurance services, utilities’ services, and merchant shipping. At present, the rules of cash collection are established only for credit institutions. They are missing in other economic sectors and fall outside the scope of legal regulation in the Bank of Russia. This situation creates legal uncertainty in the encashment regulation and weakens requirements of the Bank of Russia for its implementation. This situation can produce negative effects. In these circumstances, it seems appropriate to introduce a legal definition of “cash collection” into the administrative law, which is undoubtedly the most dynamic section of the law.

Key words: cash, circulation of cash, encashment, cash collection, cash transport

REFERENCES

1. Abramov V. Yu., Rybkin I. V., Grigor’yeva O. N., Bryzgalov D. V., Tsyganov A. A., Kolesnichenko N. A. *Razvitiye agentskoy sety strakhovoy kompanii. Kn. 2* [Development of the insurance company agency network. Book 2]. Moscow, BDC-Press Publ., 2006. 216 p.
2. Bryzgalin A. V., Golovkin A. N., Bernik V. R. Accounting policies for tax purposes in 2010 [Uchetnaya politika predpriyatiya dlya tseley nalogooblozheniya na 2010 god]. *Nalogi i finansovoe pravo* [Taxation and finance]. Moscow, 2009. 263 p.
3. Savchenko O. S. *Bol’shaya kniga bukhgaltera strakhovoy kompanii (BKBSK). Yezhegodnyy spravochnik-almanakh 2006–2007. Ch. II. Bukhgalterskiy uchet* [Big Book of the insurance company bookkeeper (BKBSK). Yearbook, Reference-almanac 2006–2007. Part II. Accounting]. Available at: http://www.ahmerov.com/book_766_chapter_31_6.2._Uchet_raschetov_so_strakhovymi_posrednikami.html/

Поступила в редакцию 21.03.2012

10 апреля 2013 года исполнилось 65 лет доктору педагогических наук, профессору, заведующему кафедрой педагогики и психологии Петрозаводского государственного университета, члену редколлегии научного журнала «Ученые записки Петрозаводского государственного университета» *Татьяне Анатольевне Бабаковой.*

ТАТЬЯНА АНАТОЛЬЕВНА БАБАКОВА

К 65-летию со дня рождения

Т. А. Бабакова родилась в г. Таллине (Эстония). Училась в средней школе № 8 г. Петрозаводска. В 1971 году закончила биологический факультет Петрозаводского университета и начала работать в средней школе № 4 г. Петрозаводска. С 1974 года обучалась в очной аспирантуре НИИ СиМО АПН СССР (г. Москва), после защиты кандидатской диссертации в 1977 году работает на кафедре педагогики и психологии ПетрГУ, более 20 лет являясь ее заведующим. В 1996 году защитила докторскую диссертацию на тему «Теория и практика школьного экологического краеведения» в Институте общего среднего образования РАО (г. Москва). В 2000 году Татьяне Анатольевне присвоено ученое звание профессора, в 2008 году она избрана академиком Международной академии наук педагогического образования.

Научные интересы Т. А. Бабаковой связаны с проблемой экологического образования. Ею разработана концепция школьного экологического краеведения. Татьяна Анатольевна – один из авторов проекта «Моя Карелия» (раздел «Биология», 6–9-й классы), осуществляет руководство научно-методическим проектом «Педагогические технологии в школе и вузе». Под ее руководством защищены 3 кандидатские диссертации, работают 6 аспирантов и соискателей. Т. А. Бабакова является членом регионального Диссертационного совета ДМ 212.087.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора наук при ГОУ ВПО «Карельская государственная педагогическая академия», членом Диссертационного совета Д 212.190.01 при ГОУ ВПО «Петрозаводский государственный университет». Ею опубликовано 138 работ, среди которых авторские программы, учебники и учебные пособия для учащихся и учителей, студентов и преподавателей вуза, статьи в журналах и сборниках научных трудов. Помимо нашего журнала, Татьяна Анатольевна является членом редколлегии журнала «Экологическое образование: до школы, в школе, вне школы» (г. Москва).

Т. А. Бабакова награждена нагрудными знаками «За активную работу в Педагогическом обществе РСФСР» и «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации», является заслуженным работником высшей школы РФ, имеет бронзовую и серебряную медали ВДНХ.

От всей души поздравляем Татьяну Анатольевну с юбилеем и желаем новых свершений в науке и педагогической деятельности!

Редакция журнала «Ученые записки Петрозаводского государственного университета»

CONTENTS

HISTORY

Verigin S. G.
HEROISM DISPLAYED BY SOVIET INTELLIGENT AGENT S.D. GUMENYK ON KARELIAN FRONTS OF GREAT PATRIOTIC WAR **7**

Suni L. V.
"HISTORIALLINEN AIKAKAUSKIRJA" (TO THE 110TH ANNIVERSARY OF THE OLDEST HISTORICAL JOURNAL OF FINLAND) **12**

Smirnova N. V.
LIAO ZHAI STORIES ABOUT MIRACLES IN TRANSLATION BY ACADEMICIAN VASILI MIKHAILOVICH ALEXSEEV AND TAOISM DEVELOPMENT IN CHINA **17**

Suvorov Yu. V.
FERDINAND LASSALLE AND LASSALLEANISM IN NATIONAL HISTORIOGRAPHY **20**

Morozova S. P.
MATERIAL AND TECHNICAL RESOURCES OF SCHOOLS IN KARELIA DURING KHRUSHCHEV'S TIME **25**

PEDAGOGICS

Turkina V. M.
DEVELOPMENT OF METACOGNITIVE SKILLS DURING TRANSITION TO NEW EDUCATIONAL STANDARDS. **29**

Ignatenko M. V.
HISTORY OF PRESCHOOL AND ADOLESCENT ADDITIONAL EDUCATION DEVELOPMENT IN RUSSIA **33**

POLITICAL SCIENCE

Kuzmin A. G.
POLITICAL RADICALISM OF CONTEMPORARY REPRESENTATIVES OF RUSSIAN CATHOLICISM ("RUSSIAN PHALANX") **38**

Shlapeko E. A.
KARELIAN INTERNATIONAL PROJECTS AS RESOURCE OF REGIONAL DEVELOPMENT **42**

SOCIAL SCIENCE

Kadnikova T. G., Isakov V. A.
SOCIOLOGICAL RESEARCH OF HOUSEHOLDS' INCOME IN KARELIAN REPUBLIC **45**

Fadeeva N. L.
MATRIMONIAL STRUCTURE IN CONTEXT OF DEMOGRAPHIC SITUATION. **50**

PHILOLOGY

Akhmetova M. V.
INFORMAL TOPONYMY OF RUSSIAN NORTH (KARELIA AND LENINGRAD REGION) IN ELECTRONIC RESOURSES **54**

Snigireva T. A., Podchinenov A. V.
SYSTEM OF NATIONAL MIRRORS IN WORKS BY BORIS AKUNIN **60**

Obolen'ska D.
BETWEEN SPAGYRIC ACTIVITY AND HERMETIC ART. STRINDBERG'S "INFERNO" AND BLOK'S "ROSE AND CROSS" **67**

Trubitsina N. A.
STORMY WATERS AS KEYNOTE OF "KARELIAN TEXT" IN MICHAEL PRISHVIN'S BOOK "THE LAND OF UNTAMED BIRDS" **74**

Zavarkina M. V.
A. PLATONOV'S NOVEL "VPROK" IN LITERARY AND POLITICAL CONTEXT. **78**

Tavrina A. M.
BYRONIC CHARACTER'S IMAGE IN RUSSIAN ROMANIC STORIES IN EARLY THIRTIES OF XIX CENTURY **82**

PHILOSOPHY

Lebedev S. A.
PROBLEM OF INDUCTION JUSTIFICATION (METAPHYSICAL AND PRAGMATIC APPROACHES) **86**

Shipovalova L. V.
OBJECTIVITY AS SUBJECT OF CONFLICT. **91**

ECONOMICS

Borodin A. I.
MODEL TO CONTROL ENTERPRISE'S FINANCIAL RESULTS **96**

Revaykin A. S.
POPULATION REPRODUCTION IN REGIONS OF NORTHWESTERN FEDERAL DISTRICT: CONDITION, PROBLEMS. **101**

Mironenko N. V.
INSTITUTIONAL CHANGES IN NETWORK MARKET BASED ON INFORMATION CLUSTERING **106**

Tuzhikova O. G.
INNOVATIVE CULTURE IN BUSINESS **111**

LAW

Petrovsky Yu. A.
CRITERIA OF LOW SIGNIFICANCE FOR ADMINISTRATIVE OFFENSE **115**

Shcherbukhin P. V.
SOME ASPECTS OF LAW REGULATION ON CASH COLLECTION. **119**

Jubilation

To the 65th Birthday Anniversary of T. A. Babakova. . . **123**